

ISSN 0202—151 X

**O'ZBEKISTONDA
IJTIMOIY
FANLAR**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

5-6-2005

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA
IJTIMOIY
FANLAR

2005

5—6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор экономических наук А. М. КАДИРОВ (*главный редактор*), доктор исторических наук Б. АБДУХАЛИМОВ (*зам. главного редактора*), доктор философских наук К. НАЗАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН Узбекистана С. С. ГУЛЯМОВ, акад. АН Узбекистана Н. И. ИБРАГИМОВ, акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН Узбекистана А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, акад. АН Узбекистана Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, акад. АН Узбекистана Э. В. РТВЕЛДЗЕ, акад. АН Узбекистана А. Х. ХИКМАТОВ, доктор исторических наук Д. А. АЛИМОВА, доктор филологических наук Т. МИРЗАЕВ, доктор юридических наук А. Х. САИДОВ, доктор исторических наук Д. Ю. ЮСУПОВА, доктор исторических наук Т. Ш. ШИРИНОВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Боровского, 5.

Телефон: 136-78-27.

© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2005 г.

Редакторы *Б. И. Кнопов, Ю. Паршова*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Регистр. № 147. Сдано в набор 28.12.2005. Подписано к печати 27.02.2006.
Формат 70×109 1/16. Гарнитура TimesUZ. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,70. Уч.-изд. л. 7,36. Тираж 235. Заказ 490.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. академика Я. Гулямова, 70.

Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170, Ташкент,
ул. академика Х. Абдуллаева, 79.

А. ЛАТИФОВ

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРАВО В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН КАК НОВАЯ ОТРАСЛЬ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В усилении роли и влияния законодательной власти, особо отмеченных Президентом И. А. Каримовым на совместном заседании палат Олий Мажлиса, важное значение имеет глубокое научно-теоретическое исследование парламентского права в нашей стране как составной части реального парламентаризма¹. Парламентаризмом обычно называют такую систему организации государственной власти, в которой парламент занимает заметное (или ведущее) место. Под парламентским же правом понимают совокупность правовых норм, регламентирующих статус, порядок формирования, внутреннюю организацию и деятельность парламента².

В настоящее время наша юридическая наука вплотную столкнулась с необходимостью разработки проблем парламентского права. О том, что разработка концепции данной отрасли права и науки еще далеко отстает от исследования других проблем, в частности конституционного права, отмечалось и в работах исследователей этой проблемы³. Дискуссионными или недостаточно разработанными остаются многие вопросы данного института. Само понятие «парламентское право», относительно недавно появившееся в юридической литературе, также не получило пока точного самостоятельного определения, а увязало в терминах типа «парламентские процедуры», «парламентский процесс», тогда как динамика развития парламентаризма настойчиво свидетельствует не только о создании, но и о развитии данной отрасли права и науки⁴.

В этой связи актуальным остается и вопрос о месте парламентского права в системе права. Следует отметить, что среди конституционалистов нет единства мнений в этом важном вопросе. Авторы современных учебных курсов по конституционному праву (и России, и зарубежных стран) не спешат признавать парламентское право в качестве самостоятельной отрасли науки, а больше определяют ее как подотрасль конституционного права⁵. Более определенно о статусе парламентского права высказался И. М. Степанов: «Как ни соблазнительно объявить парла-

¹ См.: Каримов И. А. Наша главная цель — демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны: Доклад на совместном заседании палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан // Народное слово. 2005. 29 янв.

² См., напр.: Парламентское право России: Учебное пособие / Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999. С. 5.

³ Халилов Э. Х. Высший законодательный орган Республики Узбекистан: от формального представительства до реального парламентаризма. Ташкент, 2001. С. 261.

⁴ См.: Степанов И. М. Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996. С. 62–68.

⁵ См., напр.: Хабриева Т. Я. Понятие и место парламентского права России в системе права // Журнал Российского права. 2002. № 9. С. 7.

ментское право особой отраслью, все же больше оснований видеть в нем подотрасль конституционного права, его динамичное «я»⁶.

Точка зрения на парламентское право как на подотрасль конституционного права с течением времени утвердилась и в работах А. С. Автомонова, В. Д. Горобца, некоторых других авторов, специализирующихся на проблемах конституционного и парламентского права⁷. Они считают, что парламентское право трудно полностью отделить от конституционного права, так как, во-первых, оно вышло из недр конституционного права, является продуктом его развития, а во-вторых, нормы конституционного права составляют неотъемлемую часть парламентского права, его основные начала.

Вместе с тем, как нам представляется, парламентское право не может быть названо и конституционно-процессуальным правом по той причине, что парламентские процедуры — лишь часть процедур, в которых формируются и взаимодействуют высшие государственные органы; это совсем не то, что соотношение уголовного и уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального права.

В то же время представление о парламентском праве только как о процедурном, процессуальном должно быть несколько скорректировано с учетом того, что оно складывается под влиянием норм и принципов конституционного права и имеет в своей основе материальные нормы, непосредственно относящиеся к конституционному праву, и включает их в свое содержание. В этой связи самостоятельное рассмотрение парламентского права затруднено практически сложностями создания иного кодифицированного законодательного акта, включающего правовые нормы в данной сфере, поскольку парламентское право регулирует парламентско-правовые отношения на различных уровнях — как внутрипарламентские, так и между парламентом и другими высшими органами государства (например, с Президентом, Правительством, судебными органами, между парламентом и местными представительными органами государственной власти, между парламентом и избирательным корпусом).

И все же общая тенденция развития системы права за последние 15 лет, бурный рост отраслевого законодательства, его коренная переработка способствовали возникновению новых направлений правового регулирования общественных отношений, обусловили появление кодифицированных актов, новых отраслей законодательства. В силу этого, как о самостоятельных отраслях права заговорили в последнее время о таких объединениях правовых норм, которые ранее считались лишь подотраслями или даже институтами права. К их числу можно отнести и парламентское право, которое в последние годы начинает проявлять все качества самостоятельной отрасли права и все больше обособляться от конституционного права⁸. Еще в первой половине 90-х годов XX в. Б. Н. Топорнин назвал парламентское право новой самостоятельной отраслью права⁹. По этому вопросу есть и мнения ученых Узбекистана. Например, Э. Х. Халилов считает, что, «имея свой предмет, парламентское право закономерно претендует на то, чтобы быть самостоятельной учебной дисциплиной. В юридической науке Узбекистана созрела необ-

⁶ Конституционный строй России: Вопросы парламентского права. М., 1995. С. 7.

⁷ См., напр.: Автомонов А. С. Правовая онтология политики: К построению системы категорий. М., 1999. С. 312.

⁸ Конституционный строй России... С. 5.

⁹ См.: Парламентское право России... С. 16.

ходимость создания новой самостоятельной юридической дисциплины — «Парламентское право Республики Узбекистан»¹⁰. Такого же мнения придерживаются А. Латифов и ряд других исследователей¹¹, так как с признанием в Узбекистане принципа разделения властей, образованием двухпалатного парламента и осознанием того огромного значения, которое имеет новый законодательный орган в политическом процессе и правовой жизни, и последовавшим развитием парламентского права, последнее в какой-то мере стало обособляться и занимать особое место в конституционном праве.

Но следует учитывать, что нормы конституционного права в силу своей специфики, основополагающего характера так или иначе всегда являются базисом для любой отрасли права. С другой стороны, парламентские отношения (как внутреннего, так и внешнего характера), уходя корнями своими в конституционные правоотношения, все же представляют собой довольно обширный самостоятельный блок правоотношений, в основном организационного свойства.

Таким образом, позиция самостоятельного рассмотрения парламентского права, как полагает ряд ученых, требует дополнительной аргументации¹². Здесь, видимо, следует согласиться с мнением С. А. Авакьяна, что «вопрос о существовании такой отрасли права является весьма дискуссионным, многие исследователи обоснованно рассматривают проблемы российского парламентаризма в рамках конституционного права России»¹³.

Традиционно основы правового статуса, формирования и компетенции деятельности высших государственных органов, в том числе парламента, регулируются нормами конституционного права. В этой связи напомним, что под предметом правового регулирования понимается обособленная группа общественных отношений, регулируемая определенной отраслью права¹⁴. Этот принцип сохраняется и в настоящее время. Парламентское право в нашей стране и многих других государствах рассматривается как важная составная часть конституционного права. Основы формирования и деятельности законодательной власти в Узбекистане регулируются Конституцией Республики Узбекистан. В ее развитие внесены и существенные изменения, связанные с образованием двухпалатного парламента, а также принят целый ряд нормативных актов, направленных на обеспечение оптимальной реализации конституционных положений. В их числе — законы о выборах в Олий Мажлис, о Законодательной палате, о Сенате, о регламентах палат и др.

В науке выделяют три основных блока источников парламентского права: собственно юридический (Конституция, законы, подзаконные нормативные акты, регламенты палат, решения Конституционного суда и некоторые другие), рекомендательно-процедурный (парламентские традиции, обычаи) и доктринальный (теоретико-научный). При этом, как уже отмечалось, прослеживается прямая, «корневая» взаимосвязь парламентского и конституционного права и, соответственно, вытекают общие теоретико-практические вопросы.

¹⁰ Х а л и л о в Э. Х. Указ. соч. С. 261.

¹¹ См., напр.: Л а т и ф о в А. Парламентское право: некоторые штрихи // Хукук-Право—Law. 2004. № 4. С. 49.

¹² См.: Парламентское право России... С. 14.

¹³ А в а к ъ я н С. А. Федеральное Собрание — парламент России. М., 1999. С. 7.

¹⁴ См.: Б о б ы л е в А. И. Основания построения системы права и системы законодательства // Политика и право. М., 2003. № 3. С. 143.

Следует обратить внимание на то, что специфика парламентского права заключается в его двухуровневости, объясняемой многогранностью процессов развития парламентских отношений. Но в отличие от других двухуровневых отраслей (подотраслей) права своеобразие предмета регулирования парламентского права состоит в том, что парламент и местные представительные органы, как, например, в Узбекистане, не соподчинены, не составляют единого структурированного и организационного государственного механизма. В то же время принцип единства государственной власти предполагает организацию функционального уровня в соответствии с основами конституционного строя на единых конституционных принципах. Все это характеризует тенденции развития парламентского права, его новые черты. Показательно, кстати, и то, что исследователи все чаще вычленяют новые отрасли в международном праве, и только дальнейшая дискуссия покажет плодотворность таких попыток.

В изучении науки парламентского права особое значение приобретает правильная методология сравнительного анализа парламентов. На рубеже XXI в. еще более обострилась проблема общего, особенного и единичного в парламентских институтах. Их изучение требует не механического, чисто внешнего сопоставления, хотя и такое возможно, а аналитического сравнения. В последние десятилетия наиболее интересным, на наш взгляд, было сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира, проведенное Межпарламентским союзом в лице Международного центра парламентской документации, который разослал в национальные парламентские группы анкету-вопросник. Полученные данные по состоянию на 1 июля 1963 г. были обработаны доктором М. Амеллером, и в 1967 г. подготовленная на их основе книга «Парламенты» была опубликована¹⁵. Во введении этой работы объяснена цель издания — объективно охарактеризовать парламенты, чтобы они могли сравнить свою систему с системами других стран, и облегчить приспособление парламентов к изменяющимся условиям. Часть первая книги посвящена структуре парламента, часть вторая — организации его работы, часть третья — законодательной функции, часть четвертая — его финансовым полномочиям, часть пятая — контролю парламента над исполнительной властью.

Со временем парламентское развитие обогащалось новыми идеями, принципами, современным опытом организации и деятельности. В результате появляется потребность в новых сравнительных исследованиях парламентов, одним из которых стало издание в 1991 г. книги «Парламенты мира»¹⁶, предпринятое советско-американским фондом «Культурная инициатива». Цель книги — приобщение широких слоев общества к опыту парламентов США, Канады, Великобритании, Франции, Австрии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Португалии и Японии. Рассказ о каждом из них ведется по общей схеме: образование, структура, компетенция, процедуры принятия законов, парламентские комитеты и комиссии, парламентские дебаты и голосования, а очерки истории парламентаризма и деятельности Европарламента призваны расширить кругозор читателя и ввести его в общепарламентскую тематику прошлого и настоящего.

¹⁵ См.: Амеллер М. Парламенты: Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира/Новое и пересмотренное изд., подготовленное доктором Мишелом Амеллером. М., 1967.

¹⁶ См.: Парламенты мира. М., 1991.

Наиболее фундаментальным, как нам представляется, сравнительно-правовым исследованием проблем парламентаризма стала книга «Сравнительное конституционное право»¹⁷. В ее главе IX «Конституционные модели законодательной власти» выделяется несколько строгих критериев, следование которым позволяет видеть общее и особенное в парламентах разных стран: а) различия в наименованиях парламентов и их палат; б) четыре модели взаимоотношений парламентов с президентской и исполнительной властью; в) различия между однопалатными и двухпалатными парламентами; г) наличие надпарламентских структур; д) разный характер и объем функций и полномочий парламентов, включая представительную, законодательную и контрольную функции; е) общие тенденции развития парламентов. В целом же сравнительный анализ парламентов или законодательной власти проводится под разным углом зрения.

В юридической науке сравнительные характеристики содержатся и в работах по теории государства и права¹⁸, государственному или конституционному праву. Политическая наука уделяет внимание парламентам, но не столько в аспекте их сопоставления, сколько дачи общих характеристик путем сравнения типичных черт парламентских институтов. Подобные науковедческие подходы позволяют рассматривать разные грани парламентов, причем в том или ином социальном контексте, но нельзя при этом и смешивать их, допускать дублирование.

По нашему мнению, можно руководствоваться следующими методологическими положениями сравнительного правоведения. Во-первых, изучаются вопросы общего, особенного и единичного в парламентах разных стран. Общие характеристики являются наиболее абстрактными, отражающими главные типичные черты всех или многих парламентов.

Особенное выражает черты, свойственные группе парламентов, и однородность включения их в группу объясняется либо сходством идейно-мировоззренческих корней (например, классические устойчивые европейские парламенты), либо региональными причинами (парламенты скандинавских стран), либо общими ситуационными причинами (например, реформы парламентов в странах Восточной Европы). Причем даже в монархических государствах наблюдается несходство парламентских институтов. Они хорошо развиты в Швеции, Дании, Норвегии, Нидерландах с присущей этим странам концепцией демократии и верховенства права и не развиты в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и других, где господствует религия и мусульманская доктрина права¹⁹.

Единичное в парламентах отражает то их многообразие, которое в наибольшей степени характерно для того или иного государства, развивающегося в своей конкретно-исторической обстановке. Например, очень своеобразны названия законодательных органов: «парламент», «конгресс», «национальное собрание», «сенат», «Федеральное Собрание», «Государственная Дума», «Верховный Совет», «Народный Хурал», «меджлис», «Бундестаг», «Генеральные кортесы», «сейм», «Стортинг», «Альтинг», «Жокоргу Кенеш», «Олий Мажлис», «Генеральный Конгресс», «Хорватский собор» и т. д., которые различаются по способам формирования нижней и верхней палат, их компетенцией.

¹⁷ См.: Сравнительное конституционное право. М., 1996.

¹⁸ См., напр.: Общая теория права и государства. М., 1994. С. 279–286.

¹⁹ См.: Сравнительное конституционное право. С. 505–589.

Во-вторых, объектом сравнительного анализа парламентов являются собственно парламенты как таковые. Часто объектом сравнения выступают их отдельные элементы: объем законодательной и контрольной компетенции, законодательный процесс, взаимоотношения с президентом, правительством, статус членов (депутатов) парламентов, аппарат парламентов и т.д. Сужение объектов сравнения может быть вызвано особым интересом, например сопоставлением бюджетных полномочий парламентов.

В-третьих, сравнительное изучение парламентов должно включать в себя, в том или ином объеме, ознакомление с конституционной структурой государственной власти в стране. Без этого нельзя понять в полной мере, например, своеобразия отношений парламента с другими государственными органами, и полезным дополнением здесь послужат концепции и научные труды ученых-юристов, политологов о «своих» парламентах.

В-четвертых, важным методологическим критерием являются соизмеримость и адекватность используемых понятий и терминов. Культурные традиции и особенности языка в сочетании со спецификой юридических понятий должны устанавливаться с наиболее возможной точностью. В противном случае за внешним сходством или несходством парламентских явлений не удастся увидеть их природы. Сказанное относится, например, к разнозначным понятиям: «акт», «процесс», «спикер», «сенат», «палата» и другим, которые, например, применяются и в законодательстве Узбекистана.

В-пятых, сопоставление парламентов будет правильным и достоверным лишь при условии учета «исторического факта» развития каждого из них. То, что было хорошо для парламента одной страны, трудно перенести через много лет в практику даже сходной страны.

Нельзя не признать, что парламентское право имеет определенную специфику предмета и метода правового регулирования. Оно регулирует организационные, процессуальные отношения. Если в целом для конституционного права характерны методы, основанные на властных, императивных началах, то для парламентского — прежде всего на началах координации и согласования²⁰. В предмет парламентского права ряд ученых включают две условно разграничиваемые группы общественных отношений. Это так называемые сущностные, т.е. материального характера, отношения, посредством которых выявляется предназначение парламента как представительного и законодательного органа и его связь с народом — источником власти, а также отношения, которые призваны определить место парламента в системе разделения властей. Вторая группа отношений включает организационные, процессуальные аспекты, парламентские процедуры, парламентский процесс и т. д.

Многие вопросы парламентского права рассматриваются в учебниках по конституционному праву. Здесь обычно дается краткая характеристика сущности парламентаризма, раскрываются статус парламента, его место в системе высших органов государственной власти, функции и компетенция, структура, порядок формирования и внутренняя организация, статус парламентария. Излагаются порядок работы парламента, законодательный процесс и иные парламентские процедуры, среди которых наиболее важны процедуры, связанные со взаимоотношениями парламента и иных государственных органов (выборы, назначения, кон-

²⁰ См.: Парламентское право России... С. 14.

трольные полномочия, импичмент, политическая ответственность правительства и т. д.).

Примерно такие же вопросы изложены и в специальной литературе по парламентаризму и парламентскому праву. В упомянутом выше одном из первых изданий, посвященных парламентам зарубежных государств (Парламенты мира. 1991) речь идет и о внутренней организации палат, законодательном процессе, о контрольных полномочиях, о правовом статусе депутата. Заслуживает внимания в этой связи пока еще одна из немногих по проблеме парламентского права в Узбекистане книга проф. Э. Х. Халилова, вышедшая в 2001 г., где также в учебно-методическом аспекте рассматриваются вопросы, связанные со становлением и развитием законодательного органа государственной власти нашей страны, предлагается примерная программа учебного курса «Парламентское право Республики Узбекистан»²¹. Однако названная литература в связи с переходом Республики Узбекистан на двухпалатную парламентскую систему и существенным обновлением правовой базы национального парламента не может в полной мере удовлетворить возрастающую потребность в изучении данной науки. Но, пока не составлены учебники и специальные пособия, эти публикации в определенной мере используются в преподавании данной отрасли науки, которая в качестве отдельной дисциплины с 2002 г. включена в учебные планы на кафедрах конституционного права.

Впрочем, уже появились новые монографии и публикации по проблемам двухпалатного парламента таких ученых Узбекистана, как О.З. Мухамеджанов²², Х.Т. Адылкариев²³, А. Латифов²⁴ и ряда других.

В связи с проводимой в Узбекистане парламентской реформой и подготовкой специальной учебной литературы по парламентскому праву представляют определенный интерес и книги, изданные по этой тематике учеными зарубежных государств, где накоплен богатый опыт парламентской деятельности²⁵. Работы, анализирующие данную проблематику, как, например, российская литература, начинаются обычно с освещения общих вопросов парламентаризма и парламентского права. Рассматриваются статус, компетенция, порядок формирования, структура парламента, внутренняя организация палат, порядок их работы, законодательный процесс, положение парламента в системе государственных органов и взаимодействие с ними, правовой статус депутата, сенатора. Все эти проблемы рассмотрены, естественно, в значительно большем объеме, чем в учебных и научных изданиях по конституционному праву. Дополнительно освещаются вопросы межпарламентского сотрудничества и международно-правовой деятельности парламента, а также организационно-правового и технического обеспечения работы его палат.

²¹ Х а л и л о в Э. Х. Указ. соч. 325 с.

²² М у х а м а д ж о н о в О. З. Парламент демократик тараққийёт йўлида. Тошкент, 2004. 265 б.

²³ О д и л қ о р н и е в Х. Т., Т у д ь т е в И. Т., М у х а м е д о в У. Х. Икки палатали парламент. Тошкент, 2004. 204 б.

²⁴ Л а т и ф о в А. Парламентское право Республики Узбекистан: вопросы теории и практики. Ташкент, 2005. 250 с.

²⁵ См., напр.: Парламентское право России: Учебное пособие/Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999. 310 с.; Г р а н к и н И. В. Парламент России. Изд. 2-е, доп. М., 2001. 342 с.; О х о т с к и й Е. В. Государственная служба в парламенте: отечественный и зарубежный опыт. М., 2002. 400 с.; Senates and upper Chambers: Their Use and Function in the modern State. Parliaments of the World. Vol 1. N.Y., 1986.

Как нам представляется, эти вопросы охватывают довольно широкий спектр проблем парламентаризма. Но глубокое их изучение и освоение в учебном плане могут вызвать определенные сложности в связи с недостатком времени на проведение необходимых лекционных и семинарских занятий, ограниченных учебными планами. Решение данной проблемы видится нам, прежде всего, в составлении оптимальной учебной программы специального курса парламентского права — как отдельного предмета либо в структуре конституционного права. Программа этого учебного курса должна быть составлена на основе законодательства, которое действует с образованием нового парламента Узбекистана. Поэтому преподавание нового учебного курса в учебных заведениях страны должно носить теоретико-прикладной характер и предполагать ознакомление студентов (слушателей) с идеями и принципами парламентаризма, основами формирования и деятельности двухпалатного Олий Мажлиса. Учебный курс целесообразно вести со второго или третьего годов обучения, после изучения курса конституционного права и уяснения общих положений такого предмета, как теория государства и права.

На наш взгляд, программа должна содержать следующие основные разделы: введение в изучение курса «Парламентское право Республики Узбекистан», раскрывающее понятие, предмет и метод парламентского права; источники парламентского права, где излагается система основных и дополнительных правовых актов, регулирующих общественно-политический статус, компетенцию, полномочия и другие правовые аспекты организации и деятельности парламента, его органов; парламентские модели, где даются их общая характеристика и особенности; порядок образования парламента, включая основные принципы формирования парламента; парламент в системе разделения властей, где освещаются вопросы определения законодательной власти и ее места в системе разделения властей; структура, основные полномочия и функции парламента и его органов, где раскрываются принципы формирования палат, комитетов и других органов, их законодательная, контрольная, финансово-бюджетная, представительная, учредительная и другие функции; деятельность аппарата парламента, местных органов представительной власти. По этой примерной программе уже велось преподавание курса парламентского права в 2003–2005 учебных годах на кафедрах конституционного права Национального университета Узбекистана и Ташкентского государственного юридического института, которое выявило большой интерес студентов, магистров и преподавателей к данному предмету и хорошее усвоение учебного материала. Данными кафедрами также подготовлен большой объем научно-методических разработок, рефератов, дипломных работ по теории парламентаризма и парламентского права.

Дальнейшее совершенствование национального парламента и парламентского права требует тщательной систематизации и осмысления фактической и научной информации, глубокого изучения проблем парламентских институтов в тесной связи с конституционным правом, с теми науками и научными направлениями, учебными программами, которые рассматривают смежные с парламентаризмом вопросы или те же вопросы, но под другим углом зрения.

К АНАЛИЗУ МИРОВОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Научно-технический прогресс, признанный во всем мире важнейшим фактором экономического развития, все чаще связывается в экономической науке и практике с понятием инновационного процесса. Этот единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и менеджмент, состоит в получении новаций и простирается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации.

Мировой опыт свидетельствует о том, что главными проводниками радикальных технических нововведений выступают обычно малые научно-технические и инновационные фирмы, опирающиеся в своей деятельности, как правило, на государственную поддержку и стимулирование. В экономически развитых странах разработаны эффективные пути и формы осуществления такой поддержки. Особый интерес в этом отношении представляет опыт США, Японии, Германии, Великобритании, Канады, Франции, Израиля, где практическое решение научно-технических проблем основано именно на активном участии государства в проведении инновационной политики.

В США, например, институциональной поддержкой инновационного предпринимательства занимаются администрация по делам малого бизнеса, Национальный научный фонд, НАСА, университеты, отраслевые министерства; в Германии ту же работу проводят министерства экономики, научных исследований и технологий, Федерация промышленных исследовательских ассоциаций, Патентный центр; во Франции — министерство экономики, Национальное агентство по внедрению результатов исследований, Научно-технический фонд; в Японии — Корпорация финансирования мелкого бизнеса, Народная финансовая корпорация, Центр рискованного предпринимательства; в Италии — Фонд технологических нововведений. Вместе с центральными и коммерческими банками, страховыми фондами все эти организации создают необходимые основы для эффективной поддержки национальных программ развития малого инновационного предпринимательства.

Усиление открытости национальной экономики в промышленно развитых странах, возрастание ее зависимости от мирового хозяйства, необходимость повышения ее конкурентоспособности привели к постепенной переориентации всей системы государственного регулирования экономики в этих странах прежде всего на активизацию поддержки инновационного предпринимательства. Так, в США научно-технический прогресс, технологические нововведения превратились с 80-х годов XX в. в безусловный приоритет государственного регулирования экономических процессов.

Закон 1982 г. о развитии нововведений малым бизнесом в США предусматривал участие в субсидировании инновационных проектов малых фирм с численностью занятых до 500 чел. всеми федеральными ведомствами, имеющими исследовательский бюджет в размере 100 млн. долл. Норма отчислений на субсидирование малых фирм выросла до 7,25% в 1987 г., а к 1988 г. ежегодные ассигнования государственных ведомств на эту программу достигли 500 млн. долл.

Важное значение при проведении государственной научной политики в США придается качеству материально-технической базы науки,

прежде всего университетской. Министерство обороны, например, осуществило в 80-е годы программу развития исследовательской базы университетов и колледжей. Аналогичные программы осуществляли и другие ведомства, в том числе Национальный научный фонд, выделивший средства на то, чтобы университетские исследователи могли арендовать машинное время суперкомпьютеров, установленных в государственных лабораториях.

Правительство США участвует путем выдачи целевых субсидий, дотаций, исследовательских стипендий в установлении долгосрочных связей между фундаментальной наукой и промышленностью; создает центры инженерных исследований, где университетские ученые занимаются проблематикой, интересной для промышленных компаний. Предусмотрено, что общее число таких центров должно достичь 100. Национальный научный фонд создает инфраструктуру этих центров, а сами НИОКР финансируются заказчиками соответствующих исследований.

Государственные ведомства США входят в качестве полноправного финансового партнера в исследовательские проекты, объединяющие средства частных компаний и государства и распределяющие их на фундаментальные исследования в университетах. Каналами перемещения результатов фундаментальной науки непосредственно в промышленность служат специальные курсы обучения специалистов из частных фирм в университетах и федеральных лабораториях, осуществляющих НИОКР. Подобные курсы созданы при ряде министерств и ведомств (Национальное бюро стандартов, Национальный научный фонд и др.) и при ведущих технических вузах.

Помимо общенаучной политики, в рамках различных государственных ведомств осуществляются меры специального характера. Они прямо нацелены на стимулирование инновационной активности бизнеса (например, программы поддержки нововведений в малых фирмах, предусматривающие финансовую помощь). Проведение прикладных исследований финансирует Национальный научный фонд, предоставляющий рисковый (венчурный) капитал инновационным фирмам из государственных средств и способствующий созданию центров нововведений (инкубаторов новых идей). Целевые фонды рискового капитала образуются также на уровне отдельных штатов и городов, выделяющих определенные средства из своего бюджета.

«Центры нововведений», или «центры промышленной технологии», обычно организуются в университетах, чтобы ученые и студенты имели возможность довести свои идеи до стадии готового к реализации продукта.

В США разрешено патентование исследований и разработок, проведенных в частных фирмах на средства государства, а также предоставляются лицензии на использование патентов, принадлежащих правительству, с правом их последующего использования в коммерческих целях.

К другим специальным мерам стимулирования инновационной активности относится система льгот (беспроцентный или низкопроцентный кредит), предоставляемых фирмам-новаторам в новых областях НТП, что позволяет им определенное время функционировать в монопольных условиях предпринимательской деятельности. Подобное стимулирование позволяет привлечь частные фирмы к работам по освоению космического пространства. Одной из мер косвенного стимулирования инновационной активности, связанной с формированием экономиче-

ских условий для предпринимательской деятельности, является проведение льготной налоговой и амортизационной политики, позволяющей предпринимателям направлять значительную часть средств и ресурсов на НИОКР. В первую очередь, это относится к налогообложению операций с рисковым капиталом.

На инвестиции в НИОКР установлена 25% скидка, соответственно сокращающая долю прибыли, уплачиваемую как налог. Такая скидка введена в дополнение к существующему законодательству, разрешающему списывать все расходы на НИОКР из облагаемой налогом суммы по типу текущих затрат. Налоговые стимулы значительно облегчают венчурные операции корпораций по финансированию внедренческих фирм и формированию фондов рискового финансирования денежными собственниками. Так, снижены с 23 до 20% налоги на доходы от операций с ценными бумагами, установлены скидки собственникам, вкладывающим средства в научно-исследовательские партнерства.

Ныне в США насчитывается около 15 тыс. малых инновационных фирм. В расчете на одного занятого они дают вдвое больше нововведений, чем крупные, а принципиально новых продуктов — больше в 2,5 раза. Малые фирмы значительно опережают крупные в скорости осуществления нововведений. Период от начала разработки нового продукта до его коммерциализации и выхода на рынок у малых фирм равен 2,2 года, у крупных — почти в 1,5 раза выше. По оценкам Научного фонда США, 98% крупнейших разработок новых изделий поступает там от малого предпринимательства. В среднем на 1 долл. затрат на НИОКР малое предпринимательство создает в 24 раза больше нововведений, чем крупное корпоративное предпринимательство¹.

Государственное стимулирование инновационного предпринимательства осуществляется практически во всех странах с развитой рыночной экономикой. Так, во Франции в 1980 г. создан специальный банк, осуществляющий долго- и среднесрочное кредитование на льготных условиях закупок оборудования малыми и средними предприятиями; гарантирование кредитов; льготное налогообложение и особый порядок амортизации; контроль за взаимоотношениями малых предприятий с крупными с целью недопущения со стороны последних несправедливых сделок; содействие в проведении анализа хозяйственной деятельности и организации обучения персонала. В префектурах созданы региональные информационные центры, финансируемые из госбюджета и снабжающие малые предприятия любыми интересующими их данными. Бюджетные научные центры по указанию государственных органов зачастую бесплатно передают малым фирмам для внедрения результаты своих разработок.

В Японии поощряется выпуск акций даже очень малыми фирмами. Государство поддерживает крупные посреднические акционерные общества, специализирующиеся на покупке акций небольших компаний и выпуске собственных акций, а также распространение акций малых и средних предприятий. Действует система касс взаимопомощи (банков взаимного кредитования), поддерживаемая правительством. Она формируется из взносов предприятий и используется для оперативного предоставления беспроцентных кредитов на текущие операции.

¹ Аристер Н. И., Половинкин П. Д., Сахаров Ю. В. Предпринимательство как стратегический фактор экономического развития: Препринт. СПб., 1996. С. 20-21.

В Республике Корея большую роль в системе финансирования малого бизнеса играет Кредитный гарантийный фонд, созданный за счет средств правительства и специализированных финансовых учреждений и функционирующий на коммерческих началах. Фонд дает кредитные гарантии под займы для малых и средних предприятий, работающих в приоритетных отраслях. Если заем предоставляется банковским учреждением для инвестирования в основные фонды малого или среднего предприятия, то сумма до 1500 млн. вон на 70% страхуется автоматически. Размер комиссионного платежа — 1% годовых (для крупных предприятий — 1,5%).

Ныне без внедрения новых технологий ни одна экономика в мире не будет конкурентоспособной. Известно, что новые индустриально развитые страны, такие, как Республика Корея, Сингапур, Китай, Малайзия, стали таковыми именно благодаря использованию современных технологий.

В Китае, например, где уже более 10 лет реализуется программа инновационно-технологического развития страны, создано 52 технопарка, в каждом из которых функционирует до 300 инновационных центров поддержки инновационного предпринимательства. Согласно плану, разработанному на 10 лет и утвержденному Госсоветом КНР, около 200 технологических исследовательских центров привлекли 30–40 тыс. высококвалифицированных специалистов из разных областей знаний². Крупным государственным агентством САЗ была принята программа по привлечению иностранных специалистов, причем средний их возраст определен в 35 лет. Основными направлениями, в которых эти ученые добились успехов, стали разработка интегральных микросхем, волоконно-оптических технологий, достижения в биологической сфере, новые ядерные технологии, лазерная техника и ряд других. За последние десять лет из купленных и совместно разработанных 1440 технологий 909 — приходится на области промышленности, остальные — на области сельского хозяйства. 85% этих технологий реализованы в народном хозяйстве КНР и дали экономический эффект в 7,3 млрд. долл., а также принесли налоговые платежи в бюджеты разных уровней в размере 1,9 млрд. долл. Сельскохозяйственные разработки позволили увеличить урожай на 5 млн. т в год. В КНР сейчас насчитывается более 1,5 млн. частных предприятий и предприятий на паевых началах, свыше 30 млн. единоличных хозяйств, где занято 130 млн. человек. Уже в первом полугодии 2000 г. объем реализации товаров этих предприятий оценивался в 450 млрд. юаней³. Поэтому они не только имеют значительную долю в традиционных гражданских отраслях промышленности, но и проникают в сферу высоких технологий — в производство ЭВМ, освоение средств программирования, производство вертолетов и даже в такие отрасли, как гражданская авиация и высшее образование.

Тенденции роста финансового обеспечения инноваций в КНР таковы. Еще в 1985 г. было выделено 180 млн. долл. на новые технологии, которые дали экономический эффект в 460 млн. долл. В 1986–1990 гг. было инвестировано 815 млн. долл. (из них 435 млн. долл. — из государственного бюджета), что дало эффект 4,9 млрд. долл. В 1991–1995 гг.

² Медынский В. Г., Шаршукова Л. Г. Инновационное предпринимательство. М., 2001. С. 55.

³ Экономический вестник Узбекистана. 2001. № 11.

финансирование составило 1,1 млрд. долл. (из бюджета — 545 млн. долл.) с эффектом 7,23 млрд. долл., а в 1996—2000 гг. инвестиции в инновации достигли 2 млрд. долл. Правительством КНР создаются специализированные фонды развития инновационной деятельности, в том числе для конкретных проектов и направлений, отобранных для дальнейшего повышения инновационного уровня экономики страны.

В Европе инновации не являются столь же мощным фактором в конкурентной борьбе предприятий, как в США и Японии. Европейский парадокс заключается в том, что исследования и разработки там медленнее внедряются в производство и не получают достаточного распространения на рынке, хотя имеется превосходная научная база для разработок, особенно в некоторых высокотехнологичных отраслях экономики.

Осознание необходимости адекватно отреагировать на ситуацию в области инноваций привело к дебатам по данной проблематике, начавшимся в 1995 г. В ходе обсуждения этой проблемы были проанализированы основные факторы, которые могли бы способствовать развитию инноваций как в частном, так и в государственном секторах. В «Зеленом документе по проблемам инноваций» (20 декабря 1995 г.) были определены меры, которые могли бы способствовать более активному распространению инноваций. Путем анализа влияния инноваций на деятельность компаний было определено 13 направлений, с помощью которых Европейское Сообщество могло бы успешно продвигаться вперед по пути развития инновационных процессов.

Но проблема заключается не только в самих технологиях. Помимо недостаточного размаха исследований и меньшего числа задействованных ученых в ЕС по сравнению с США и Японией, существовали и другие причины, такие, как: отсутствие тесной связи между промышленным сектором и наукой; высокая стоимость патентов и сложность патентной системы; слишком длительный период создания новых предприятий (в некоторых странах на это требуется иногда более 300 дней). Все это отрицательно влияет на инновационную активность и создает огромные сложности для успешной коммерческой реализации новых идей.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что Европейская Комиссия ничего не предпринимала в этой области до 1995 г. Напротив, был реализован ряд инициатив, направленных на исследования или прямую финансовую поддержку инноваций в европейских фирмах; в их числе: выделение целевых групп (Task Forces) в отдельных отраслях промышленности и поддержка проектов инновационного менеджмента; процесс передачи технологий на предприятиях; развитие инфраструктуры для внедрения результатов исследований в производство. Важная роль здесь принадлежала технопаркам и центрам по передаче технологий. На региональном уровне активизация инновационных процессов происходила за счет реализации таких программ, как «Стратегии и инфраструктуры региональных инноваций и передачи технологий» (the Regional Innovation and Technology Transfer Strategies and Infrastructures), «Основные направления инновационного развития в регионах» (the Regional Innovation Strategies), а также «Информационное общество» (the Information Society). Кроме программ, поддержка инноваций осуществлялась и через Структурные Фонды.

Анализ показывает, что ЕС предстоит обеспечить взаимодействие основных программ, нацеленных на развитие инноваций, активнее сотрудничать с непосредственными участниками инновационного процесса. Конечной целью этих мер станет создание инновационно-ориентированной культуры менеджмента при содействии всех программ ЕС по исследованиям и разработкам.

Обобщение мирового опыта развития инновационной деятельности показывает, что в странах с развитой экономикой воздействие государства на инновационную активность проявляется в следующих направлениях:

— во-первых, государство выступает в качестве фактора предложения научно-технических идей и формирования инфраструктуры для осуществления научно-технических разработок;

— во-вторых, государство являет собой важнейший фактор формирования общехозяйственной среды, в которой осуществляют свою деятельность инновационные предприятия;

— в-третьих, закупки государственных ведомств зачастую выступают в качестве начального спроса на многие нововведения, которые затем находят широкое распространение в хозяйственной практике.

Государство принимает на себя функцию обеспечения бизнеса одним из важнейших ресурсов инновационного процесса — научными знаниями и идеями. Конкретное воплощение эта функция находит в научной политике, рассматриваемой как часть общеэкономической деятельности государства. Государство принимает на себя издержки, связанные с получением фундаментальных научных знаний и подготовкой специалистов научного профиля, финансирует разработку многих технологий, которые используются впоследствии в ходе осуществления научных, оборонных, космических и других государственных программ.

Наконец, государство устанавливает специальные меры поддержки инновационного предпринимательства, реализуемые в сфере инвестиционной, налоговой и амортизационной политики.

Анализ международного опыта в рассматриваемой области указывает на необходимость комплексного анализа основных тенденций и возможностей их творческого учета при активизации инновационной деятельности в Республике Узбекистан.

Наше государство осуществляет стимулирование развития малых форм предпринимательства, в том числе инновационных, регулирует рынок ценных бумаг, предоставляет гарантии под кредиты, финансовые и налоговые льготы предпринимателям, распространяющиеся на инвестиции в оборудование и техническое перевооружение, вводит ускоренные методы исчисления амортизации, осуществляет обучение предпринимателей и т.д. Глубокое изучение и умелое использование соответствующего зарубежного опыта, на наш взгляд, позволит еще более активизировать инновационные процессы в экономике Республики Узбекистан.

И. В. БИРЮКОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАТЕНТНОЙ ОХРАНЫ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Биотехнология ныне является одной из наиболее интенсивно развивающихся и перспективных областей науки и промышленности.

Биотехнологические изобретения как вид объектов промышленной собственности стремительно набирают свою значимость ввиду огромной роли биотехнологии в ближайшем и отдаленном будущем, непосредственно влияющей на успехи в медицине, производстве продовольствия, охране окружающей среды и т.д.¹ Поскольку затраты на исследования и разработку технологий в этих областях весьма высоки, а сами научные достижения подчас уникальны, надо обеспечить надежные гарантии их правовой защиты. Несмотря на бурное развитие биотехнологии в наши дни, отдельные способы ее применения известны с доисторических времен: производство пищевых продуктов (хлеб, пиво, вино), выделка кож, селекция животных и растений².

Однако на протяжении длительного времени ни одна из патентных систем не предусматривала прямой патентной охраны изобретений, объектами которых были клетки, а также высшие формы жизни, включая генетически модифицированных животных и растения³. Пионерами в области патентования живых организмов стали США, когда в 1980 г. Верховный Суд США постановил, что полученная методом генной инженерии бактерия, способная разлагать сырую нефть, подлежит патентованию. Так была «открыта дверь» для патентной защиты живых форм. Первые патенты на многоклеточный организм (полиплоидная устрица) и животное (гарвардская «онкомышь») были оформлены в 1987 и 1988 гг. Теперь выдаются патенты на искусственные организмы, методы трансформации клетки и получения протеинов, генов и даже фрагментов генов, в том числе человека⁴.

В этой связи выделяется особая отрасль патентования — патентная охрана биотехнологических изобретений. Поскольку продукты биотехнологии являют собой относительно новые объекты патентного права и обладают множеством особенностей по сравнению с традиционными объектами, подходы к вопросам их патентной защиты различаются в разных странах и являются предметом дискуссий, цель которых — разработка объективных правовых норм для их адекватной защиты.

В Узбекистане эти вопросы также достаточно актуальны. Адекватная защита биотехнологических изобретений в нашей стране стала острой проблемой, в решение которой вовлечены все заинтересованные стороны: государство, патентовладельцы и третьи лица — участники рыночных отношений.

Биотехнология, как известно, связана с живыми организмами — растениями, животными и микроорганизмами, а также с биологическим материалом в виде семян, клеток, ферментов, плазмид и т.д. Так что изобретения в области биотехнологии можно условно разделить на три категории:

- процессы по созданию или модификации новых организмов или биологического материала;
- результаты применения таких процессов;
- использование этих результатов⁵.

Анализируя различные патентные системы, можно выделить ряд биотехнологических изобретений, которые не должны признаваться патенто-

¹ <http://www.cia.gov/nic/>

² <http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/VV/JOURNAL/SCIOLOG/INFOLAW.HTM>

³ http://www.abercade.ru/main.php3?page=15_6_19&titul=15&tmenu=15

⁴ <http://www.cnews.ru/newcom/index.shtm?2003/02/11/140724>

⁵ <http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/VV/JOURNAL/SCIOLOG/INFOLAW.HTM>

способными как противоречащие общественному порядку и морали:

- процессы клонирования человеческого организма;
- процессы модификации генетической идентичности человеческого эмбриона;
- использование эмбриона человека в промышленных или коммерческих целях;
- процессы модификации генетической идентичности животных, которые, вероятно, заставят их страдать, не принося при этом существенной медицинской пользы человеку или животным⁶.

Однако в ряде промышленно развитых стран бытует мнение, согласно которому перечисленные выше ограничения отрицательно влияют на развитие науки и техники, а также препятствуют решению ряда общечеловеческих проблем, и там стоит вопрос о значительном сокращении списка непатентоспособных биотехнологических изобретений или полном исключении указанных ограничений.

В Узбекистане есть возможность получения патентной защиты биотехнологических изобретений в рамках Государственного патентного ведомства РУз, в соответствии с Законом РУз «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» от 29.08.2002⁷, а также с Парижской Конвенцией по охране промышленной собственности, в действующей для РУз редакции⁸.

Для более полного уяснения некоторых проблем патентной охраны биотехнологических изобретений в нашем законодательстве целесообразно осуществить сравнительный анализ с другими патентными законами. Так, наиболее родственным и легко адаптируемым к нашему законодательству выступает Евразийское патентное законодательство, регулирующее патентную охрану изобретений в рамках Евразийского патентного ведомства⁹.

Согласно п. 8 ст.4 Закона РУз «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах», изобретения, объектами которых являются такие высшие формы жизни, как генетически модифицированные животные и растения, защите не подлежат. На основании той же правовой нормы фактически не подлежит защите и такой объект, как биоклетка. При этом может быть защищена культура клеток растений и животных, но объем этой защиты, как правило, не соответствует реальным притязаниям заявителей¹⁰. Что касается Евразийской патентной конвенции, то ее ст. 6 не содержит исчерпывающий список изобретений, а определяет признаки патентоспособности: является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо¹¹. Однако в Правилах составления, подачи и рассмотрения евразийских заявок в Евразийском патентном ведомстве впервые вводится понятие «биотехнологический продукт» как объект изобретения, к которому относятся продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными спосо-

⁶ <http://www.goroditsky.ru/Russian/ShowPub.asp?ID = 2974&SectionLink= /Russian /News/ Publications/MainPage.asp&SectionLink Target=>

⁷ www.patent.uz

⁸ www.patent.uz

⁹ Подробнее о Евразийской патентной организации см. на официальном сайте: <http://www.eapo.org>

¹⁰ Ст. 4 Закона РУз «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» от 29.08.2002, № 397-Н. www.patent.uz

¹¹ Ст.6 Евразийской Патентной Конвенции. <http://infointel.ru/article.php?what=article&id=858>

бами. Преимущество данной классификации заключается в том, что «биотехнологический продукт» подразделяется на: живые объекты, в частности животные (кроме объектов, указанных в правиле 3(4) Инструкции)¹² и микроорганизмы, клетки растений и животных и другие элементы, выделенные из организмов растений и животных или полученные иными способами; штаммы микроорганизмов, штаммы и линии клеток растений и животных; неживые объекты, в частности гормоны, цитокины, ферменты, антигены, антитела, последовательности нуклеиновых кислот, плазмиды, векторы и т.д., выделенные из растений, животных, микроорганизмов или полученные иными способами¹³. В Правилах же составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РУз на изобретение нет понятия «биотехнологии», а изобретения, отвечающие общепринятым признакам биотехнологических, определяются как «вещество» и «штамм микроорганизма, культуры (линии) клеток растений или животных»¹⁴.

В соответствии с п.85 указанных Правил, в формулу, характеризующую штамм микроорганизма, культуры клеток, растений и животных, включаются родовое и видовое название биологического объекта на латинском языке и, если штамм депонирован, то название или аббревиатура коллекции депозитария, регистрационный номер, присвоенный коллекцией депонированному объекту, и назначение штамма¹⁵.

Поскольку современное развитие генно-инженерных технологий позволяет в качестве хозяина — носителя генетической модификации — использовать практически любую клетку, защита индивидуального штамма с включением родового и видового названий в соответствии с п.85 Правил не представляется адекватной. Согласно законодательству, имеется возможность получить косвенную защиту изобретений, объектами которых являются высшие формы жизни и клетка, через защиту способа их получения. Практика позволяет также осуществить косвенную защиту указанных объектов путем формирования зависимых пунктов формулы, в которых заявляется генетическая модификация, используемая для внесения в клетку-хозяина или в растение и животное.

Но несмотря на имеющиеся существенные ограничения в действующем патентном законодательстве, нельзя считать, что ныне отсутствуют возможности для более или менее полной и адекватной защиты биотехнологических изобретений.

В частности, одним из важнейших объектов защиты, который в большинстве случаев составляет существо заявляемого изобретения, является нуклеиновая кислота. С точки зрения патентования, нуклеиновые кислоты делятся на не кодирующие, например, конструкции нуклеиновых кислот, и кодирующие определенные признаки. В зави-

¹² По п. 3(4), сорт растения; порода животных; изобретение, коммерческое использование которого необходимо предотвратить в целях охраны общественного порядка или морали, в том числе в целях охраны жизни и здоровья людей и животных или охраны растений, либо во избежание нанесения серьезного ущерба окружающей среде, по заявке выносится решение об отказе в выдаче патента. Правила составления, подачи и рассмотрения евразийских заявок в Евразийском патентном ведомстве. <http://www.eapo.org>

¹³ П.1.1 Правил составления, подачи и рассмотрения евразийских заявок в Евразийском патентном ведомстве. <http://www.eapo.org>

¹⁴ §1 п.2 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РУз на изобретение. www.patent.uz

¹⁵ Там же.

симости от указанного вида заявляемого объекта существуют разные возможности для его защиты. Так, если объектом изобретения является новая конструкция нуклеиновых кислот, которая, например, может быть использована для эффективного переноса генов, то в соответствующем независимом пункте формулы изобретения должна приводиться нуклеотидная последовательность составляющих заявляемой конструкции или ссылка на нее¹⁶.

Более разнообразные возможности для защиты могут иметь место, если заявляется нуклеиновая кислота, кодирующая определенный признак. Как и для некодирующих нуклеиновых кислот, независимый пункт формулы может включать нуклеотидную последовательность (или ссылку на нее). Это закреплено п.83 Правил, в соответствии с которым, для соединения, относящегося к продукту генной инженерии, в формулу изобретения включаются указание на номер последовательности нуклеотидов в перечне последовательностей (в случае фрагментов нуклеиновых кислот) и т.д.¹⁷

Признак, который кодируется нуклеиновой кислотой, определяется белковым продуктом, состоящим, в свою очередь, из аминокислот — структурных единиц всех белков. Ныне известно двадцать аминокислот, которые участвуют в образовании белков. Структурной единицей нуклеиновой кислоты является нуклеотид, причем в образовании нуклеиновой кислоты принимают участие четыре нуклеотида. Доказано, что каждая аминокислота кодируется комбинацией из трех нуклеотидов (кодоном). Поскольку таких комбинаций может быть гораздо больше двадцати (т.е. числа аминокислот), одна и та же аминокислота может кодироваться несколькими кодонами. Это явление получило название вырожденности генетического кода.

Таким образом, аминокислотная последовательность, состоящая из множества аминокислот, может иметь практически неограниченное число кодирующих нуклеотидных последовательностей. Если авторы изобретения впервые выделили хотя бы одну нуклеотидную последовательность, кодирующую определенный белок, то на ее основе возможно без труда получить практически неограниченное число кодирующих тот же самый белок нуклеотидных последовательностей, проведя одну или несколько замен комбинаций трех нуклеотидов с учетом вырожденности генетического кода. Выведение же одной последовательности из другой (т.е. нуклеотидной из аминокислотной, и наоборот) является рутинной процедурой и не представляет труда для специалиста в данной области¹⁸. Следовательно, защита молекул нуклеиновых кислот на уровне их первичной структуры, т.е. на уровне последовательности нуклеотидов, представляется нецелесообразной и неквалифицированной с точки зрения правовых последствий.

Исходя из практической части данной проблемы, понятно, что в силу вырожденности генетического кода некоторые (причем за счет значительной протяженности молекул нуклеиновых кислот, кодирующих белки, — довольно многочисленны) изменения нуклеотидной последовательности по одному или нескольким нуклеотидным положениям

¹⁶ <http://www.gorodissky.ru/Russian/ShowPub.asp?ID=2974&SectionLink=/Russian/News/Publications/>

¹⁷ §1 п.83 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РУз на изобретение. www.patent.uz

¹⁸ <http://www.gorodissky.ru/Russian/ShowPub.asp?ID=2974&SectionLink=/Russian/News/Publications/>

могут не приводить к изменениям структуры кодируемого белка. Значит, если предположить, что патентная защита предоставляется лишь конкретной молекуле нуклеиновой кислоты, то любое третье заинтересованное лицо может, произведя незначительные и известные среднему специалисту в данной области изменения в последовательности, беспрепятственно и безвозмездно воспользоваться результатами труда патентообладателя без формального нарушения патента¹⁹.

Учитывая это, патентные ведомства большинства стран подходят к защите кодирующей нуклеиновой кислоты не как к веществу с определенной нуклеотидной последовательностью, а как к веществу, кодирующему белок с определенной аминокислотной последовательностью. Такая патентная защита является наиболее полной и надежной. При этом, как сказано выше, выведение нуклеотидной последовательности не представляет труда, т.е. наличие такого признака, как кодируемая аминокислотная последовательность, достаточно для отличия данного соединения от других. Ныне соответствующие объекты могут защищаться не только через нуклеотидную, но и через кодируемую аминокислотную последовательность²⁰.

Еще одним биотехнологическим объектом, защита которого представляет интерес, является вектор. Проблемы возникают, главным образом, при защите векторов, если они предназначены для переноса новых генов (т.е. нуклеиновых кислот, кодирующих белковые продукты) из организма-донора в организм-реципиент, а также для клонирования нуклеиновых кислот. Главное свойство любого вектора — наличие участка, в котором возможно встраивание чужеродной нуклеиновой кислоты. Известны многочисленные векторные скелеты, доступные из коммерческих источников, или которые могут быть получены специалистом в данной области. Методики встраивания нуклеиновой кислоты в такой скелет с целью ее переноса в организм-реципиент или клонирования также известны. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что впервые выделенную нуклеиновую кислоту в дальнейшем можно без труда встроить в какой-либо векторный скелет, число которых не ограничено. Согласно п.83 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РФз на изобретение, для соединений, относящихся к продуктам геной инженерии, в формулу изобретения включаются словесное описание физической карты (в случае рекомбинантных нуклеиновых кислот и векторов)²¹. Такая защита позволяет любым заинтересованным третьим лицам беспрепятственно и безвозмездно воспользоваться результатами труда патентообладателя, поскольку, как уже отмечено, существует большое число векторных скелетов, которые могут быть использованы для встраивания интересующего гена.

Что же касается защиты впервые выделенных белков (пептидов, полипептидов), то в независимый пункт формулы, характеризующий такое изобретение, должна включаться аминокислотная последовательность. В частности, п.83 Правил предусматривает в формуле изобретения — указание на номер последовательности аминокислот в перечне последо-

¹⁹ Там же.

²⁰ П.60 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РФз на изобретение. www.patent.ru

²¹ П.83 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента РФз на изобретение. www.patent.ru

вательностей, что, с точки зрения объема защиты изобретения, представляется вполне удовлетворяющим²². До сих пор остается нерешенным вопрос о защите аналогов и вариантов заявляемых белков (или кодирующих их нуклеиновых кислот), в которых одна или более аминокислот были заменены, добавлены или делегированы, но при этом неблагоприятное воздействие на функциональные свойства белка не имеет места.

Как известно, среди аминокислот, участвующих в синтезе белка, существуют так называемые химически эквивалентные аминокислоты, замена одних из которых на другие по заданному положению в последовательности может не приводить к изменению биологической активности исходного белка. В качестве примеров можно привести гидрофобные аминокислоты (аланин, глицин, валин, лейцин или изолейцин), отрицательно заряженные аминокислоты (глутаминовая кислота и аспарагиновая кислота), положительно заряженные аминокислоты (аргинин и лизин) и др. Очевидно, что поскольку каждый белок состоит из множества аминокислот, все аналоги и варианты заявляемой последовательности, которые не приводят к изменению биологической активности белка, в пределах материалов заявки рассмотреть невозможно. Тем не менее, обоснованное желание заявителей заключается в возможности патентной защиты таких аналогов и вариантов белков без их конкретизации, т.е. без приведения дополнительных примеров конкретных соединений. В противном случае третьи стороны смогут воспользоваться результатами труда патентообладателя без формального нарушения патента, получив аналог, который не был заявлен в формуле изобретения²³. Учитывая это, патентные ведомства ряда стран допускают возможность патентной защиты в независимом пункте формулы изобретения наряду с белком с определенной аминокислотной последовательностью его функциональных аналогов и вариантов без конкретизации их структуры.

Помимо перечисленных выше «технических» проблем патентной охраны биотехнологических изобретений, существует еще ряд общих вопросов, проблематика которых вытекает из специфики данного объекта изобретений. Один из них — нужно ли вообще патентовать биотехнологические изобретения, не целесообразнее ли сохранить в секрете информацию об изобретении и использовать ее как «ноу-хау»? Конечно, ноу-хау не дает каких-либо гарантий защиты изобретения от конкурентов. Единственное, чем разработчик в любом случае может воспользоваться в полной мере, — это право преждепользования, которое носит ограниченный территориальный характер и состоит в том, что тот, кто начал производство запатентованного продукта до даты подачи патентной заявки на него, может продолжить его изготовление и продавать такой продукт без расширения производства. Если принято решение патентовать изобретение, следует правильно выбрать момент для подачи заявки. Выбор данного момента актуален лишь для заявок в области биотехнологии. С одной стороны, чем позднее в процессе разработки и внедрения изобретения будет подана патентная заявка, тем более продолжительным будет жизнеспособный срок действия патента. С другой стороны, промедление с подачей заявки может привести к

²² Там же.

²³ <http://www.goroditsky.ru/Russian/ShowPub.asp?ID=2974&SectionLink=/Russian/News/Publications/>

утрате новизны изобретения, если в процессе разработки произошла утечка конфиденциальной информации.

Следует также учитывать определенные требования к описанию изобретения в области химии, медицины и биотехнологии. Зачастую требуется представление обширного экспериментального материала, который должен быть наработан к моменту подачи заявки. Правда, в большинстве стран, в том числе в Узбекистане, допускается представление дополнительных данных в процессе экспертизы заявки. Кроме того, на ранних стадиях исследований не всегда точно вырисовывается наиболее эффективный вариант воплощения изобретения, что при ранней подаче заявки может привести к ошибкам в определении предмета и объема притязаний. Таким образом, вопрос оптимального выбора момента для подачи заявки в области биотехнологии является весьма существенным, и чем опытнее разработчик в вопросах обеспечения патентных прав на свои изобретения, тем точнее будет его выбор.

Итак, для успешного патентования изобретений в области биотехнологии необходимы тщательная оценка всех рассмотренных факторов и выбор правильной стратегии патентования в каждом конкретном случае.

И. ДЖУРАЕВА

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА

В последние годы вопросы правового регулирования семейных отношений с участием иностранных граждан приобрели в РУз особую актуальность. Это связано с рядом объективных причин: во-первых, распад СССР и появление на его территории независимых государств; во-вторых, усиление процессов миграции населения; в-третьих, развитие деловых и личных контактов граждан Республики Узбекистан с иностранными гражданами. Отсюда — значительный рост числа браков граждан РУз с иностранными гражданами, увеличение споров о расторжении браков, заключенных гражданами РУз с гражданами других государств, имущественных споров между супругами, при решении которых необходимо прибегать к коллизионным нормам. Иными словами, возникают разнообразные семейные отношения, осложненные иностранным элементом, которые, в свою очередь, порождают множество проблем, связанных с применением семейного законодательства РУз к семейным отношениям с участием иностранных граждан.

Все правовые системы содержат определенные условия, выполнение которых предшествует заключению брака. При этом неперенным материальным условием заключения действительного брака является отсутствие состояния какого-либо из будущих супругов в другом браке. Согласно ст.147 ГК Франции, нельзя заключить второй брак до расторжения первого¹. В Германском Гражданском уложении есть нормы, согласно которым не может вступить в брак лицо, уже состоящее в браке. Ст. 16 СК РУз среди обстоятельств, препятствующих браку, называет

¹ Гражданский кодекс Франция от 24 марта 1804 г. См.: <http://www.parlova.com/fr/>

состояние в другом зарегистрированном браке хотя бы одного лица. Если будущий супруг, желающий заключить брак в Узбекистане, уже состоит в браке, то даже если подлежащий применению закон его страны допускает вступление во второй брак, в Узбекистане в заключении брака ему, на основании ст. 16 СК, должно быть отказано.

В Великобритании многие споры, связанные с действительностью или недействительностью иностранных браков, касаются полигамных союзов. Данный вопрос до сих пор остается открытым. После дела *Hude vs. Hude* английские суды отказались признавать действительным любой брак, который не соответствовал дефиниции, предложенной лордом Пензансе², что на практике означало отказ от признания полигамных союзов. Тем не менее позднее отношение парламента Великобритании и судей к полигамным союзам стало более либеральным, что связано с необходимостью осуществления правосудия в отношении людей, которые иммигрировали в эту страну из стран, где полигамия законодательно разрешена. В 1968 г. лорд Паркер подчеркнул, что полигамный брак будет признан действительным теперь и в Великобритании, «пока не обнаружится серьезная причина его незаконности»³.

Большинство мусульманских стран разрешают полигамию, причем Коран не только разрешает мусульманину состоять в браке одновременно с четырьмя женщинами («женитесь на тех, что приятны вам, женщинах, и двух, и трех, и четырех»⁴), но, кроме того, позволяет брать себе наложниц. Такое положение считается священной основой полигамного мусульманского брака. Полигамия запрещена только в Тунисе ст. 18 Кодекса о личном статусе. По мнению тунисского законодателя, этот запрет не противоречит нормам шариата, поскольку, в соответствии с Кораном, полигам не может относиться ко всем своим женам одинаково: «И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого»⁵. В Йемене допускается лишь бигамия; мужчина вправе состоять в браке не более чем с двумя женщинами одновременно, причем второй брак разрешается судом только в случае бесплодия или тяжелой неизлечимой болезни первой жены⁶.

Вторым материальным условием вступления в брак является достижение лицами, вступающими в брак, определенного возраста — брачной дееспособности⁷. Возраст этот в разных странах различен: в одних он

² Классическое определение брака в английском праве, предложенное лордом Пензансе, гласит: брак может быть определен как добровольный, пожизненный союз одного мужчины и одной женщины. Данное определение, как видим, включает четыре условия: во-первых, брак должен быть добровольным, и он может быть аннулирован при отсутствии истинного согласия одной из сторон; во-вторых, он должен быть пожизненным. Единственное толкование, которое может быть положено в основу высказывания лорда Пензансе, — это то, что брак должен длиться всю жизнь, если только он не был уже ранее прекращен решением о расторжении брака; в-третьих, союз должен быть гетеросексуальным и, в-четвертых, он должен быть моногамным. Ни один из супругов не может заключить новый брак, пока они состоят в другом браке.

³ L o w e N., D o u g l a s G. Bromley's Family Law. 9th ed. Butterworths. London, Edinburgh, Dublin, 1998, P. 48–49.

⁴ Коран. Сура 4:3(3). С. 43.

⁵ Коран. Сура 4:128(129). С. 54.

⁶ См.: <http://www.lawportal.ru/>

⁷ В Узбекистане, Украине, Туркмении брачный возраст для женщин установлен в 17 лет, в Грузии для мужчин — 17 лет, для женщин — 16 лет. В России, Беларуси, Молдове, Литве, Таджикистане и Эстонии предусмотрена возможность снижения установленного брачного возраста не более чем на два года; в Узбекистане, Украине, Азербайджане и Туркмении — не более чем на один год. В Грузии снижение установленного брачного возраста не предусмотрено.

может быть низким, в других — более высоким, в третьих для заключения брака с лицами, не достигшими совершеннолетия, требуется согласие родителей, опекунов или иных лиц. Например, в Великобритании установлен возраст вступления в брак с 16 лет для мужчин и женщин с согласия родителей, с 18 лет — без их согласия. При этом брачный возраст не может быть снижен. В Германии предусматривается единый брачный возраст для мужчин и женщин — с 18 лет. Несовершеннолетним разрешается вступать в брак с согласия родителей. Если родители отказываются дать такое согласие, допускается обращение несовершеннолетнего в суд. В гражданском законодательстве Испании устанавливается: «Не могут вступать в брак мужчины до 14 лет и женщины до 12 лет, однако заключенный такими лицами брак будет действительным, если до достижения брачного возраста супруги проживут вместе хотя бы один день и не оспорят действительность брака или если окажется, что жена беременна». Согласно ст. 48 испанского ГК, суд первой инстанции при наличии уважительных причин вправе дать разрешение на вступление в брак несовершеннолетним, не освобожденным от родительской власти, достигшим 14-летнего возраста⁸. В законодательстве арабских стран (в частности, в Сирии, Ираке, Марокко, Тунисе, Ливане, Египте) для мужчин брачный возраст установлен в 18 лет. Иорданское законодательство фиксирует брачный возраст для мужчин в 16 лет. Для женщин устанавливается более низкий возраст брачной правоспособности — 17 лет (Сирия, Ливан), 16 лет (Египет) и даже 15 лет (Иордания, Марокко)⁹. Отличительной чертой законодательства ЙАР является отсутствие точно установленного возраста брачной правоспособности, который определяется в каждом конкретном случае индивидуально. Так, брак может быть заключен в любом возрасте, при условии достижения обоими супругами половой зрелости¹⁰.

Еще одним материальным условием брака является положение об отсутствии между лицами, вступающими в брак, отношений родства или свойства. В соответствии со ст. 16 СК РУз, не допускается заключение брака между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными (удочеренными). Закон Швеции 1973 г. запрещает браки между близкими родственниками. Хотя на основании разрешения, выданного правительством, возможно заключение браков между неполнородными братьями и сестрами («сводными», т.е. имеющими лишь одного общего родителя). Но такое разрешение может быть выдано только при наличии очень веских причин, при этом лица, вступающие в брак, должны были воспитываться в разных семьях.

Важнейшим материальным условием вступления в брак выступает взаимное согласие будущих супругов. В Семейном кодексе РУз имеется норма, в соответствии с которой для заключения брака необходимо взаимное добровольное согласие мужчины и женщины (ст.14). Вопрос о согласии может ставиться достаточно специфическим образом. В частности, согласно ст.53 ГК Испании, если один из вступающих в брак

⁸ А н у ф р и е в а Л. П. Международное частное право. Особенная часть. М., 2000. С.553–554.

⁹ С ю к и я й н е н Л. Р. Мусульманское право: Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 163.

¹⁰ Там же. С. 164.

имеет определенные психические отклонения, необходимо соответствующее медицинское заключение о том, что данное лицо в состоянии осознанно дать согласие на вступление в брак.

Среди условий, относящихся к брачной правоспособности, выделяется также требование принадлежности супругов к разному полу. Так, в Польше брак может быть заключен только между мужчиной и женщиной. Польское законодательство не признает партнерских союзов, которые заключаются между лицами одного пола¹¹. Во Франции для вступления в брак требуется различие пола¹². Надо отметить, что это требование всегда являлось само собой разумеющимся условием вступления в брак. Однако в настоящее время от этого условия могут допускаться и отклонения. Например, в Нидерландах разрешены и браки между однополыми гражданами¹³. Попытки позволить однополым гражданам вступать в юридически признанные браки были сделаны в нескольких юрисдикциях¹⁴. Один из подходов заключается в изменении закона о браке таким образом, чтобы устранить требование, согласно которому стороны должны быть противоположного пола¹⁵. Другой подход — создать новую форму правовых отношений — «зарегистрированное партнерство». Таким образом, это позволит однополым парам зарегистрировать их союз и достигнуть юридического признания, хотя все равно будут существовать некоторые различия в правовых нормах, регулирующих такого рода отношения и полноценные браки, в частности отказ в разрешении совместного усыновления ребенка. Признание любой формы гомосексуального союза считается настолько фундаментальным отклонением от традиционного подхода, что, например, в английском праве оно может быть внесено только недвусмысленно составленным законом¹⁶.

Еще одним материальным условием, известным праву ряда государств, является так называемый траурный срок, т.е. время, в течение которого женщине нельзя вступать в повторный брак после развода или смерти мужа. Такой срок устанавливается с целью устранения проблем, связанных с отцовством. Так, в соответствии со ст.733 ГК Японии, женщина не может вступить вторично в брак до истечения шести месяцев с даты расторжения предыдущего брака или признания его недействительным¹⁷; в Германии этот срок устанавливается в течение 10 месяцев; во Франции и Швейцарии — 300 дней. В Дании траурный срок установлен для обоих супругов: для жены — 12 месяцев, для мужа — 3 месяца¹⁸.

¹¹ Генрик Х выд. Заключение брака в польском законодательстве//Юстиция Беларуси. 2002. № 6. См.: <http://justbel.by.ru/>

¹² Залесский В. В. Семейное право Российской Федерации и иностранных государств: Основные институты. М., 2004. С. 39.

¹³ Same-sex marriages. См.: <http://www.justice.nl/>

¹⁴ Массачусетс стал в США первым штатом, где выдаются брачные лицензии однополым парам, которые желают вступить в законный брак. См.: <http://rus.delfi.lv/>. Канадское правительство выступило с инициативой окончательной легализации в стране однополых браков — в Онтарио и Британской Колумбии эти браки уже разрешены. Цель подготовленного законопроекта предельно ясно и лаконично сформулирована в письме, направленном в Верховный Суд: «брак — союз двух людей». Понятие брака в Канаде, вероятно, станет более широким, лишенным гетеросексуальной окраски. См.: <http://www.russianet.com/>. В таких странах, как Германия и Аргентина, однополым парам разрешают официально регистрировать свои браки и получать часть социальных льгот, предусмотренных для разнополых пар. См.: <http://newsvote.bbc.co.uk/>

¹⁵ Lowe N., Douglas G. Op. cit. P.30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ EHS Law Bulletin Series. Civil Code of Japan. 2001. P. 124.

¹⁸ Нечасов А. М. Семейное право: Курс лекций. М., 1998. С. 102.

Законодательством ряда государств предусмотрены ограничения или особые условия для вступления в брак их граждан с иностранцами. В Дании браки с иностранцами разрешены только в том случае, если лицо, вступающее в брак, старше 24 лет. Иностранка может выйти замуж за датского гражданина при условии, что он имеет достаточную жилплощадь в Дании, постоянные доходы и способен предоставить банковскую гарантию в 7000 евро¹⁹. В некоторых странах принимаются специальные нормативные акты по вопросам заключения брака с иностранными гражданами. Так, президент Туркменистана С. Ниязов принял постановление, в соответствии с которым «граждане Туркменистана вступают в брак с иностранными гражданами и лицами без гражданства путем заключения брачного контракта, в котором оговариваются имущественные права и обязанности супругов, а также их обязательства по содержанию детей в случае расторжения брака». Постановление предусматривает ряд условий, без которых брак с иностранцами невозможен. Так, гражданину или гражданке Туркменинии должно исполниться 18 лет. Что же касается иностранцев или лиц без гражданства, то они, прежде чем вступить в брак с гражданами Туркменистана, должны, во-первых, внести на расчетный счет Государственной страховой организации Туркменистана «в обеспечение гарантий для несовершеннолетних детей на случай расторжения брака» страховую сумму в размере не менее 50 тыс. долл. США, а во-вторых, предоставить справку о том, что проживают на территории республики не менее одного года и имеют в личной собственности жилплощадь²⁰.

Заключение брака может быть совершено в гражданской либо в религиозной форме. Соответственно требованиям, предъявляемым к формам брака, государства мира можно разделить на следующие группы: 1) страны, где официально признается только брак, зарегистрированный в государственных органах (Франция, Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Япония, Узбекистан и др.); 2) страны, в которых признаются и гражданские, и церковные браки (Великобритания, Дания, Испания, Италия, Бразилия, Швеция, Польша); 3) страны, где заключение брака возможно лишь в религиозной форме (Израиль, Иран, Ирак, Греция, Кипр); 4) страны, где возможны «браки по общему праву» — common law marriage (некоторые штаты США, ряд провинций Канады).

Во многих зарубежных странах браку предшествует процедура «оглашения»²¹, которая обеспечивает гласность брака и предоставляет возможность всем заинтересованным лицам заявить свои возражения. В Италии такое «оглашение» производится за восемь дней до церемонии; во Франции — за десять. Оглашение по законодательству Германии действует в течение 6 месяцев после даты его совершения. Если в этот период брак не заключен, оглашение теряет силу. Брак может быть заключен и без оглашения, если состояние здоровья одного из будущих супругов внушает опасение и не позволяет откладывать брак. В некоторых странах для лиц, вступающих в брак, необходимо медицинское

¹⁹ Богуславский М. М. Международное частное право. 5-е изд. М., 2004. С. 403.

²⁰ Правовое регулирование заключения брака с иностранцами // Семейное право. Учебное пособие / Авторский коллектив. 2003. См.: <http://www.allright.ru/>

²¹ Эта процедура состоит в оглашении имени вступающих в брак, которое производится в церкви, если брак церковный, или в государственных органах, осуществляющих государственную регистрацию брака в гражданской форме.

освидетельствование. Ст. 63 ГК Франции обязывает будущих супругов представить должностному лицу, ведущему акты гражданского состояния, медицинские свидетельства, выданные не более чем за два месяца и удостоверяющие, что данные лица подверглись медицинскому обследованию на предмет вступления в брак²².

При заключении брака в гражданской форме обычно требуется личное присутствие вступающих в брак и двух свидетелей. Так, согласно польскому законодательству, вступающие в брак должны лично предстать перед начальником отдела загса или его заместителем. Более того, они должны явиться в отдел загса одновременно (например, нельзя заключить брак, когда мужчина придет и даст свое согласие в 12.00 часов, а женщина — в 12.30)²³. В РУз заключение брака производится при личном присутствии вступающих в брак, по истечении месяца со дня подачи ими заявления в органы загса (ч.3 ст. 13 СК). Однако в ряде стран возможно заключение брака и по доверенности. Так, согласно ГК Испании, брак может быть заключен через представителя: «Допускается вступление в брак через специального представителя для лица, не находящегося в месте заключения брака. Однако в таких случаях присутствие второго лица, вступающего в брак, является обязательным. При этом в доверенности на заключение брака непременно должна быть указана другая сторона, вступающая в брак, в целях точной идентификации супругов»²⁴.

Приведенный выше обзор положений национального права государств, относящихся к самым разным правовым системам, позволяет судить, насколько несоответствующими являются их правила, касающиеся определения материальных и формальных условий для вступления в брак. Это порождает на практике разного рода коллизии и проблему выбора закона, определяющего те предварительные юридические условия, при которых брак может быть заключен и признан действительным в государствах обоих супругов. Для решения этого вопроса существует ряд специальных коллизионных привязок. Прежде всего, это личный закон, который в разных странах понимается и применяется по-разному. В частности, закон гражданства — *lex patriae* (*lex nationalis*) действует, например, для граждан Италии, Испании, Греции, Австрии, Бельгии, Египта, Швеции; закон местожительства используется в Австралии, Новой Зеландии, Великобритании. Но в отношении Великобритании необходимо учитывать следующую особенность. Английский домицилий означает связь не с местом, а с областью действия определенного права. Дж. Чешир в своем труде «Международное частное право» подчеркивает, что английская концепция домицилия ближе к концепции гражданства, нежели к концепции домицилия, господствующей на континенте²⁵. Выделяют также смешанную форму привязок, когда объединяются закон гражданства и закон домицилия. И еще одна привязка — *lex loci celebrationis* — закон места заключения брака, который действует в США и странах Латинской Америки.

Основной коллизионной нормой в области формы брака является привязка к праву того государства, на территории которого он заключается. Например, польский закон о международном частном праве устанавливает: «Форма вступления в брак определяется правом государства,

²² Гражданский кодекс Франции от 24 марта 1804 г. См.: <http://www.napoleonseries.org/>

²⁴ Г о в н р и к Х в ы ц. Указ. статья.

²⁵ Cheshire G.C. Private International Law. 6th ed. Oxford, 1961. P. 183.

в котором брак заключается» (п.1 ст.15)²⁶. В Австрии форма брака подчинена австрийскому законодательству, если брак заключается в Австрии, и закону гражданства каждого из будущих супругов, если брак заключается за пределами страны. В последнем случае достаточно также соблюдения предписаний (относительно формы) законодательства места заключения брака (п. 16 австрийского закона о международном частном праве²⁷). В японском Законе о праве, касающемся применения законов 1898 г., форма брака определяется по правопорядку места совершения брака. В то же время форма, соблюденная в соответствии с правом страны гражданства одной из сторон, является действительной. Это положение, однако, не применяется к браку, который был заключен в Японии и когда одной из сторон является японец (японка) (п.3 ст. 13)²⁸.

В отношении материальных условий определяющим является личный закон. Надо отметить, что подход, основанный на принципе личного закона, а также закона, свойственного каждому из супругов, известен в настоящее время многим правопорядкам. Так, согласно ст. 50 ГК Испании, если оба лица, вступающие в брак, являются иностранцами, то брак может быть заключен ими в соответствии с испанским законодательством или в соответствии с личным законом любого из них²⁹. Закон о Международном частном праве Чехии устанавливает, что способность лица заключить брак, равно как условия его действительности, определяются правом государства, гражданином которого является данное лицо³⁰. Ст. 11 ГК Алжира подчиняет действительность брака личному закону «каждого из лиц, вступающих в брак»³¹. Нередки случаи, когда рассматриваемая коллизионная привязка действует одновременно и как закон, применяемый к форме брака, и в качестве права, определяющего материальные условия его действительности. Из смысла приведенных выше положений ГК Испании следует, что они исходят из той же презумпции действия соответствующих норм, как в отношении формы, так и материальных условий брака.

Следует подчеркнуть, что на практике в Узбекистане к семейным отношениям с участием иностранных граждан, в том числе при заключении браков между гражданами РУз и иностранными гражданами, а также браков иностранных граждан между собой на территории РУз, применяется законодательство РУз (Глава III «Порядок и условия заключения брака» СК РУз). Так, брак между гражданином РУз и гражданкой Франции должен быть заключен в органах загса при личном присутствии лиц, вступающих в брак. Брак заключается по истечении месяца со дня подачи ими заявления в органы загса. Согласно французскому законодательству, при регистрации брака гражданка Франции, не достигшая 21 года, должна получить согласие родителей, но в Семейном кодексе РУз такое требование не предусмотрено. В результате этот брак будет действительным по нашему законодательству, однако он может быть признан недействительным по национальному законодательству супруги — гражданки Франции. Это может привести к существенному ущемлению прав и интересов гражданина РУз при его нахождении во

²⁶ Жильцов А. Н., Муранов А. И. Международное частное право: Иностранное законодательство. М., 2001. С. 471.

²⁷ См.: <http://www.law.rambler.ru/>

²⁸ Hofei. Act on the Application of Laws of 1898. См.: <http://www.japanlaw.org/hofei.html>

²⁹ Жильцов А. Н., Муранов А. И. Указ. соч. С. 318.

³⁰ Там же. С. 607.

³¹ Абуфрива Л. П. Указ. соч. С. 564.

Франции, а также в третьей стране. Таким образом, неприменение иностранного права при определении материальных условий становится причиной возникновения «хромоающих браков» — браки, признаваемые в одном государстве и не признаваемые в другом. В иностранных государствах, где определяющим признается закон гражданства, соответствующие акты компетентных органов РУз могут оказаться непризнанными и нереализованными.

Немаловажен и вопрос о действительности в Узбекистане браков, заключенных за рубежом. Под признанием заключенного за границей брака действительным в Узбекистане следует понимать, что он будет иметь такую же юридическую силу, как и брак, заключенный на территории Узбекистана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Согласно п.1 ст. 235 СК РУз, браки между гражданами РУз и браки между гражданами РУз и иностранными гражданами или лицами без гражданства, заключенные за пределами РУз с соблюдением законодательства государств, на территории которых они заключены, признаются действительными в Узбекистане, если отсутствуют предусмотренные ст.16 СК обстоятельства, препятствующие заключению брака. Например, если брак между 17-летней гражданкой РУз и гражданином США заключался на территории штата Калифорния, к форме и условиям должно было применяться право этого штата. По законодательству, действующему в данном штате, на брак с несовершеннолетним лицом требуются разрешение графства и согласие родителей. Если такое согласие имело место и вступающие в брак не являются кровными родственниками, брак должен быть признан действительным как в США, так и в Узбекистане, поскольку в данном случае отсутствуют перечисленные в ст.16 СК обстоятельства, образующие препятствия для его действительности.

Что касается заключения браков между иностранными гражданами за пределами территории РУз с соблюдением законодательства государства, на территории которого брак был заключен, то такие браки признаются действительными в РУз (п.2 ст.235 СК РУз). Поэтому, если законодательство какой-либо страны допускает возможность вступления в брак при наличии другого брака, нет оснований для признания в Узбекистане недействительным брака двух иностранных граждан, один из которых уже состоит в браке.

Иностранные браки³² могут совершаться и в дипломатических либо консульских учреждениях стран, направивших своего дипломатического агента или консула. Браки, совершенные в таких представительствах, именуются «консульскими браками». На практике заключение их осуществляется либо посредством соответствующего указания в национальном праве, либо с помощью заключения консульских конвенций. В большинстве консульских конвенций предусматривается, что консул имеет право регистрировать брак согласно закону представляемого им государства. Так, по консульской конвенции РУз с Украиной консульское должностное лицо вправе регистрировать заключение брака между гражданами представляемого государства в соответствии с законодатель-

³² К иностранным бракам относят не только так называемые смешанные браки, т.е. браки, заключенные лицами, являющимися иностранцами по отношению друг к другу, но и браки между гражданами одного и того же государства, однако совершенные за границей.

ством этого государства (ст. 9)³³. В конвенциях предусматривается уведомление местных органов о произведенной в консульстве регистрации брака. Чтобы обеспечить возможность заключения, действительности и признания консульских браков, совершенных на территории страны пребывания консула между гражданами страны, направившей консула, и гражданами страны аккредитации консула либо гражданами третьего государства, необходимо наличие в консульской конвенции прямо предусмотренного на то согласия договаривающихся государств.

Следует, однако, отметить, что вопрос о заключении на территории РУз так называемых консульских браков между иностранными гражданами законодательно не решен. В ст. 203 СК часть третья предусматривает возможность заключения браков между гражданами РУз в консульских учреждениях РУз за границей. Данная норма позволяет гражданам РУз, проживающим за рубежом, специально не приезжать на Родину для заключения брака. Из этого следует, что, во-первых, регистрация брака в нашем посольстве или консульстве приравнивается к регистрации брака в органах загса РУз; во-вторых, при регистрации браков консулом должны соблюдаться материальные условия, необходимые для заключения брака по законодательству РУз. На наш взгляд, указанное правило, содержащееся в ст. 203 СК РУз, целесообразно включить в раздел VIII СК РУз, регламентирующий семейные отношения, осложненные иностранным элементом.

В заключение следует подчеркнуть, что в Семейном кодексе Республики Узбекистан круг регулируемых семейных отношений, осложненных иностранным элементом, довольно узок, пробелы регламентации коллизионных норм не восполнены. В частности, СК РУз не содержит правила о праве, подлежащем применению к форме, порядку и материальным условиям заключения брака. Как уже отмечалось, в этой области в полной мере применяются нормы семейного законодательства РУз. На наш взгляд, назрела необходимость изменения подхода к возможности применения норм иностранного семейного права при регулировании этих отношений, поскольку неприменение иностранного права при определении материальных условий заключения брака становится причиной возникновения «хромающих браков», что впоследствии ведет к ущемлению прав и интересов как граждан РУз, так и иностранных граждан.

Исходя из необходимости создания надежных гарантий прав и законных интересов участников семейных отношений, представляется целесообразным дополнить раздел VIII СК РУз коллизионным положением, регулирующим форму, порядок и условия заключения брака на территории РУз, предусмотрев в нем отсылки, допускающие применение не только отечественного, но и иностранного права. Отсюда следует, что форма и порядок заключения брака граждан РУз с иностранными гражданами на территории РУз, как и прежде, регулируются законодательством РУз. Условия же заключения брака на территории РУз будут определяться для каждого из лиц, вступающих в брак, по законодательству государства, гражданином которого является данное лицо. При этом должны быть соблюдены требования ст. 16 СК в отношении обстоя-

³³ Консульская конвенция между Республикой Узбекистан и Украиной ратифицирована Постановлением Олий Мажлиса от 01.05.98 г № 625-1 //Информационная юридическая система ПРАВО.

тельств, препятствующих заключению брака. Это позволит в значительной степени избежать ситуаций, порождающих на практике «хромающие браки».

Представляется также целесообразным дополнить раздел VIII СК РУз коллизионной нормой, регламентирующей заключение консульских браков на территории РУз между иностранными гражданами. Это позволит иностранцам заключать на территории РУз браки между собой не только на общих основаниях в органах загса РУз, но и в посольствах или консульствах соответствующих иностранных государств и по законам этих государств. Таким образом, форма, порядок и условия заключения брака, препятствия к вступлению в брак будут определяться в данном случае брачно-семейным законодательством государства, назначившего посла или консула в РУз.

Все это будет способствовать совершенствованию сферы законодательного регулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом, как важного направления дальнейшего развития коллизионного семейного права Республики Узбекистан.

М. Х. ГАНИЕВА

СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

(По результатам конкретно-социологических исследований в Узбекистане)

Современный Узбекистан, избрав путь независимого развития, присоединился к общемировому цивилизационному процессу. В стране одновременно с созданием демократического, правового государства, базирующегося на социально ориентированной рыночной экономике, ставится в качестве приоритетной проблема обеспечения межнационального согласия.

Чем дальше уходит точка отсчета начального движения нашего народа по пути независимого развития, тем отчетливее видно, что главным является — «объединить народ во имя великого будущего, побуждать каждого гражданина страны, независимо от его национальной принадлежности, к жизни с чувством постоянной ответственности за судьбы своей Родины»¹.

Нынешняя социально-политическая обстановка в Узбекистане делает особенно актуальным изучение этносоциальных проблем, в частности межэтнических отношений. Это обусловлено углублением процессов консолидации узбекистанского общества и достижения им качественно нового уровня интеграции, проявляемого, например, в формировании целостного общественного сознания, становлении общегражданского менталитета.

Изучение процессов становления новой системы межнациональных отношений предполагает получение целостного представления об их состоянии, выявление наиболее распространенных этнических стереотипов, определение типологии национального самочувствия различных этнических групп. Проблемы эти следует решать с помощью новых знаний, идей, теорий, которые помогли бы научно объяснить исторический процесс, осмыслить общественную ситуацию, сформировать новое адекватное реальности мировоззрение.

¹ Каримов И. Предисловие к книге «Идея национальной независимости: основные понятия и ориентиры». Ташкент, 2001, С. 7.

Проблема межэтнических отношений стала в последние годы одной из самых популярных в общественных науках. Вопреки прогнозам ученых, этнические различия по мере усиления контактов между нациями и нарастания тенденций к глобализации не только сохранились, но и стали играть более важную роль в политической жизни многих стран. Но ни одна этническая общность не может существовать в полной изоляции от других народов. Практически каждый этнос в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других этносов и готов поделиться с ними собственными культурными достижениями и ценностями.

Многочисленные этнокультурные исследования свидетельствуют о том, что характер и содержание межэтнического взаимодействия во многом зависят от способности его участников понимать друг друга и достигать согласия. Взаимодействуя, представители различных этнических общностей, с одной стороны, изменяют собственные черты и качества, а с другой, — превращают некоторые уникальные особенности каждого из них в совместное достояние.

Исходя из этого, межэтнические отношения понимаются в широком смысле слова как взаимодействия народов в разных сферах общественной жизни — политике, искусстве, науке и т.д., а в узком смысле — как межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения — трудового, семейно-бытового, неформального и др.²

Проблема межэтнических отношений представляет ту область знаний, которая носит междисциплинарный характер. Требуется мобилизация усилий историков, психологов, политиков, этнологов, социологов, направленных на разработку рекомендаций по предотвращению всего комплекса негативных политических и социально-психологических метаморфоз, способных возникнуть во взаимоотношениях наций. Разные науки обращаются к изучению межэтнических отношений со своей точки зрения. Этнологи обычно изучают межкультурное взаимодействие. В поле зрения историков находятся отношения между народами в ретроспективе. В политологии исследуется влияние характера межнациональных отношений на политическую обстановку в стране.

Наиболее близкими являются исследования этносоциологов и этнопсихологов. Предметом их являются представления о своей и другой этнической группе, восприятие ее, готовность к контактам с ней, психическое состояние и процессы. Но если психологи изучают главным образом отношения на межличностном уровне, то областью прямого интереса этносоциологов является изучение уровня отношений внутри микросреды, позволяющих выявить этнокультурную специфику контактирующих групп и уровень их общения.

В межгрупповых отношениях важную роль играют социальные стереотипы — упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений³.

Понятие «социальный стереотип» введено американским журналистом и политологом У. Липпманом. Разрабатывая проблему стереотипизации в русле изучения общественного мнения, У. Липпман определил

² Перепёлкин Л. С., Соколовский С. В. Этносоциология. Новосибирск, 1995. С. 68.

³ См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 280.

общественное мнение как процесс столкновения стереотипов, каждый из которых претендует на то, чтобы быть единственно верным. Причина устойчивости стереотипов состоит в том, что они выполняют функции защиты социальных ценностей соответствующей группы⁴. Вслед за У. Липпманом основные выводы по исследованиям феномена социального стереотипа были сделаны американским психологом Г. Тежфелом. По его мнению, социальные стереотипы усваиваются очень рано, трудно поддаются изменениям, являются грубыми и недифференцированными, с легкостью проявляются и становятся более «отчетливыми» и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами. Социальные стереотипы обусловлены «степенью близости со стереотипизируемой группой и качеством контактов с другой группой»⁵.

В сфере социального взаимодействия стереотип ведет к известному «сокращению» процесса познания, аккумулируя некий стандартизированный опыт, помогает индивиду ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Вместе с тем стереотип может привести к формированию разного рода предубеждений. Если суждение строится на основе прошлого ограниченного опыта, а этот опыт был негативен, то восприятие, например, какой-то этнической группы окрашивается в негативные оттенки.

Понятие «этнический стереотип» является частным производным понятия «социальный стереотип». Этнический стереотип рассматривается социологами как оценочное аффективно окрашенное суждение, которое может содержать предписание определенных действий по отношению к членам других этнических групп⁶. Таким образом, этнический стереотип — это групповой эталон, сложившийся на основе общественного мнения одной этнической группы о наиболее ярких характеристиках другой.

Важно упомянуть, что выделяются два вида этнических стереотипов — автостереотипы и гетеростереотипы. Под автостереотипом понимается представление о своем народе, которое, как правило, позитивно. Гетеростереотип — это представление об этнопсихологическом облике другого народа, которое может быть как позитивным, нейтральным, так и негативным.

В ходе исследования межэтнических отношений в Узбекистане, проведенного Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр»⁷, рассмотрению подлежали: эмоциональный компонент этнических авто- и гетеростереотипов, позитивные и негативные стереотипы, присущие той или иной этнической группе населения Узбекистана. Нас, в первую очередь, интересовали характер взаимосвязи между этнической идентичностью и этнической толерантностью, а также факторы, сопряженные с данной взаимосвязью. Точнее, — существует ли взаимосвязь между направленностью эмоционального компонента этнического автостереотипа (который характеризует этническую идентичность), с одной стороны, и социальной дистанцией и гетеростереотипом (который характеризует этническую толерантность), — с другой.

⁴ Там же.

⁵ Крысько В. Т. Этническая психология. М., 2002. С. 135.

⁶ Арутюнян Ю. В., Дробинжева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999. С. 72.

⁷ В основу статьи положены результаты социологического исследования «Национальное самосознание», проведенного Центром изучения общественного мнения Узбекистана «Ижтимоий фикр» в 2004 г. Опрошено 1999 респондентов, в том числе 33,6% горожан и 66,4% сельчан.

Основным индикатором степени выраженности в различных этнических группах положительных и негативных стереотипов стали ответы респондентов на вопрос: «Какие из нижеперечисленных традиционных позитивных качеств, с Вашей точки зрения, в большей степени присущи Вашему этносу и другим этнонациям?» (см. табл. 1).

Таблица 1

Выраженность представлений (стереотипов) респондентов о позитивных качествах, присущих собственной и другим национальным группам, %

Наименование позитивных качеств	Узбеки	Русские	Таджики	Казах	Киргизы	Туркмены	Татары	Корейцы
Трудолюбие	54,1	33,7	40,7	33,1	33,4	29,6	31,8	40,5
Активность	42,2	40,8	25,9	24,5	18,1	19,1	25,6	26,9
Честность	42,2	41,8	20,4	19,7	19,9	18,0	19,6	22,6
Душевность	39,4	36,7	27,7	28,0	23,3	21,7	22,5	17,7
Религиозность	29,0	6,0	17,2	7,7	8,7	10,7	10,6	9,7
Надежность	25,3	25,9	15,8	14,2	15,1	12,3	14,2	16,6
Скромность	22,5	7,9	10,9	7,8	8,9	9,1	7,7	7,7
Умение находить компромиссы	20,6	20,3	18,5	18,1	15,7	15,2	18,5	16,0
Уравновешенность	18,7	12,8	12,9	14,3	14,8	13,4	11,0	13,3
Дисциплинированность	15,6	22,6	9,9	10,5	8,5	10,8	11,1	14,4
Прагматизм	11,6	12,6	14,2	15,8	13,2	12,0	15,3	10,4
Затруднились ответить	5,4	7,5	12,5	15,4	19,9	21,8	21,1	21,9

Полученные данные позволили определить наиболее актуальные для респондентов позитивные качества, присущие той или иной другой этнической группе населения Узбекистана. Среди модальных качеств, определяющих поступки человека, его поведенческую реакцию и, в конечном счете, общий стиль поведения, названы: трудолюбие, активность, честность, душевность.

В числе позитивных качеств отмечаются такие черты, которые наиболее очевидно проявляются в межнациональных и межэтнических отношениях.

На этнические образы и стереотипы восприятия представителей своего и соседнего народа значительно влияет место проживания респондентов. Так, в Ташкенте гораздо выше, чем в целом по республике, отмечаются такие характеристики, как умение находить компромиссы и надежность, прагматизм и уравновешенность, т. е. качества наиболее ценные в бизнесе и в ситуациях межкультурного взаимодействия. Столичный жизненный уклад определяет ценности социально-экономической мобильности, широкое межэтническое взаимодействие.

Полученные данные позволили установить наиболее высокую степень позитивной направленности автостереотипов и гетеростереотипов узбеков (см. табл. 2).

Таблица 2

Выраженность представлений (стереотипов) узбеков о позитивных качествах, присущих собственной национальной общности, %*

Трудолюбие	55,7
Честность	42,5
Активность	40,9
Душевность	39,3
Религиозность	28,8
Надежность	26,1
Скромность	23,2
Умение находить компромиссы	22,0
Уравновешенность	19,2
Дисциплинированность	16,1
Прагматизм	12,8
Затруднились ответить	4,5

*Представленные данные превышают 100%, ибо респонденты отмечали несколько вариантов ответа. Далее при превышении — объяснение идентичное.

Из приведенных в табл. 2 данных видно, что из предлагаемого перечня позитивных качеств, которые могут быть в той или иной степени присущи любой этнической общности, среди первых, присущих узбекам в глазах самих узбеков, предстают трудолюбие, честность, активность и душевность. При этом наблюдается высокая количественная выраженность и ряда других качеств, свойственных узбекам, и в оценках иноэтнических групп (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Позитивные качества узбеков в оценках иных этнических групп, %

Качества	Таджики	Казахи	Киргизы	Каракалпаки	Русские	Татары
Трудолюбие	57,1	74,4	66,7	28,1	28,6	35,3
Честность	59,2	32,6	73,3	25,0	40,5	47,1
Активность	57,1	41,9	93,3	53,1	52,4	52,9
Душевность	36,7	58,1	46,7	21,9	33,3	11,8
Надежность	26,5	7,0	20,0	18,8	31,0	23,5
Религиозность	22,4	34,9	13,3	43,8	40,5	29,4
Скромность	26,5	30,2	13,3	6,3	14,3	17,6
Уравновешенность	22,4	18,6	13,3	9,4	16,7	29,4
Умение находить компромисс	10,2	7,0	33,3	21,9	16,7	17,6
Дисциплинированность	12,2	23,3	6,7	12,5	19,0	—
Прагматизм	4,1	4,7	6,7	—	14,3	—
Затруднились ответить	4,1	9,3	—	—	21,4	35,3

Сравнительный анализ оценок всех этнических групп, данных узбекам, говорит о явном практическом совпадении самооценки респондентами-узбеками своей этнической общности (автостереотипы) с представлениями об их позитивных качествах в глазах представителей других национальных групп (гетеростереотипы).

Судя по результатам опроса, видное место в оценках позитивных качеств, присущих различным этнонациональным общностям, занимают и русские (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Национальные авто- и гетеростереотипы русских, %

Качества	Русские о себе	Другие о русских					
		узбеки	таджики	казахи	киргизы	каракалпаки	татары
Трудолюбие	23,2	33,2	36,6	69,8	20,0	40,6	29,4
Душевность	42,9	35,5	38,8	53,5	53,3	15,6	35,3
Честность	40,5	40,8	65,3	39,5	60,0	62,5	47,1
Активность	52,4	39,8	57,1	39,5	73,3	37,5	52,9
Надежность	25,4	25,4	22,4	25,6	33,3	9,4	41,2
Дисциплинированность	38,1	22,2	30,6	23,3	13,3	9,4	29,4
Умение находить компромиссы	16,7	20,9	16,3	16,3	13,3	21,9	17,6
Уравновешенность	19,0	13,6	4,1	11,6	—	3,1	11,8
Скромность	9,5	7,3	10,2	27,9	—	6,3	—
Религиозность	2,4	6,1	—	18,6	—	3,1	—
Прагматизм	11,9	14,2	—	2,3	—	3,1	—
Затруднились ответить	21,4	7,1	4,1	9,3	1,0	—	35,3

Следует отметить наличие некоторых несовпадений этнических автостереотипов русских с гетеростереотипами. Наибольшая оценка такому позитивному качеству русских, как трудолюбие, имеет место со стороны респондентов казахской национальности. Выше, чем сами рус-

ские, оценивают такое их качество, как честность, таджики, киргизы и каракалпаки. Наивысшая среди всех опрошенных национальностей оценка активности русских дана киргизами.

Сравнительный анализ оценок позитивных качеств в плане соотношения автостереотипов и гетеростереотипов русских выявляет отличительные особенности последних. Так, в представлениях русских о себе выделяются как доминирующие: активность, душевность, честность. В оценках иноэтнических групп по степени значимости позитивных качеств, присущих русским, называются те же качества, но в другой последовательности: честность, активность, душевность.

Как известно, Узбекистан характеризуется благоприятным климатом межнациональных отношений и соответственно отсутствием каких-либо эксцессов на национальной почве. И это отражается на результатах проведенного опроса. Так, устойчивость доверия к представителям узбекской национальности подтверждается высокими показателями доли туркмен (90,0%), киргизов (86,7%), казахов (86,0%), таджиков (63,3%), русских (46,5%), других национальностей (57,8%), отмечающих, что они могли бы больше всего довериться узбекам при различных жизненных ситуациях. Следует отметить, что степень доверия к узбекам остается высокой на различных этапах мониторингового исследования⁸.

Уровень положительных и отрицательных установок узбекистанцев определялся вопросом: «Есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь?». Подавляющее большинство узбекистанцев на этот вопрос дали отрицательный ответ (81,1%).

Опрос показал, что большинство этносов относятся к смешанным бракам скорее положительно, чем отрицательно. Так, мнение почти каждого второго (47,4%) разделилось между вариантами «хорошо» и «безразлично, нейтрально».

Большую демократичность в отношении межнациональных браков продемонстрировал каждый второй татарин (50,0%) и 23,0% представителей титульной нации (узбеки). Нейтральную позицию высказали большинство туркмен (80,0%), каждый второй кореец (50,0%), украинец (50,0%), 40,2% татар, 38,1% русских, 24,5% таджиков и 23,5% узбеков.

Более благожелательную оценку межнациональным бракам дают молодые люди. Так, по существу каждый второй молодой человек (16—19 и 20—29 лет) относится к таким бракам положительно, отметив варианты «хорошо» и «безразлично, нейтрально».

Результаты опроса показали, что большинство узбекистанцев хорошо знают традиции и обычаи своей нации. Традиции и обычаи своей этнонации соблюдают, в той или иной мере, абсолютное большинство опрошенных (93,8%).

Основной чертой высокой культуры межнационального общения является интерес к культуре, истории страны проживания. Результаты этносоциологических исследований показывают, что абсолютное большинство узбекистанцев проявляют искренний интерес к истории и культуре узбекского народа (91,2%). Потребность в изучении истории и культуры узбекского народа в той или иной степени сформирована практически у представителей всех наций, проживающих в Узбекистане⁹.

⁸ Убайдуллаева Р., Ота-Мирзаев О., Ганиева М., Каюмов У. Узбекистонликларнинг миллий ўзлиги (социологик тадқиқот). Тошкент, 2004. С. 91.

⁹ Ота-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаев Р. Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность. Ташкент, 2004. С. 128.

Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод, что каждая этническая группа полностью сохраняет свою положительную этническую идентичность, одновременно проявляя толерантность к другим этническим группам. Последовательное формирование этого процесса способствует развитию успешных контактов представителей разных этнических групп.

Этнические стереотипы служат видимой формой проявления национального характера и выступают в качестве эмпирического индикатора характерологического своеобразия этнической общности. Стереотип формируется при сравнении «нас» с «не-нами».

В процессе взаимодействия народов друг с другом, межнационального культурного общения возникает целая гамма эмоционально окрашенных стереотипов. На вопрос: «Чем для Вас является Узбекистан?» большинство опрошенных ответили: «моей Родиной» (63,0%), каждый четвертый — «моим домом» (26,3%).

Абсолютное большинство опрошенных не желают жить в другой стране, считая, что «лучше Узбекистана нет страны в мире» (83,0%).

Итак, полученные в ходе исследования «Узбекистан — наш общий дом» данные позволяют констатировать высокий уровень гражданского межнационального согласия в обществе. Абсолютное большинство опрошенных (98,2%) считают это самым ценным достоянием независимого Узбекистана. Результаты исследования свидетельствуют о том, что высокий уровень гражданственности узбекистанцев не зависит от национальной принадлежности опрошенных. Большинство респондентов (73,5%) считают, что за годы независимости в стране возросло межнациональное согласие¹⁰.

Поддержание позитивной этнической идентичности, укрепление благоприятных межэтнических отношений, обеспечиваемые этническими стереотипами, обуславливают сохранение целостности нашего общества.

В свете сказанного явно видно, что в условиях быстро меняющихся общественно-политических и экономических реалий существует необходимость дальнейшего углубленного и постоянного мониторинга изменений этнических стереотипов и межэтнических отношений как очень важного фактора укрепления в Узбекистане атмосферы межнационального согласия, обеспечивающего благоприятные условия для решения стоящих перед нашей страной актуальнейших проблем. При этом все группы, проживающие в стране, высоко оценивают роль титульной нации — узбекского народа — как катализатора гармонизации межнациональных отношений и гражданского согласия в Республике Узбекистан.

¹⁰ Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика (социально-экономическая и духовная интеграция различных этнических групп в современное узбекистанское общество). Ташкент, 2004. С. 74.

Н. Ф. АБДУЛЛАЕВА

ИЗ ОПЫТА СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Изучение роли человеческого фактора в развитии экономики представляет ныне одно из самых приоритетных и перспективных направлений на стыке разных научных дисциплин.

Человеческий фактор является специфическим показателем функционирования человека в системе социальных, экономических, производственных, научно-технических, организационно-управленческих и других отношений. Именно человек выступает субъектом деятельности в различных сферах общественной жизни. В любой стране мира социально-экономическое развитие связано прежде всего с повышением роли человеческого фактора. Усвоение новых знаний, технологий, рост профессионализма работников любых сфер производственной деятельности выступают неперенными условиями не только развития личности, но и общественной жизни в целом.

Действенность человеческого фактора особенно ярко проявляется в промышленном секторе экономики.

Промышленная политика представляет собой комплекс государственных мероприятий по стимулированию развития индустриального производства, главной целью которых является увеличение конкурентоспособности экономики, о чем убедительно свидетельствует опыт таких экономически развитых стран, как, например, Япония.

Изучение японской промышленной политики, в частности в области активизации человеческого фактора, особенно важно для Узбекистана в целях выработки наиболее эффективной модели его экономического развития. Актуальность данной проблемы в условиях Узбекистана определяется наличием значительных резервов, в том числе трудовых ресурсов, невостребованных в сфере промышленного производства. Сравнительный анализ моделей экономического развития передовых стран показывает, что Япония представляет в этом отношении пример результативного пути перехода от развивающейся страны с преобладающей долей аграрного сектора в экономике к индустриальному государству с развитым наукоемким производством.

Реформирование сферы развития человеческого фактора стало одним из главных направлений промышленной политики Японии. При этом было признано необходимым решение следующих основных задач:

- разработка и эффективное использование научно обоснованной стратегии развития человеческого капитала в промышленности;
- создание и реализация государственных программ по повышению квалификации работников промышленного сектора;
- увеличение расходов на научно-исследовательскую деятельность;
- совершенствование прямых и косвенных методов увеличения рабочих мест;
- усиление стимулов для профессионального роста работников промышленности путем:
 - увеличения ставок заработной платы и снижения налога с них;
 - улучшения технической безопасности на предприятиях;
 - совершенствования психологической обстановки через «промышленную демократию», патернализм.

Приоритеты промышленной политики в послевоенной Японии последовательно и целенаправленно смещались от преимущественного развития сначала трудоемких отраслей (легкая промышленность), затем капиталоемких (металлургия, нефтехимия, автомобильная промышленность, судостроение) к наукоемким отраслям и производствам (электроника, биотехнология). Существенную роль в развитии этих и других отраслей сыграло стимулирование человеческого фактора, формирования

человека нового типа, который отличается высокой способностью к сбору, оценке, применению информации, независимостью мышления. Именно на формирование этих качеств направлена система профессиональной подготовки в Японии.

Отличительной особенностью системы японской профессиональной подготовки являются системность и непрерывность, которые охватывают период уже дошкольного и школьного воспитания и разветвленную сеть профориентации, образования и обучения в многообразных учебных заведениях, трудовых коллективах. Предприятия в Японии вносят существенный вклад в развитие человеческого фактора путем пожизненного найма, создания благоприятной психологической атмосферы, формирования чувства ответственности за развитие компании. Благодаря внедрению принципов «промышленной демократии» в производственную сферу каждый работник, независимо от занимаемой должности, вносит свой вклад в развитие научных основ производства.

В японских компаниях обучается около 80% работников, профподготовку и обучение вне компаний получают 18% работников, из них за рубежом — 2%.

Основными поставщиками квалифицированной рабочей силы для промышленности являются государственные профессиональные школы и учебные центры крупных компаний. Первые находятся под юрисдикцией Министерства образования, вторые — Министерства труда Японии. Необходимо отметить, что программы, разрабатываемые Минтрудом, обязательно должны отражать специфику региона, для которого они разрабатываются. Кроме того, нормативы обучения и повышения квалификации пересматриваются государством каждые три года с учетом научно-технического прогресса.

В Японии уделяется большое внимание укреплению материальной базы научных исследований и оплате труда ученых, в том числе занятых разработками в промышленном секторе.

Диаграмма 1

Изменения в расходах на исследовательскую деятельность в процентах от ВВП для каждого сектора в Японии

Источники: Доклад об исследованиях и развитии. Статистическое бюро, Агентство по менеджменту и координации Японии, 2002.

Всего на развитие НИОКР в Японии расходуется более 3% от ВВП, тогда как в странах СНГ, например в России, этот показатель равен около 0,3%. В Узбекистане же доля расходов на научно-исследовательскую деятельность составляет 0,08% от ВВП. Поэтому в целях увеличения темпов развития науки и техники, технического перевооружения отраслей промышленности и улучшения конкурентоспособности продукции отечественных производителей следует существенно увеличить инвестиции в НИОКР.

Государственные и частные исследовательские центры Японии систематически проводят научный анализ различных процессов, которые в той или иной мере воздействуют на экономику, обеспечивая научно обоснованную базу для принятия решений на правительственном уровне. В Экономический Совет, созданный премьер-министром страны, входят не только ученые-аналитики, но и руководители крупных промышленных компаний, что облегчает незамедлительное внедрение выработанных рекомендаций в практику. Обеспечение прозрачности информации как путем привлечения к работе Экономического Совета представителей СМИ, так и публикацией ежегодных отчетов тоже способствует эффективному внедрению государственных решений.

Кроме того, на промышленных предприятиях Японии имеются собственные научно-исследовательские центры, в которые вкладывается значительная часть капиталовложений, выделенных предприятиями для развития НИОКР.

Показатели Японии по расходам на научные исследования являются самыми высокими среди развитых стран. В Японии насчитывается ныне более 600 тыс. научных работников, ими получено свыше 270 тыс. патентов¹. По этим показателям эта страна также занимает первое место в мире.

Как известно, существенное значение в активизации человеческого фактора развития промышленного производства имеет рост благосостояния населения.

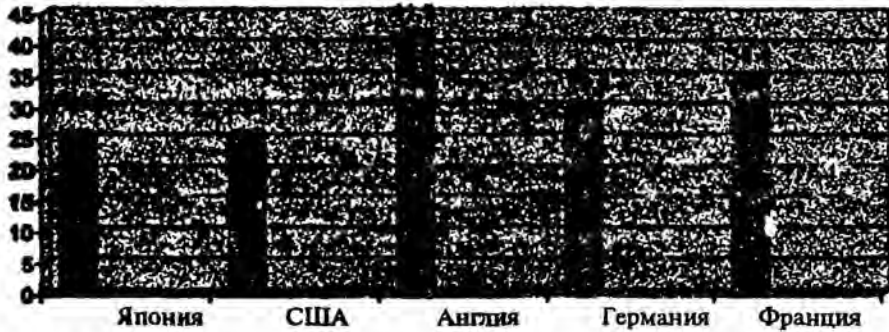
На начальных этапах экономического развития Япония еще не могла позволить себе включение в структуру экономической политики социальную защиту населения, хотя изначально там уделялось внимание росту интеллектуального потенциала нации и включению его в общественный прогресс. Об этом свидетельствуют, в частности, исследования, проведенные японским банком Дайчи-Кангё в 1970 г., согласно которым в США сумма социального страхования на душу населения составляла 100 долл., в ФРГ — 133, во Франции — 125, а в Японии — всего 17 долл.²

Эти ассигнования незначительно отражались на росте благосостояния населения. Путем увеличения заработной платы, снижения налогового бремени как юридических, так и физических лиц государство стимулировало рост производительности труда в реальном секторе, а значит и конкурентоспособность экономики в целом. Для стимулирования экономического развития там были введены самые низкие ставки налогов по сравнению с развитыми странами (см. диаграмму 2).

¹ См.: Ryoshin Himani. Economic Development of Japan. Japan: University of Tokyo Press, 1996. P. 118.

² The Contemporary Japanese Economy. Japan: University of Tokyo Press, 1993. P.33.

Налоговое бремя в Японии, США и других развитых странах мира

Примечание: Налоговое бремя=налоги/национальный доход.

Источники: Министерство финансов Японии. Национальные отчеты ОЭСР; Такэси Хиромацу. Развитие японской экономики. 1998. С. 20.

Следует отметить, что в Японии государство не просто стимулирует развитие человеческого фактора путем мотивации, но и увеличивает количество рабочих мест, в том числе через трансформацию личных сбережений населения в производственные инвестиции. Таким образом, личные сбережения населения превращаются в реальный фактор экономического развития страны при эффективном содействии государства, которое помогает повысить доверие к банковской системе и стимулирует увеличение вкладов населения.

Определив стратегические направления развития, государство в Японии обеспечило весьма выгодные капитальные вложения в те отрасли промышленности, которые приносили доход в ближайшем будущем для каждой семьи. Принимались меры и к недопущению инфляции и сохранению платежеспособности населения, что опять-таки влияло на развитие производства³.

Главным стимулом повышения производительности труда в реальном секторе экономики служит заработная плата. В Японии обеспечены наиболее высокие показатели заработной платы по сравнению с другими развитыми странами (табл. 1).

Таблица 1

Почасовая номинальная заработная плата в развитых странах

Страны	В национальной валюте	В иенах	В % к Японии	Курс иена/доллар
Япония	2087¥	2087	100	—
США	11,76\$	1308	63	121,22
Великобритания	6,19£	1034	50	167,04
Германия	23,82DM	1602	77	67,25
Франция	41,7F	819	39	19,64

Источники: Japanese working Life Profile. Labour Statistics—1999. The Japan Institute of Labour, 2000.

Обеспечиваемый в Японии уровень заработной платы сдерживал рост цен и выступал одним из основных факторов пополнения инвести-

³ 50 Years of the Postwar Japanese Economy. Japan, 1995. P. 57.

ций в промышленность страны. Часть заработной платы на начальном этапе в обязательном порядке удерживалась и систематически зачислялась на счет каждого работника, включаясь в экономический оборот, а затем возвращаясь ему по истечении определенного срока. Этим обеспечивалась неизменная покупательная способность иены. Население страны до сих пор не утратило доверия к государственным финансовым структурам и продолжает хранить свои сбережения на банковских счетах, тратя из них лишь реально необходимые суммы.

Таким образом, население в Японии активно участвует в материальном обеспечении важнейших стратегических программ развития экономики страны, наглядно демонстрируя значимость человеческого фактора.

Надо отметить и роль японских профсоюзов в материальном стимулировании работников производства путем ежегодного увеличения ставок заработной платы, превышающих темпы инфляции (табл.2).

Т а б л и ц а 2

Изменения ставок заработной платы в Японии в 1955–2000 гг.

Годы	Ставки роста заработной платы, %
1955	5,1
1965	9,8
1970	16,9
1975	14,8
1985	2,8
1990	4,7
1995	1,8
2000	0,4

И с т о ч н и к: Министерство здравоохранения, труда и благосостояния. Maitsuki kingo tokei chosa (Ежегодный отчет по трудовой занятости), 2001.

Основной функцией профсоюзов является обеспечение обратной связи между государством и работниками. Уже через 2 года после принятия в 1945 г. Закона «О профсоюзах» в Японии насчитывалось 28 тыс. профсоюзов с охватом 6,3 млн. человек, т.е. 45% всей рабочей силы.

Японский опыт показывает, что инвестиции в человеческий фактор служат самым важным инструментом повышения производительности труда, что, естественно, ведет к увеличению темпов роста промышленности. Здесь небезынтересно отметить тот факт, что, согласно анализу, проведенному Эдвардом Денисом в США, улучшение качества рабочей силы определило там 14% реального национального дохода⁴. Изменения качества рабочей силы в Японии привели к аналогичным результатам.

Немаловажным фактором обеспечения интенсивного развития реального сектора в Японии стало и последовательное возрастание производительности труда благодаря внедрению новейших технологий. В послевоенные годы Япония усиленно импортировала прогрессивные технологии. Причем среди всех подписанных контрактов на импорт оборудования 60% занимали контракты с США.

Техническое перевооружение японских предприятий стимулировалось также путем введения государством ускоренной ставки амортиза-

⁴ Edward F. Denison. Trends in American Economic Growth. 1929–1982. The Brooking Institution, 1985. P. 30.

ционных отчислений и кредитования импорта технологий через государственные банки развития. Благодаря инвестированию в человеческий фактор, подразумевающему профессиональную подготовку, поддержку инновационной, научно-исследовательской деятельности, особенно в сфере технических наук, и т.д., японский экспорт технологий вскоре превысил их импорт. Это еще раз подчеркивает существенную роль интеллектуального потенциала человеческого фактора в экономическом развитии страны.

Если среднегодовой прирост производительности труда составлял в США 3,1%, во Франции—6,4%, в Великобритании—3,2%, в Италии—6,4%, в ФРГ—6%, то в Японии он достиг 11,1%.

Надо отметить также, что в целях улучшения технической безопасности на предприятиях японское государство проводит мониторинг опасных природных и техногенных процессов, обеспечивая прогноз и предупреждение катастроф на предприятиях. Немаловажную роль в определении степени риска играет контроль износа основных фондов предприятий путем определения их критических норм и реальной ответственности за обеспечение уровня технической безопасности на предприятиях.

Стимулирование развития человеческого фактора как со стороны государства, в рамках промышленной политики, так и частного сектора, а главное — его эффективное научно обоснованное использование обрели силу закономерности, способствовавшей переходу Японии в ранг индустриально развитых стран.

Вместе с тем у Японии есть свои проблемы в рассматриваемой области. Прежде всего, это растущая безработица, уровень которой достиг в 2002 г. 5,5%. Но благодаря структурным реформам, ожидается, что в течение 5 последующих лет в отраслях промышленности будет создано 1,23 млн. новых рабочих мест⁵. Кроме того, в Японии идет процесс старения нации: в 2000 г. люди от 65 лет и старше составляли там 14% от общего количества населения, в 2010 г. они составят 18%, а к 2025 г. прогнозируется увеличение их до 25%⁶. При этом прирост населения имеет тенденцию к снижению. Для преодоления проблем, связанных с этой ситуацией, правительство Японии проводит ныне пенсионную реформу в целях снижения возможной нагрузки на рабочую силу в будущем. Каждый работник из собственных источников дохода выделяет определенную сумму для пенсионного обеспечения в преклонном возрасте (накопительная система).

Кроме того, в июне 1994 г. был принят Закон «О стабилизации занятости лиц старшего возраста», в котором указывается, что работодатели должны устанавливать предельный возраст пребывания персонала в фирме не ниже 60 лет.

Государственная политика в трудовой сфере опирается и на практику управления персоналом в частном секторе, всячески подкрепляя ее. Типичный пример взаимодействия государственного и частного секторов дают меры по поддержанию уровня занятости населения, которые предусматривают предоставление компаниям субсидий со стороны государства в обмен на отказ от массовых увольнений в периоды спада экономики.

⁵ О с у м и Н а и р и. Современная японская экономика. Иностраный пресс-центр, Япония, 2002. С. 114.

⁶ Япония 2000: сравнительная характеристика. Центр Кейзай Коко. Япония, 2001.

На уровне компаний поощряются проявления собственной инициативы при решении производственных проблем, профессионально-предпринимательское отношение к работе. Высококвалифицированные работники стимулируются путем психологической и материальной мотивации. Широкое использование надомного труда и сверхурочных часов позволяет компаниям снизить издержки производства, что, в конечном счете, положительно влияет на конкурентоспособность производимой ими продукции. Японские компании широко используют бенчмаркинг, проявляют большую гибкость, что, прежде всего, обеспечивается благодаря маневренности человеческого фактора в принятии решений.

Японский опыт свидетельствует о том, что главными при проведении экономических реформ, в том числе в промышленности, должны стать макроэкономические мероприятия, которые создают благоприятные предпосылки для развития предприятий и улучшения механизмов стимулирования человеческого капитала на микроуровне.

Учитывая опыт Японии, представляется, что в Узбекистане, прежде всего, необходимо разработать комплексную программу по развитию человеческого фактора в промышленном секторе экономики с учетом того, что именно человек выступает главным двигателем экономического роста и развития страны.

Для укрепления и развития научной базы стимулирования развития человеческого фактора в рамках промышленной политики Узбекистана целесообразно основать журнал, специализирующийся на проблемах развития промышленности нашей страны.

Необходимо совершенствование всей сферы профессионального обучения и подготовки кадров в Узбекистане путем создания разветвленной системы ее, начиная буквально с дошкольного возраста.

Задачи увеличения рабочих мест в промышленности требуют дальнейшего стимулирования привлечения иностранных и внутренних инвестиций в промышленность путем снижения таможенных пошлин на сырье, комплектующие, а также налогов на производственную деятельность и стимулирования экспортоориентированных производств. Предлагается ввести налоговые льготы для предприятий, выпускающих экспортную продукцию, в которых заняты женское население, а также молодежь.

Усиление стимулов к повышению производительности труда в промышленности, прежде всего, предполагает увеличение заработной платы, а также снижение ставок налога с нее. Надо снизить и ставки налогов с юридических лиц, занятых производственной деятельностью, для стимулирования увеличения расходов на заработную плату и НИОКР. Очень важно также стимулировать более широкое использование на производстве компьютеров, средств электронной технологии и т.п.

Для обеспечения технической безопасности и повышения конкурентоспособности производимой продукции необходимо ускорение технического перевооружения предприятий через создание банков развития, которые предоставляли бы долгосрочные кредиты под низкие процентные ставки для закупок нового оборудования. Кроме того, нужен жесткий контроль за износом основных фондов на предприятиях.

Предотвращению технологического отставания будут способствовать увеличение государственных расходов на научно-исследовательскую деятельность, поощрение овладения техническими специальностями путем создания в учебных заведениях, начиная со школ, инновационных

кружков, организации престижных конкурсов технических изобретений среди молодежи с выдачей премий и т.д. В технических вузах следует повысить требования к практической части обучения и сдаче экзаменов.

Думается, что комплексная промышленная политика, включающая реализацию этих и других мер по стимулированию развития человеческого потенциала, с творческим учетом японского опыта, позволит увеличить количество рабочих мест, повысить производительность труда в промышленности Узбекистана, ее экономическую эффективность, а значит, усилить конкурентоспособность отечественной экономики, что станет действенным фактором общего экономического развития страны и роста благосостояния нашего народа.

Э. В. РТВЕЛДЗЕ

ТИТУЛЫ ПРАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВ И ВЛАДЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э. — III—IV ВЕКАХ Н. Э.

Политическая значимость того или иного государства, помимо разного рода факторов, во многом определяется титулом, т.е. почетным званием лица, стоявшего во главе данного государства. Эти титулы были наследственными, передававшимися от отца к сыну и т.д., или приобретенными в процессе борьбы за власть с другими равными первоначально по званиям лицами. В процессе укрупнения государства и роста его могущества первоначальный его глава, носивший ранее скромный по значению титул, обрстал все более возвеличивающими его личность, а, следовательно, и его государство, титулами, в ряде случаев ставившими глав подобных государств в родство с божествами, как, к примеру, китайский титул «сын бога» или равнозначные ему индийский титул «девапутра» и бактрийский — «багопоиро». Конечно, истории известны случаи, когда владельцы даже незначительного по площади и политической значимости владения присваивали себе титул «царь» и даже «царь царей», но это, скорее, исключение из правила, чем само правило.

Учитывая все это, перейдем непосредственно к предмету нашего исследования.

Титулатура царей и владельцев древней Средней Азии давно уже интересовала исследователей, и в ее изучении сделано немало, особенно трудами В. А. Лившица¹, Б. И. Вайнберг², И. М. Дьяконова³, Е. В. Зеймалья⁴, С.П. Толстова⁵, О. И. Смирновой⁶, В. Хеннинга⁷.

¹ Л и в ш и ц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе//Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 55—73; Л и в ш и ц В. А., К р у г л и к о в а В. Г. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина//Древняя Бактрия. М., 1979. С. 98—113; Л и в ш и ц В. А., Л у к о н и н В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах//ВДИ. 1964. № 3. С. 155—176.

² В а й н б е р г Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 82—85; Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запуском Кара-тепе)//Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

³ Д љ а к о н о в И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса)//История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 122—125.

⁴ З е й м а л ь Е. В. Политическая история древней Трансоксаны по нумизматическим данным//Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 208—212.

⁵ Т о л с т о в С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

⁶ С м и р н о в а О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

⁷ H e n n i n g W. В. *Mittelliranisch//Handbuch der Orientalistik. Bd. IV: Iranistik, Ab. I. Leiden—Köln, 1958; H e n n i n g W. В. Additional Notes on the Early Coinage of Transoxiana//American Numismatic Society. Museum Notes. VII. New York, 1957.*

Однако ими в основном изучалась титулатура отдельных государств, например Хорезма или империи Кушан, причем главный акцент делался на выявление происхождения титула, его содержания и этнической принадлежности. Пока еще отсутствуют исследования, в которых рассматривались бы титулатура домусульманских правителей Средней Азии в целом, характер ее развития и изменения в хронологической последовательности.

Между тем анализ имеющихся данных позволяет выявить исторически закономерный процесс смены титулатуры правителей Средней Азии на всем протяжении исследуемого периода, в зависимости от языковой принадлежности доминирующих государств или историко-культурных причин.

Сложность изучения этого многовекового процесса заключается в недостаточности информации — это краткие сведения, приводимые в китайских и греко-римских письменных источниках, дополняемые тумизматическими и отчасти эпиграфическими данными. Изучение их показывает, что в эволюции титулатуры правителей Средней Азии рассматриваемого времени можно выделить пять периодов: авестийский (первая половина I тыс. до н.э.), ахеменидский (середина VI — конец IV в. до н.э.), эллинистический (конец IV в. до н.э. — начало второй половины II в. до н.э., но в Бактрии этот период длился до II в. н.э.) и арамейско-кушанский (начало его приходится на II в. до н.э., а завершение — на раннее средневековье), причем арамейско-кушанская титулатура сохранялась в ряде владений Среднеазиатского Двуречья вплоть до VIII в. н.э. включительно.

Это отнюдь не означает, что в Средней Азии не существовало титулов правителей другой языковой принадлежности, к примеру сакской, древнехорезмийской или кангюйской, но, к сожалению, наука пока не располагает подобными данными. Мы не знаем также, какие титулы носили правители оседлоземледельческих племен Средней Азии времени зарождающейся государственности, в эпоху поздней бронзы. Попытки связать с ними авестийскую титулатуру не оправданны, так как отсутствуют прямые доказательства того, что авестийский язык бытовал на пространстве всей Средней Азии уже во II тыс. до н.э.

Итак, первый период — **авестийский** (первая половина I тыс. до н.э.).

Древнейшим известным науке титулом правителей Средней Азии был, вероятно, титул кави, обозначавший, как считают исследователи, царей Бактрии или Дрангианы в доахеменидское время. Именно при дворе одного из таких кави Кави Виштаспы, которого зороастрийская традиция упорно связывает с Балхом (Бактрами), начал свои проповеди Заратуштра.

И. М. Дьяконов считал, что первоначально кави было прозвищем «стихотворец, прорицатель» и лишь потом превратилось в нечто подобное царскому титулу⁸. По мнению В.А. Лившица, титул кави носили вожди по преимуществу кочевых племен, враждебных зороастрийской общине. Этот титул, упоминаемый в Гатах, восходит, по его мнению, ко времени индоиранской общности, т.е. по крайней мере ко II тыс. до н.э.⁹ Кави были также верховными жрецами племени, т.е. совмещали

⁸ Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 138.

⁹ Лившиц В. А. Общество Авесты//История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. 147, 508. Прим. 64.

религиозную и светскую власть. Следовательно, уже на ранней стадии развития первые государственные объединения, во всяком случае на юге Средней Азии, носили теократический характер. Эта традиция сохранялась и в более позднее время, к примеру в Кушанском государстве, найдя свое воплощение в иконографии монет, где царь изображен перед алтарем огня, т.е. выполнявшим жреческие функции. Как считает В. А. Лившиц, в иранской мифологии кави — это «добрые князья», покровители Заратуштры и зороастризма. Он полагает, что титул кави был более высоким, нежели просто вождь племени¹⁰.

От титула кави происходит название второй легендарной династии восточноиранских народов — Кавианидов, основателем которой был некий Кави-Кавата (в Шах-наме — Кей-Кобад), в имени которого сочетаются титул кави и имя Кавата¹¹.

Существовали две династии — Кавианидов (ранние кави) в IX — начале VIII в. до н.э. (по А. Кристенсену, в 900 — 775 гг. до н.э.) и Наутари-ридов (поздние кави), правивших в 660—540 гг. до н.э., т.е. в VII — VI вв. до н.э.

Но действительно ли правители Средней Азии в первой половине I тыс. до н.э. могли носить титул «царь»? Сведения местных источников, в том числе Авесты и древнеиранского эпоса, в этом отношении недостаточно аргументированны. Однако интересные данные можно извлечь из древнегреческих источников, описывающих в Средней Азии события VII—VI вв. до н.э., т.е. доахеменидский и раннеахеменидский периоды.

Так, согласно Ктесию, «саки стояли вне сатрапий», их возглавлял царь, в греческой передаче «басилевс», — Кидрей. Муж легендарной Зарины, правивший, вероятно, в VII в. до н.э., тоже носил титул басилевс, т.е. царь. Аморг, предводитель саков в войне с Киром, т.е. во второй половине VI в. до н.э., и предводитель дербиков Аморея имели тот же титул¹².

Басилевсом назван и правитель Бактрии Оксиарт. О том, что греки хорошо понимали различия в иерархии титулов правителей Средней Азии, свидетельствует уже тот факт, что правитель Парфии Мермер назван просто династом, а правитель племени барканиев Астиал — архонтом¹³, т.е. титулами, по своей иерархической значимости стоявшими ниже, чем басилевс.

Таким образом, очевидно, вполне возможно утверждать, что в доахеменидское время, по крайней мере правители саков и Бактрии, носили царский титул, а их государства можно именовать царствами. В таком случае можно сделать вывод о том, что титул кави бытовал в то время и был равнозначным греческому титулу басилевс.

Титул кави фигурирует и в более позднее время. Так, на медных монетах с изображением жертвенника т.н. «туранской» серии IV—V вв. н.э., обращавшихся в Бухарском оазисе¹⁴, справа от него помещено слово «кави». На бухархудатских монетах VI—VII вв. н.э. перед лицом царя

¹⁰ Там же.

¹¹ Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии: история и культура. М., 2001. С. 341—342; Christensen A. Les Kayanides. København, 1931. P. 31 — 34; Jackson A.V.W. Zoroaster, the Prophet Ancient Iran. N.Y., 1919. P. 57 — 60.

¹² Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 73, 81.

¹³ Там же. С. 75, 79.

¹⁴ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 170; Явич М. М. Замечание о неизвестном среднеазиатском алфавите // ГОВЭ. IV. 1947. С. 212; Смирнова О. И. Заметки о среднеазиатской титулатуре // ЭВ. XIV. 1961. С. 58.

имеется надпись — *rwu't xwβ k'w'*, которую обычно переводят как «государь Бухары, царь», где *xwβ* передает титул «государь», а *k'w'* — царь¹⁵.

Таким образом, титул *k'w'* = «кави, каβ», вероятнее всего, был местного среднеазиатского происхождения и бытовал в отдельных областях региона почти полторы тысячи лет.

Титулы правителей приведены и в Авесте, древнейшие части которой — Яшты и Гаты — отражают период начала I тыс. до н.э.

Среди наиболее значительных титулов — «сатар» — правитель округи и ее центра¹⁶, возможно, типа оазисов с центральным поселением, подобных тем, которые характерны для Бактрии начала I тыс. до н.э., типа Бандьханского оазиса, с центральными поселениями Бандьхан I и II (IX—VI вв. до н.э.). Этот же правитель осуществлял и функции военачальника.

Титул «сатар» означает правителя области, страны.

«Дахьюпати», видимо, равнозначен титулу владыки области. Возможно, это были правители небольших областей, объединявших оазисы типа тех, которые упоминаются при описании похода Александра Македонского в Бактрию и Согд, — Наутака, Ксенишпа, Габаза, Парейтакена и Бубакена¹⁷. Во главе таких небольших владений стояли Оксиарт, Сисимитр, Хориен, Катан. Не исключено, что правители таких рангов, как перечисленные выше, существовали здесь и в более раннее время, так как в V—IV вв. до н.э. сохранялась та же традиционная оазисная структура, начало сложения которой относится к эпохе бронзы. Вероятно, именно такие правители и носили титул дахьюпати.

«Дахьюпат всех дахью». По мнению В. А. Лившица, этот титул означал «владыка над всеми областями», правитель некоего территориального и племенного объединения¹⁸. Такой же точки зрения придерживаются и другие ученые. Возможно, что подобный титул носили правители таких крупных территориальных объединений, как Бактрия, Согд, в состав которых входили более мелкие территориальные единицы — области и оазисы, как, скажем, Бубакена, Парейтакена и т.д.

И. М. Дьяконов, основываясь на данных Авесты, полагал, что в Средней Азии существовали некие объединения областей типа «Мауру Харийской», т.е. объединение Маргианы с Харией (Гератом), рыцельные военные федерации, напоминающие федерации городов Месопотамии времени первых династий Киша и Урука (XXVII—XXVI вв. до н.э.)¹⁹. Во главе федераций, носивших название дахью састи, стояли военачальники, власть которых была ограничена «советом правителей областей» — дахьюнам фратэмадата. В то же время дахьюпат всех дахью был верховным судьей и религиозным главой такого объединения — Заратшутротама, т.е. «наиболее подобный Заратшутре»²⁰.

Таким образом, различного рода источники указывают, что в доахеменидский период, т.е. ранее второй половины VI в. до н.э., для правителей высшего ранга в Средней Азии применялись два титула — кави и дахьюпат всех дахьюпати, которые греческие авторы считали, вероятно, аналогичными титулу *басилевс*.

¹⁵ Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 57.

¹⁶ Лившиц В. А. Общество... С. 139—147.

¹⁷ Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.

¹⁸ Лившиц В. А. Общество... С. 139—147.

¹⁹ Дьяконов И. М. Указ соч. С. 136—137.

²⁰ Лившиц В. А. Общество... С. 149.

Не исключено, что все они были равнозначны и означали высший титул в иерархической структуре государственных объединений конфедеративного типа, существовавших в центральной и западной части Средней Азии в первой половине I тыс. до н.э.

Этот тип государственности сложился на местной основе и в последующем, после господства ахеменидской и эллинистической государственности, становится здесь одним из основных типов государства. Таковыми, но на более высокой стадии развития, конфедеративными государствами были Кангюй, Юечжийское и Эфталитское государства.

Между 539 и 529 г. до н.э. области Средней Азии были завоеваны Ахеменидами, и почти на два столетия (до 329 г., когда в Среднюю Азию пришла армия Александра Македонского) здесь возобладали древнеперсидские царские титулы: «царь», «царь царей».

Сама же Средняя Азия была поделена на особые административные единицы — сатрапии, соответствующие сложившимся здесь еще в доахеменидское время историко-культурным областям: Бактрии, Парфии, Хорезму. Во главе их стояли особые лица — сатрапы, назначенные по личному указанию ахеменидского «царя царей». Крупнейшей из этих сатрапий была Бактрия, сатрапом которой назначался, как правило, сын царя, что свидетельствует о ее особой, весьма значимой роли²¹.

Помимо сатрапий, в Средней Азии ахеменидского времени имели место более мелкие административные единицы, управляемые владетелями, по всей вероятности, из местной аристократии, как, в частности, правитель области Наутака Сизимифр, владетели небольших областей Парейтакена, Габаза — Хориен или бактриец Оксиарт. Но их местные титулы в письменных источниках не приводятся.

С завоеванием южных областей Средней Азии Александром Македонским, установлением затем в них власти Селевкидов и далее греко-бактрийских царей, с середины III в. до н.э. вплоть до начала второй половины II в. до н.э., здесь бытует исключительно эллинская царская титулатура — «басилевс» — царь и «басилевс базилеон» — царь царей. Она хорошо отражена на селевкидских и греко-бактрийских монетах²².

Что касается местной титулатуры правителей, то, вероятно, в Средней Азии в то время не существовало государств, помимо вышеупомянутых греческого происхождения, статус которых соответствовал бы статусу государств типа царства. Исключение составлял, по-видимому, только Хорезм, правитель которого Фарасман (или в другом чтении Фатуфарн), прибывший в Мараканду к Александру Македонскому с предложением дружбы и сотрудничества, в греческих письменных источниках (Арриан) именуется «басилевсом», т.е. царем.

Парфянские цари, освободившиеся от селевкидского господства в середине III в. до н.э., тем не менее сохранили, во всяком случае в легендах на монетах, греческую царскую титулатуру и соответствующие эпитеты²³.

²¹ Пьянков И. В. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана // ВДИ. 1961. № 4. С. 98—103; его же. Средняя Азия... С. 33.

²² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 13—19; Тагн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 63—71; Тагн W. The Greeks Bactria and India. Third edition. Chicago, 1985; Вореагачше О. Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Grecques. Paris, 1991; Houghon and Lorber C. Seleucid Coins: Comprehensive Catalogue. Part I—II. Vol. I—II. The American Numismatic Society. N. Y., 2002.

²³ Гарднер Р. The Parthian Coinage. London, 1877; Гроу. British Museum. Catalogue of Coins of Parthia. London, 1903.

Иным был процесс сложения титулатуры в других историко-культурных областях Средней Азии, в частности в Среднеазиатском Двуречье — Трансоксиане, которые освободились от греческого господства в одних случаях, как Согд и Бухара, вероятно, уже к началу II в. до н.э., а в других — как Северная Бактрия — в начале второй половины II в. до н.э.

Титулатура черховных правителей в них складывалась по-разному, в зависимости от преобладающей роли тех или иных культурных влияний или в силу этнических причин.

Основной источник наших знаний в этом отношении — монеты, которые, начиная с II — I вв. до н.э., чеканятся еще в подражание греко-бактрийским монетам, но на определенном этапе на них появляются легенды на хорезмийском, бактрийском и согдийском языках, в которых отражена титулатура правителей тех или иных владений Среднеазиатского Двуречья. Этот период в развитии титулатуры местных правителей я обозначил как **арамейско-кушанский**, поскольку наиболее характерным признаком их титулатуры является ее арамейское или юечжийское (кушанское) происхождение.

Так, уже во II в. до н.э. на подражаниях тетрадрахам Евтидема, чеканившихся и обращавшихся в области Бухары в I в. до н.э. — I в.н.э.²⁴, появляется, как установил В. Хеннинг, титул MR'Y — мрай²⁵ Первоначальное его значение — господин, но применительно к владельцам Средней Азии он обычно переводится как правитель, но не царского статуса²⁶.

Следовательно, владения, во главе которых стояли правители с титулом MR'Y, не были в подлинном смысле государствами типа царств.

Титул MR'Y обозначен также на южносогдийских серебряных монетах с изображением Геракла и Зевса. На них, помимо титула, имеется и имя правителя, которое Е. В. Зеймаль читает как uw'pw'n²⁷, а я, исходя из восстановленного прототипа надписей, — 'btt— 'MR'Y 'btt²⁸. Начало чеканки этих монет относится, вероятно, ко второй половине II — I в. до н.э., судя по архаическому написанию алефа, сходного с написанием его на подражаниях тетрадрахам Евтидема.

Примерно в это же время на древнехорезмийских монетах групп Б и В, датируемых I в. до н.э. — I в. н.э.²⁹, появляется другой арамейский титул, но более высокого ранга — MLK', который передает титул правителя (царя) различных по своей политической значимости государственных образований, но стоявших по своему статусу значительно выше тех, во главе которых стояли правители с титулом MR'Y. На монетах группы Г, начало чеканки которых относится к IV — V вв. н.э., появляется двойной титул арамейского происхождения MR'Y MLK' — «господин-царь» или «правитель-царь»³⁰.

Аналогичный двоякий титул, но иранского происхождения — х'wб k'w — правитель-царь, где титул х'wб-х'wт'w эквивалентен титулу MR'Y, а k'w — MLK', появляется на бухархуадских монетах в V в. н.э. и бытует там вплоть до VII — VIII вв. н.э.³¹

²⁴ Зеймаль Е. В. Политическая история...

²⁵ Henning W. V. *Mitteliranisch*. P. 26; Лившиц В. А., Луконин В. Г. *Узна* соч. С. 169.

²⁶ Смирнова И. О. *Очерки из истории Согда*. М., 1970. С. 24.

²⁷ Зеймаль Е. В. *Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса*//СГЭ. Вып. XXIV. 1972. С. 68, 73.

²⁸ Ртвеладзе Э. В. *Монеты Кеша*//ОНУ. 2003. № 1. С. 45—46.

²⁹ Вайнберг Б. И. *Монеты*... С. 83.

³⁰ Толстов С. П. *Древний Хорезм*. С. 187; Вайнберг Б. И. *Монеты*... С. 83.

³¹ Смирнова О. И. *Очерки*... С. 56—57.

Следовательно, Хорезм, в отличие от других владений Среднеазиатского Двуречья, был в первых веках н.э. государственным образованием более высокого статуса, за исключением Бактрии, которая входила в состав Кушанского царства, чьи правители носили значительно более высокий титул, чем правители Древнего Хорезма.

Таким образом, можно констатировать, что в II—I вв. до н.э. — первых веках н.э. правители Хорезма, Бухары и Кеша (Южного Согда) носили титулы арамейского происхождения. К сожалению, в отношении Самаркандского Согда каких-либо определенных данных нет, поскольку в легендах на монетах, чеканившихся здесь в то время, проставлялись только имена, без титулов. Можно, однако, полагать, что, согласно китайским письменным источникам, во главе владения Кан (Согд) стояли правители из Дома Чжаову, т.е. юечжей³², а значит, и их титулы могли быть юечжийского происхождения. Гиркод — основатель, по-видимому, этого Дома, как и другие правители Согда, чеканившие монеты, в частности с изображением лучника, мог, подобно своему юечжийскому собрату Куджуле Кадфизу, носить титул племенного вождя — ябгу, возможно, юечжийского происхождения. Во всяком случае, юечжийский (кушанский) вождь Куджула Кадфиз был первым правителем, на монетах которого впервые появляется именно этот титул³³.

Причины появления на монетах в большей части Среднеазиатского Двуречья, за исключением Бактрии, титулов арамейского происхождения остаются пока неясными. Не исключено, что это связано с распространением арамейской письменности и языка, ставшего здесь, как в Ахеменидском Иране, официальным языком и письменностью административного аппарата, делопроизводства и т.д. Во всяком случае, первые памятники древнехорезмийского (или еще арамейского) происхождения, обнаруженные к настоящему времени, относятся, по мнению В. А. Лившица, уже к IV — III вв. до н.э.³⁴

Совсем иным был процесс формирования официальной титулатуры в южной части Среднеазиатского Двуречья, исторические судьбы которой были теснейшим образом связаны с формированием и развитием Кушанского государства.

Титулы правителей этого государства имели сакохотанское, юечжийское, греческое, бактрийское и китайское происхождение.

Согласно китайским источникам, правители пяти юечжийских владений, среди которых было и владение Гуйшуань — Кушан, носили титул си-хоу, или хи-хоу, который, по мнению А. Н. Зографа, равнозначен титулу шаньюй, употреблявшемуся гуннскими и другими правителями кочевых племен Центральной Азии³⁵. Однако ученые считают его равнозначным титулу ябгу — вождь кочевых племен³⁶. На монетах «Кушана» (Герая) употреблен греческий титул «тиран», восходящий к этрусскому *tiṛan* — господин³⁷ и, следовательно, равнозначный арамейскому *MR'Y*, означавшему то же самое — господин.

³² Там же. С. 24—38.

³³ Verma T. P. The Evolution of Kushana Titles//Journal of the Numismatic Society of India. Vol. LII. Parts I — II. Varanasy, 1990. P. 58 — 60.

³⁴ Мамбетуллаев М. Хум с городища Айбуйир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии//Вестник КФАН. 1979. № 1 С. 46—48; Ртвеладзе Э. В., Лившиц В. А. Памятники древней письменности. Ташкент, 1985. С. 5.

³⁵ Зограф А. Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1931. С. 5.

³⁶ Nagain A. K. The Five Yabgus of the Yeechehik/Ludia. History and Thought. P. 176—177; Verma T. P. The Evolution of Kushana Titles... Там же литература вопроса.

³⁷ Словарь античности. М., 1989. С. 578.

Титулом MR'Y именовались, как мы уже отмечали, в то же самое время правители Хорезма, Бухары и Южного Согда. Таким образом, правители владений, образовавшихся в II—I вв. до н.э. в Среднеазиатском Двуречье, носили в сущности одинаковые по своей политической значимости титулы, но разного этнического происхождения: арамейского и греческого.

Согласно Э. Кеннеди, титулом «тиран» обозначались мелкие зависимые правители³⁸, однако в греческой традиции тираном именовался человек, насильственно захвативший власть в полисе и установивший единоличное правление. Основополагающий признак тирании — единовластие. Наряду с тиранами мелких, незначительных территорий, в греческой истории существовали и тираны, владевшие большими территориями и обладавшие неограниченной властью, как, скажем, Писистрат в Афинах, Дионисий I и II, Гиерон I и II в Сиракузах, тираны Самоса и Коринфа³⁹.

Если в отношении Кушана (Герая) также употребляли данный титул, то не означает ли это, что первый известный науке правитель Кушан пришел к власти насильственным путем, подчинив себе остальных юечжийских правителей, и что процесс объединения юечжей под властью Кушан начался ранее, чем об этом сообщают китайские источники, и не Куджула Кадфиз, а сам Кушан («Герай») пытался создать первое Кушанское государство?⁴⁰

Известный ареал монет Кушана («Герая») не препятствует такому предположению: они распространены на большей части Бактрии, особенно восточной, а также в Гандхаре.

Последователь «Герая» на пути становления Кушанского государства — Куджула Кадфиз носил иные титулы. На всех четырех самых ранних типах монет в легендах на кхароштки он именуется как «Kushana Yavugasa», т.е. «ябгу Кушан»⁴¹. Этот же титул в греческом написании передан на его монетах как Зооу (род падеж от Зоңс), что также означает предводителя или вождя кочевых племен⁴².

Имеются определенные расхождения в трактовке этнической принадлежности данного титула. Одни ученые считают титул ябгу тюркского, другие — сакохотанского, т.е. восточноиранского, происхождения, перешедшего затем в тюркские языки⁴³. Позднее, видимо, во второй период правления Кадфиза I, на его монетах появляются уже царские титулы индийского происхождения — «великий царь» и «царь царей» (махараджа раджатираджа)⁴⁴. Следующий за ним царь — «Сотер Мегас», которого сейчас, исходя из данных Рабатакской надписи, ото-

³⁸ Зограф А. Н. Монеты... С. 5.

³⁹ Словарь... С. 578.

⁴⁰ Об этом см.: Ртвладзе Э. В. К истории становления Кушанского государства в Бактрии и Гандхаре//Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000. С. 145—149; то же на англ. яз. Там же. Р. 39—43. По мнению Дж. Крибба, «Герай» равнозначен Куджуле Кадфизу. См.: Crabb J. The «Heraus» Coins. Their Attribution to the Kushan king Kujula Kadphises. С. AD. 30—80//Essays in honour of Robert Curson and Kennet Jenkins. London, 1993. P. 107—134.

⁴¹ См., к примеру: Chatterjaya B. The Age of the Kushanas: A Numismatic Study. Calcutta, 1967. P. 22—28; Mukherjee. The Rise and Fall of the Kushana Empire. Calcutta, 1988. P. 30—39.

⁴² Verma T. P. The Evolution... P. 61—62.

⁴³ Bailey H. W. Languages of the Saka//Handbuch der Orientalistik. Bd. 4. Leiden, 1958. P. 136; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические источники. М., 1964. С. 111; Froye. Some early Iranian Titles//Oricus. Leiden, 1962. Vol. 15. S. 356—358.

⁴⁴ Cunningham A. Coins of Indo-Scythians//N. Chronicle, XII (3rd series). 1892. P. 66; Chatterjaya B. The Age... P. 28.

ждествляют с Вимой Так(то) или Саддапканой⁴⁵, носил уже греческий титул «Басилевс базилеон» — «царь царей». Этот же греческий титул сохраняется у его преемников — Вимы Кадфиза и Канишки⁴⁶.

Более пышной и высокозначимой титулатура кушанских царей становится только при Кадфизе II, при котором в состав Кушанской империи вошли обширные территории Северной и Центральной Индии.

Титулатура Кадфиза II — в основном индийского происхождения, хотя еще сохраняется традиционный греческий титул «Басилевс базилеон». Вместе с тем, в Матхурской надписи впервые по отношению к кушанскому царю употреблен иранский титул *Shahi*. Впоследствии этот титул в бактрийской форме *Shao* или в сочетании *Shaonano shao* употребляется всеми кушанскими царями от Канишки I до Канишки III включительно.

На монетах Кадфиз II именуется как *Maharaja Rajatiraja, Sarvaloga-Ishvara, Mahishvara*, т.е. «царь царей, повелитель мира», Махишвара (один из эпитетов Шивы). Кроме того, в ряде эпиграфических надписей приведен еще один титул Кадфиза II — «*devaputra*» — «сын неба», явившийся, по мнению некоторых ученых, начиная с Э. Томаса, заимствованием из китайской практики, где «сыновьями неба» именовались китайские императоры из династии Хань. Вместе с тем, Мукерджи не исключает здесь некоторого греческого и аршакидского влияния⁴⁷.

В отличие от своего предшественника Кадфиза II, отдававшего предпочтение индийским традициям, Канишка I в своей административной, религиозной и языковой политике опирался на Бактрию. В частности, им была проведена реформа языка, что давно установлено по монетным легендам, а теперь подтверждается и данными Рабатакской надписи⁴⁸.

В монетных легендах греческая титулатура «Басилевс базилеон» была заменена на эквивалентную бактрийскую титулатуру «*Shaonanosos*», являющуюся заимствованием из сакохотанского языка и повторяющую древнеперсидскую форму «*Kshâathiyânâm Kshâyathia*» — «царь царей». Из монетных легенд исчезла и индийская титулатура. Вместе с тем в эпиграфических надписях употребляются и другие — бактрийские титулы, как *Hoadeo* (в Сурх-Котале и Дильберджине), восходящий к древнеперсидскому *xva-tavya* т.е. самодержец, государь, выступающий наряду с *Shao* как синоним к слову «царь»⁴⁹. Этот титул, но в форме *χθσ*, широко употреблялся на территории Бактрии — Тохаристана вплоть до VIII в. н.э.⁵⁰

В надписи из Сурх-Котала употреблены и другие бактрийские титулы Канишки, подчеркивающие божественность его происхождения, та-

⁴⁵ Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great//Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Kamakura, 1995/96. P. 97—99; Mukherjee J. N. Imperial Cults in the Kushana Empire//India and Central Asia (Pre-Islamic period). Tashkent, 2001. P. 69; Fussman G. L. 'Inscriptions de Rabatak, la Bactriane et les Kouchans//La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Paris, 2001. P. 251—293.

⁴⁶ Verma T.P. The Evolution... P. 63.

⁴⁷ Mukherjee. Imperial Cults... P. 69—70.

⁴⁸ Sims-Williams N., Cribb J. Op. cit. P. 78.

⁴⁹ Sims-Williams N. A Note on Bactrian Syntax //IF. 1973. Bd. 78. P.98; Лившиц В. А., Кругликова И. Т. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина//Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979. С. 102—103.

⁵⁰ Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей... С. 67—69; Ртвеладзе Э. В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 120—131.

кие, как «Bago shao» — «Бог-царь» и «Bago rougo» — «Сын бога», равнозначный индийскому «devaputra»⁵¹.

Во второй половине III — IV в. н. э., после падения Кушанского государства, такие титулы, как Shao и Хоадео, в несколько видоизмененной форме, иногда Shayo и Хдео, хотя и сохраняются, но теряют свою былую значимость. Носившие эти титулы правители зачастую были владетелями небольших территорий, как, к примеру, Shao Goboziko в районе Термеза⁵² или Shao Rogoz(iko) в Чаганиане⁵³. Этот процесс утраты былого значения титулатуры продолжается и в раннее средневековье.

В III — IV вв. н.э. почти на всей территории Среднеазиатского Междуречья по отношению к правителям употреблялись прежние арамейские титулы MR'Y и MLK', иногда в двойном сочетании, как в Хорезме MR'Y MLK'. Исключение составляли только Бухара и Тохаристан. В Бухаре на медных монетах IV в. н.э. с изображением жертвенника употреблялся очень древний титул k'w'⁵⁴.

В Тохаристане, завоеванном Сасанидами, возможно при Шапуре I (241—272 гг.), преобладающее значение по отношению к правителям занимает титулатура на среднеперсидском языке. Тохаристан, составивший при Сасанидах особую область, управлялся в то время правителями, которые в легендах на сасанидо-кушанских монетах именуются: kws'n MLK' — царь кушан, RB'CWS'n MLK'n — Великий царь кушан и RB' KWS'n MLK'n MLK' — Великий царь царей кушан⁵⁵.

На кушано-сасанидских монетах правители обозначены такими же титулами, но на среднеперсидском языке: вместо Shaonanoshao Koshono—Ozorko Koshono Shohonoshoho или Ozorko Koshono Shoho — «Великий царь царей кушан» или «Великий царь кушан»⁵⁶.

Таким образом, анализ эволюции титулатуры правителей Среднеазиатского Двуречья показывает, что титул «царь», если таковым считать титул «кави», применяется к ним уже в начале I тыс. до н.э. Затем в применении титула «царь» наступает большой перерыв: на юге до середины II в. до н.э., на севере (в Хорезме) — до конца IV в. до н.э., связанный с господством в этой области иноземных династий: в середине VI — конце IV в. до н.э. — Ахеменидов, а затем на юге с конца IV в. до н.э. до второй половины II в. до н.э. — правителей эллинского происхождения.

Только в конце третьей четверти I в. до н.э. во главе созданного тогда же древнехорезмийского государства становится правитель, носивший титул «царь». Титулы «царь» и «царь царей» носили и греческие правители Бактрии, по-видимому, до начала III в. до н.э. владевшие и Согдом.

Правители остальных владений в Среднеазиатском Двуречье, судя по монетным данным, начиная со второй половины II в. до н.э., т.е. после падения Греко-Бактрийского царства и установления здесь власти правителей юечжийского происхождения, имели титул MR'Y (в Согде, Бухаре, Чаче), иерархически стоявший ниже титула «царь» — MLK' или kwβ.

⁵¹ Hennig W. B. The Bactrian Inscription//BSOAS. 1960. Vol. XXIII.P. L. 1. P. 47—55; Mukherjee. Imperial Cults... P. 69.

⁵² Вайнберг Б. И. Некоторые... С. 130—132.

⁵³ R t v e l a d z e E. V. A Bactrian Seal (nado Khum). Bearing the Name of an Unknown King(?) from Chaghanian//Circle of Inner Asia Art. Issue 18. London, 2003. P. 12—15.

⁵⁴ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 170.

⁵⁵ Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 135— 138, 163—175.

⁵⁶ Там же. С. 139—142.

Подобное положение сохранялось здесь на протяжении всего древнего периода вплоть до эпохи раннего средневековья, т.е. до IV в. н.э. Только правители двух областей Среднеазиатского Двуречья в античный период имели титулатуру высшего ранга. Это владетели Хорезма, именуемые на монетах MR'Y MLK' — «господин — царь» и правители Бактрии — Тохаристана, входившей в состав Кушанского государства, чьи цари носили титулы самого высшего иерархического порядка, сравнимые разве что с титулатурой самых значимых государств античного мира — Китая, Парфии и Рима.

Что же касается Кангюя, то в этом государстве, вероятно конфедеративного устройства, не существовало общегосударственного монетного чекана, а потому неизвестно, какой иерархической значимости титул имел его правитель.

В китайских письменных источниках упоминаются пять кангюйских владений, локализация которых вызывает большие сомнения, как и то обстоятельство, что некоторые из них якобы находились в пределах Согда, Бухары и Хорезма. Те же китайские источники утверждают, что во главе этих владений стояли правители из «Дома Чжаову», т.е. были юечжийского происхождения. Не исключено, что в локализации упомянутых владений более верную точку зрения высказал А. Н. Бернштам, помещавший их по Сырдарье⁵⁷. Причем, как мне представляется, крайним юго-восточным пределом Кангюя был Чач, а северо-западным — низовья Сырдарьи. Монеты этого периода разных областей Среднеазиатского Двуречья и титулатура на них говорят о достаточно высокой политической самостоятельности владений-государств, особенно Хорезма, правителю которого принадлежал царский титул.

Если в соответствии со значимостью титулатуры построить иерархическую лестницу древних государств Среднеазиатского Двуречья, то высшая ее ступень, несомненно, принадлежит Кушанскому царству (государству Больших Юечжей). На следующей ступени находятся Хорезмийское царство, а на более низких ступенях располагаются такие владения (но не царства!), как Бухара, Самарканд, Кеш, Чач.

Что же касается лингвистической принадлежности титулатуры правителей древних государств и владений Среднеазиатского Двуречья, то в зависимости от разного рода обстоятельств и, в частности, политического господства того или иного государства и локальных культурных традиций она была различного происхождения: арамейского, греческого, древне- и среднеперсидского, индийского, сакохотанского, бактрийского и согдийского. Это показывает, сколь сложным и разнообразным был исторический процесс формирования государств и владений в Среднеазиатском Двуречье и какие этнические группы принимали в нем активное участие.

Все это проливает дополнительный свет на важные аспекты исторического процесса развития древней государственности на территории Среднеазиатского региона на протяжении почти полуторатысячелетнего периода, с I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э.

⁵⁷ История таджикского народа. Т. I М., 1963. С. 348; Бернштам А. Н. Проблемы древней истории ...Южного Казахстана//Изв. АН КазССР. 1949. № 67.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**О РОЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ПОВЫШЕНИИ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

Как известно, в нашей республике с 1995 г. осуществляется реализация целей, поставленных Программой углубления процесса разгосударствления и приватизации, предусматривающей разукрупнение монополистических производственно-хозяйственных структур и создание конкурентной рыночной среды. Особое внимание при этом уделяется вопросам создания надлежащих условий для работы предприятий в постприватизационный период, дальнейшего расширения негосударственного сектора, формирования рынка ценных бумаг, привлечения иностранных инвесторов.

«Благодаря принятым правительством республики в последние годы мерам, — подчеркивает Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, — макроэкономическая и деловая среда, в которой функционирует частный бизнес, сегодня значительно улучшилась. Это признают как отечественные предприниматели, так и зарубежные эксперты»¹.

Решение поставленных задач потребовало поиска собственного пути обновления общества, социально-экономического прогресса и выработки новой стратегии планирования на отечественных промышленных предприятиях. Весьма актуальной стала проблема обеспечения конкурентоспособности национальной промышленности и ее продукции. Для Узбекистана она оказалась принципиально новой, ибо во времена плановой экономики вопрос о конкурентоспособности не возникал ввиду отсутствия конкурентной среды на внутреннем рынке при безраздельном господстве государственного сектора. Поэтому тогда можно было говорить либо о конкурентоспособности на мировом рынке, и тогда круг оцениваемой продукции сокращался до тех ее видов, которые реально экспортировались за рубеж, либо о конкурентоспособности в более широких пределах. Но тогда этот вопрос уходил в чисто теоретическую плоскость, и сравнение, как правило, происходило с продукцией мирового рынка.

Поэтому, говоря о конкурентоспособности в настоящих условиях, при все более широком развитии рыночных отношений, мы обязаны переходить от теоретических рассуждений к практическим целям, продиктованным фактической конкуренцией как внутри страны, так и за рубежом.

При анализе проблем, связанных с реальной конкурентоспособностью национальной промышленности, следует перейти от глобальных

¹ Каримов И. А. Наша главная цель — демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны: Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса//Народное слово. 2005. 29 янв.

категорий, таких, как «страна», «промышленность», к более узким категориям типа «отрасль», «подотрасль», «предприятие». Такой подход позволит не только критически проанализировать уровень конкурентоспособности отдельных структурных составляющих отечественной промышленности, но и детализировать факторы ее повышения. Кроме того, детальный анализ конкурентоспособности на уровне отдельных отраслей и даже предприятий даст ключ к пониманию самой сути проблемы структурной перестройки национальной промышленности, ее перспектив и возможностей регулирования этого процесса со стороны государства.

Как известно, главной целью промышленного предприятия в современных условиях являются получение прибыли и решение социальных проблем путем своевременной и выгодной реализации изготовленного товара, доведения его до потребителя. Для достижения этой цели предприятию приходится выявлять и реализовывать свои конкурентные преимущества, производить конкурентоспособную продукцию и определять свою нишу на рынке, конкретную группу потребителей. Работа по определению группы потребителей по целевым сегментам рынка, количества, цен и сроков поставки товаров и технологии удовлетворения потребностей называется сегментацией рынка. Стратегические вопросы ее рассматриваются при стратегическом планировании.

На стадии стратегического планирования формируется общая стратегия предприятия, прогнозируются нормативы конкурентоспособности товаров, определяются стратегия и конкретные пути охвата базового рынка. Однако надо сказать, что для разработки эффективной стратегии предприятия нашей республики еще не располагают необходимой методикой, позволяющей оценивать, насколько эффективна текущая стратегия предприятия; каковы ее слабые и сильные стороны; каковы конкурентоспособность и конкурентный потенциал; каковы возможности задействованной стратегии с точки зрения защиты предприятия от конкурентов и неблагоприятных внешних воздействий; какие действия следует предпринять для усиления конкурентоспособности данного предприятия; какие стратегические задачи стоят перед ним на перспективу.

Следовательно, для выработки стратегии планирования и определения позиции предприятия на рынке с учетом обеспечения конкурентоспособности его продукции устанавливается возможность ее сбыта в условиях действий конкурентов. Общая структура анализа конкурентоспособности промышленной продукции включает:

- оценку группового показателя конкурентоспособности по техническим параметрам;
- оценку группового показателя конкурентоспособности по экономическим параметрам;
- анализ нормативных параметров.

На стадии реализации стратегии для потребительских товаров проводится микросегментация по следующим этапам:

- разбивка рынков товара на однородные сегменты с точки зрения желательных достоинств товара и отличий от других сегментов;
- выбор целевых сегментов, исходя из задач предприятия и его специфических возможностей, а также позиций конкурентов;
- позиционирование товара в каждом целевом рынке;
- разработка целевой маркетинговой программы с эффективным использованием и мониторинга, и бенчмаркинга, и др.

Первый этап — разбивка рынков товара на однородные сегменты — может выполняться следующими способами:

— на основе социально-демографических характеристик потребителей (социально-демографическая, или описательная сегментация);

— на основе выгод, которые ищут в товаре потенциальные потребители (сегментация по выгодам);

— на основе стиля жизни, описанного в терминах активности, интересов и мнений (социально-культурная сегментация);

— на основе характеристик поведения потребителя при покупке товара (поведенческая сегментация).

В качестве основы системного подхода к проблеме конкурентоспособности нами избран общепризнанный в современной литературе подход, основанный на работах известного американского экономиста Майкла Портера², который заключается в том, что на конкурентоспособность страны (отрасли, подотрасли, предприятия), по мнению Портера, оказывают влияние четыре группы факторов:

1) параметры спроса, определяющие возможности реализации продукции, а также границы возможных изменений цен на нее;

2) наличие конкурентной среды, стимулирующее постоянный поиск нового, повышение качества и эффективности производства;

3) параметры факторов, используемых в процессе производства, — сырье, материалы, энергия, рабочая сила;

4) наличие родственных и поддерживающих отраслей, связанных с основными конкурентоспособными отраслями, т.е. тех отраслей, которые позволяют максимально повысить качество продукции в широком смысле слова.

Если попытаться условно проранжировать отдельные факторы из этого «ромба конкурентоспособности» по степени существенности их влияния на экономику Узбекистана, то очевидно, что наиболее существенным окажется фактор спроса. Именно его динамика в настоящее время определяет не только конкурентоспособность, но и просто условия выживания предприятий. Каков же тот спрос, за удовлетворение которого потенциально может бороться отечественная промышленность? По нашему мнению, для этого необходимо наиболее рационально использовать те производственные ресурсы, которыми обладает наша страна, и быстрее наращивать объем тех из них, которые играют ключевую роль в достижении высокой и устойчивой конкурентоспособности. Как известно, к производственным ресурсам относятся компоненты, необходимые для производственной деятельности, а именно: труд, природные ресурсы (включая землю), капитал и предпринимательские способности. Все эти факторы, разумеется, требуют глубокого специального изучения.

В целом же, в условиях либерализации экономики Республики Узбекистан рационализация системы стратегического планирования, разработка эффективной стратегии развития промышленных предприятий должны быть, прежде всего, самым тесным образом сопряжены с последовательным развитием внутренней системы частной собственности в национальной экономике Республики Узбекистан.

М. Н. Абдуллаева

* * *

² Портер М. Международная конкуренция/Пер. с англ. Под ред. и с предисл. В. Д. Щетинина. М., 1993. 396 с.

О ПОНЯТИЯХ МОТИВА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Всякое умышленное преступление совершается по какому-либо мотиву и с той или иной целью. Между тем не каждый состав преступления характеризуется мотивом или целью¹. Мотив, как побуждение человека совершить определенный поступок, в частности мотив преступления, представляет собой сложный эмоциональный и волевой процесс, происходящий в психике человека. Именно он придает личности силу и стремительность, выступает стимулом ее активности.

Проявление мотива в сфере уголовного права имеет свои особенности, что вызывает необходимость дать ему самостоятельное уголовно-правовое определение. Уголовно-правовое и криминологическое понятие мотива преступления может строиться только на психологической основе, поскольку преступление — это разновидность социальной активности индивида, которая отличается от всех прочих форм поведения лишь своей правовой оценкой, и, соответственно, основные социальные и психологические закономерности человеческого поведения присущи и преступлению с учетом особенностей, связанных с его ненормативным характером.

Наиболее распространенным как среди психологов, так и юристов является определение, согласно которому под мотивом понимается исходная побудительная причина человеческого поведения, направленная на совершение какого-либо деяния, в том числе преступления². Весь вопрос в том — что это за побудительная причина? Какие факторы можно считать двигателями человеческой воли, а значит, мотивами?

Среди психологов и юристов по этому вопросу нет единства мнений.

Одни ученые полагают, что единственными двигателями человеческой активности служат те или иные потребности³, «представляющие из себя ту нужду, которую в чем-либо испытывает человек в определенных условиях, и которые субъективно переживаются в виде влечений и желаний»⁴.

Другие специалисты, напротив, считают, что сама потребность в качестве мотива выступает очень редко. Осознаваясь и переживаясь как особого рода чувство неудовлетворенности, потребность порождает мотив как побуждение осознанное, оцененное и принятое человеком в качестве идеального основания и оправдания своего поведения⁵. Вместе с тем эти авторы не показывают, какие же факторы выполняют побудительную роль и, следовательно, являются мотивами.

Большинство ученых придерживаются мнения, что побуждать чело-

¹ Когда в юридической литературе говорится, что любое умышленное преступление совершается по какому-либо мотиву или с какой-либо целью, то они понимаются в социально-правовом или криминологическом значении. Если же упоминается о мотиве и цели как факультативных признаках субъективной стороны преступления (т.е. они присущи не каждому составу преступления), то имеется в виду их уголовно-правовое значение, влияющее на квалификацию преступления (Г а у х м а н Л. Д. Квалификация преступления: закон, теория, практика. М., 2003. С. 165).

² См., напр.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. Ташкент, 1966. С. 33; Б о р о д и н С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 81; и др.

³ См.: М е р л и н В. С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971. С. 11; Ч х а р т и ш в и л я Ш. Ш. Место потребности и воли в психологии личности // Вопросы психологии. 1958. № 2. С. 116–121.

⁴ Н а у м о в А. В. Мотивы убийств: Учебное пособие. Волгоград, 1969. С. 10.

⁵ См.: Д а г е л ь П. С., К о т о в Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 179; и др.

века к действиям, наряду с потребностями, могут также интересы, взгляды, убеждения, чувства и другие относительно постоянные величины, наиболее целостно характеризующие личность человека и входящие в ее структуру⁶.

Хотелось бы отметить, что большинство определений мотива, используемых криминологами и криминалистами, исходят из признания того, что мотивы сознаются действующим лицом, а безмотивных действий не существует, если только они не совершаются в состоянии такого душевного заболевания, которое исключает возможность совершения человеком сознательных мотивированных поступков.

Забегая вперед, отметим, что в действительности так бывает далеко не всегда. Поэтому нам представляется приемлемым более широкое определение мотива, не содержащее признака осознанности: «Мотив преступления — это побудительная причина к его совершению». Но и это общее определение нуждается в конкретизации.

Итак, для того, чтобы ответить на поставленный вопрос — что же является движущей силой человеческой активности, — надо, прежде всего, выяснить источник этой активности.

Представляется, что источником всякой человеческой деятельности выступают потребности. Мы разделяем позицию тех авторов, которые рассматривают потребность как осознанное и неосознанное отражение нужды в определенных условиях жизнедеятельности личности⁷. В процессе осознания и опредмечивания потребностей появляются интересы, влечения, стремления, желания и другие элементы сознания индивида. Все эти психические образования тесно связаны с потребностями, формируются на их основе, являются «вторичными» в генетическом плане, однако именно они обуславливают непосредственные движущие силы человеческой активности — мотивы

Очень часто побудителями человеческой активности выступают интересы. Интерес произведен от потребности. В психологическом понимании он представляет собой личное пристрастие к чему-либо⁸, осознанную потребность. Осознанность интереса отличает его от влечения — неосознаваемого переживания потребности. Интерес и влечение имеют направленностью удовлетворение той потребности, на основе которой они возникли. При этом мотивом поступка они становятся, когда встречаются с предметом, способным удовлетворить эту потребность (нужду). «Конкретизация потребности в ее предмете и противоречие между этой актуальной потребностью и условиями ее удовлетворения приводят к возникновению мотива — активного состояния психики, побуждающего к деятельности»⁹.

Отражаясь в сознании, интересы личности приобретают мотивационное значение в виде представлений, мнений, идей, идеалов. Это содержательная сторона мотива, на основе которой складывается вывод о

⁶ Психологическая структура мотивов преступления//Правоведение: Учебник. М., 1978. С. 94; В о л к о в Б. С. Мотивы преступлений. Казанский Государственный Университет, 1982. С. 11; Н а у м о в А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 229–230.

⁷ См.: С е л и в а н о в В. И. Сила потребности и волевое усилие//Проблемы формирования социогенных потребностей. М., 1964. С. 40.

⁸ А. Г. Ковалев, в частности, определяет интерес как «специфическое отношение личности к объекту в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности» (К о в а л е в А. Г. Психология личности. М., 1965. С. 101).

⁹ З е л и н с к и й А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С. 41.

целесообразности определенного рода поведения с учетом предвидения возможных последствий. Но такой вывод сам по себе не становится побуждением к действию (в том числе преступному). Активность лица (человека) реализуется под воздействием эмоциональных переживаний — стремления, желания, влечения, страсти. Эмоции (чувства) собой функции потребностей и оценки субъектом возможности их удовлетворения; они составляют динамическую (энергетическую) сторону мотива¹⁰. В итоге действенность мотива определяется силой и напряженностью эмоциональных переживаний, а последние зависят от остроты актуальной потребности и существующей в данный момент возможности ее удовлетворения. Протекание эмоциональных переживаний зависит также от типа нервной системы (темперамента) или психологического состояния личности.

Надо сказать, что некоторые авторы переоценивают значение чувств (эмоций) в деле мотивации человеческого поведения. Справедливой в этом отношении представляется критика сторонников эмоциональной теории, полагающих, что эмоции (чувства) выступают в качестве единственного источника активности личности, мотивом человеческого поведения¹¹.

Между тем, будучи динамической (энергетической) стороной мотива, эмоции (чувства) являются лишь одной из категорий (собственно — побуждением), обуславливающих его формирование.

Мотив непосредственно связан с волевыми качествами личности, которые могут усиливать одни и ослаблять другие мотивы.

Принятию преступного решения, иначе говоря, возникновению умысла, предшествует сложный процесс — борьба мотивов, которая заключается в обсуждении возможных вариантов: действовать или не действовать, в каком направлении действовать, каким путем и каким способом.

При принятии решения, в конечном счете, побеждает более сильный мотив, который и определяет дальнейшее направление воли субъекта. Характерной при образовании преступного решения (образовании умысла) является победа общественно опасного мотива над сознанием долга.

Нередко в аффектированных и неразумных преступлениях обнаруживается непонимание субъектом их подлинного содержания. Это происходит из-за порой неправильного отражения потребностей в психике субъекта. Одни и те же объективно обусловленные потребности у разных людей приобретают неодинаковый личностный смысл и, отражаясь в сознании, всегда преломляются через фиксированную антисоциальную установку преступника.

В юридической литературе господствует представление о мотивах как обязательно осознанных побуждениях. Однако многие психологи и философы, изучающие проблемы личности, полагают, что подлинные мотивы всякого поведения осознаются далеко не полностью и не все-

¹⁰ Мотивы всякого поведения, в том числе преступного, имеют две стороны: содержательную и динамическую (энергетическую). (См.: А с е е в В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976. С. 22; М я с и щ е в В. Н. Личность и отношения человека // Проблемы личности: материалы симпозиума. Т. 1. М., 1969. С. 69).

¹¹ Такую ошибку, в частности, допускает Я. М. Брайнин, преувеличивая роль эмоций (См.: Б р а й н и н Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 31).

гда¹². Данная точка зрения, на наш взгляд, заслуживает определенного внимания.

Содержательная сторона мотива, т.е. основание действия — мысленное представление о причинах его совершения, — далеко не всегда адекватно отражается в сознании, а иногда и вовсе в нем не фиксируется. В последнем случае говорят о немотивированном поведении, хотя немотивированных поступков не бывает. В так называемом немотивированном поступке присутствует лишь одна мотивационная категория — побуждение. Еще реже правильно осознаются эмоции, выступающие в качестве динамической стороны мотива. Очень часто они переживаются на подсознательном или только на внутреннем психологическом уровне, не выходя за рамки субъективных переживаний. Поэтому, если индивидом не осознаются собственно побуждения, т.е. желания и их причины, то нельзя говорить об осознанности мотива и в тех случаях, когда лицо правильно понимает основание действия.

Итак, можно резюмировать, что мотивом преступления являются потребности личности и связанные с ними интересы, отраженные в психике действующего лица. Сознательное обоснование мотива образует его содержание, а эмоциональные переживания, обуславливающие желание, влечение, стремление к чему-либо, — его динамическую (энергетическую) сторону. Содержательная сторона мотива не всегда адекватно осознается лицом. Часто не осознается и динамическая сторона мотива. Таким образом, мотивы преступлений осознаются не полностью и не всегда.

Понятие мотива иногда отождествляют с понятием мотивации, однако это различные по содержанию и объему дефиниции, хотя и тесно между собой связанные и взаимно обусловленные.

Если мотивом принято считать исходную причину, побуждающую индивида к деятельности, то мотивация — это не просто совокупность мотивов¹³, а процесс реализации мотива, процесс внутренней психической детерминации поведения. При исследовании мотивации учитывается не только собственно мотив, но и вся мотивационная сфера личности — ее установки, волевые и эмоциональные качества, т.е. вся совокупность психических моментов, определяющих поведение человека¹⁴.

Не сводится к тождеству и соотношение между понятием мотива и цели. Если мотив — обязательный источник преступной деятельности, то цель — мысленный результат, который субъект стремится достичь, совершая преступление. Цель преступления определяет направленность преступного деяния. От нее же зависят и вид деятельности, ее способ и средства. Как отмечает А. Ф. Зелинский, «цель выступает и в качестве мотива действия, поскольку его побуждает, но не всякий мотив можно назвать целью. Поступок немислим без мотива; бесцельные действия, совершаемые ради них самих, — обычное явление в человеческом поведении»¹⁵.

¹² См.: Боровский М. И. Детерминизм и нравственное поведение личности. Минск, 1974. С. 150–151; Зелинский А. Ф. Указ соч. С. 67–68; Якобзон И. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 201; Смиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 121.

¹³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. С. 35.

¹⁴ См.: Якобзон И. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 12.

¹⁵ Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 63.

Будучи всегда и прежде всего актом сознания, цель обретает побудительную, мотивирующую силу через эмоциональное переживание — желание реализовать ее. В сущности, цель — это осознанный мотив, выступающий в виде представления о желаемом результате¹⁶.

В заключение остается лишь отметить, что анализ мотивов и целей имеет особо важное значение для правильной квалификации преступлений органами следствия и судом.

¹⁶ Данное мнение разделяют многие психологи. Так, А. И. Леонтьев называл осознанным мотив «мотивом-целью» (Леонтьев А. И. Указ. соч. С. 201; см. также: Давидов В. В., Зинченко В. П., Талызин Н. Ф. Проблема деятельности в работах Леонтьева А. И. // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 61–66). В. С. Ивашкин пишет: «Мотив сознательно регулируемого действия имеет форму цели, актуализирующей ассоциированную в ней установку в виде плана и образа конечного результата» (Ивашкин В. С. Личность и деятельность. М., 1977. С. 44). По мнению А. Ф. Зелинского, «осознанный мотив преступления в виде представления о желаемом результате имеет форму цели» (Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 68).

О. Г. Крутько

* * *

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО ДЕЛА В УЗБЕКИСТАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Формирование и последовательное развитие банковской системы Узбекистана является важной задачей углубления всего процесса реформ в условиях либерализации экономики республики. Это — звено кредитной системы, концентрирующее основную массу кредитных и финансовых операций, без которых немислимо само существование рыночной экономики. Либерализация экономической сферы в Узбекистане, как известно, связывается, прежде всего, с сокращением регулирующей роли государства и соответствующим расширением меры свобод и ответственности хозяйствующих субъектов. Особое место в разворачивании этих процессов занимает последовательное развитие и укрепление банковской системы республики.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов неоднозначно указывает на особое значение финансовой стабилизации экономики Узбекистана, важную роль в достижении которой играет банковско-финансовая система страны. В частности, он специально подчеркивал, что в настоящее время «особое внимание необходимо сосредоточить на углублении процессов институциональных преобразований, дальнейшем реформировании финансовой и банковской систем, создании развитой рыночной инфраструктуры, формировании конкурентной среды»¹.

Современная кредитная система, как и любая отрасль рыночной экономики, нуждается в совершенствовании организации структуры и составляющих ее элементов: выделении центрального управляющего звена (Центрального банка) и базовых (функциональных) органов. В целях координации деятельности коммерческих банков управляющий орган должен осуществлять надзор за функционированием кредитных учреждений, анализировать их деятельность и через имеющиеся рычаги

¹ Каримов И. А. Наша высшая цель — независимость и процветание Родины, свобода и благополучие. Ташкент, 2000. С. 56.

воздействия направлять ее в нужное русло в рамках проводимой государством кредитно-денежной политики.

Иначе говоря, современная банковская система представляет собой как бы двухъярусную организацию, включающую в себя Центральный банк, осуществляющий управление ею в целом, и коммерческие банки, а также другие специализированные кредитные организации. Для специалистов в сфере банковского дела — это общеизвестные истины, не нуждающиеся в комментариях, однако следует, на наш взгляд, указать на то, что ныне банковская система представляет собой весьма сложную организацию. И в современных условиях развития банковского дела в Узбекистане особую актуальность имеет формирование двухуровневой банковской системы с особой ролью как Центрального банка, так и сети коммерческих банков.

Чтобы уяснить себе те проблемы, которые возникли в республике в процессе реформирования ее банковской системы, на наш взгляд, следует обратиться не только к специфическим вопросам ее функционирования на современном этапе, но и к истории банковского дела в Узбекистане.

В этой связи надо отметить, что нынешняя, достаточно хорошо развитая банковская система Узбекистана имеет долгую и сложную историю. Коммерческие банки стали функционировать и осуществлять свою активную деятельность на территории современного Узбекистана уже во второй половине XIX в. Первоначально развитие банковской деятельности осуществлялось в рамках банковской системы России, соответственно ее общей политике в тот исторический период. Незрелость банковского дела на территории современного Узбекистана до второй половины XIX в. была связана с общей спецификой ведения банковского дела в мусульманских странах, учитывающей нормы ислама, которые в ряде стран сохранились и в настоящее время.

Так, в условиях рыночной экономики банки выплачивают процент по депонентам и взимают процент с заемщиков, разница между этими процентами дает банку доход. Однако некоторые страны исламского мира и в наше время применяют систему, основанную на нормах шариата, которые запрещают использовать «ребу» (процент). Так что даже сейчас банковские системы некоторых стран, развивающихся по законам ислама, ищут и находят некоторые компромиссы, отвечающие требованиям шариата и в то же время позволяющие им успешно вести свои дела в системе экономики. Например, они выработали некоторые альтернативы взамен обычной выплаты процентов. Как известно, обычно кредитор и заемщик создают совместное предприятие по использованию средств кредитора в коммерческой операции, которая приносит либо прибыль, либо убыток, каковы они по справедливости и делят в соответствии с долей участия каждого в деле. Компенсация за предоставленные средства должна тогда выглядеть как доля прибыли, полученной от использования фондов, а величину прибыли в принципе можно рассчитать только по окончании операции.

В истории же банковского дела в Узбекистане такая практика не успела получить широкое распространение, поскольку характерные экономические процессы, происходившие тогда в Российской империи, оказали на нее существенное влияние.

В самой России развитие рыночных отношений потребовало упорядочения денежного обращения. Чтобы активнее содействовать развитию промышленности и торговли, в 1860 г. был создан Государственный

банк России. Ранее кредитованием промышленности и торговли занимались прежде всего банковские фирмы и менялы, широко процветало ростовщичество. Но в условиях неизбежного развития рыночных отношений в России уже с конца XVIII в. начали возникать и прототипы современных кредитных учреждений — казенные банки, которые занимались, главным образом, привлечением средств населения.

Однако до середины XIX в. коммерческий кредит в России был слабо развит, и лишь с начала 1860-х годов в стране стали учреждаться акционерные коммерческие банки, реальная роль которых проявилась позднее, в 1890-е годы. А сам Государственный банк России с начала его создания почти сорок лет (вплоть до 1897 г.) не обладал правом самостоятельной эмиссии, т.е., по современным представлениям, не был подлинным Центральным банком страны.

И все же уже тогда Государственный банк России стал активно открывать региональные отделения, в том числе в Туркестанском крае — в 1889 г. Вслед за ним свои отделения стали открывать и крупнейшие российские коммерческие банки. В конце XIX — начале XX в. стала активизироваться деятельность таких крупных российских банков, как Русско-Азиатский, Волжско-Камский, Азовско-Донской, Сибирский торговый и др.² Таким образом, банковская система в России с самого начала стала формироваться как развитая сеть банковских учреждений и их филиалов на региональном уровне, в том числе на территории современного Узбекистана.

Как мы уже отмечали, Государственный банк России стал подлинным эмиссионным центром после реформы 1897 г. И уже перед первой мировой войной он имел 10 контор и 124 отделения, расширилась его кредитная деятельность и он превратился в реальный «банк банков». В преддверии первой мировой войны банковская система России включала эмиссионный Государственный банк, акционерные коммерческие, ипотечные, городские банки и пр.

Изучение архивных документов того периода показывает, что первым российским кредитным учреждением, открывшим свое отделение в Ташкенте, был Банкирский дом «С.К. Глинка-Янчевский и К°»³, что произошло 28 декабря 1879 г. на основании действовавших тогда законов Российской империи. Так было образовано в Ташкенте товарищество «Банкирский дом С.К. Глинка-Янчевский и К° для производства основных банковских операций». Эта коммерческая организация производила такие операции, как ссуды и открытие кредита; учет векселей и всяких других обязательств; производство и получение платежей; покупка и продажа разного рода ценных бумаг и товаров; покупка и продажа драгоценных металлов и пр.; покупка и продажа ценных бумаг правительства; перевод денег и др.⁴

Впоследствии промышленный подъем 1990-х годов в России и денежная реформа 1897 г. привели к интенсивному развитию операций акционерных коммерческих банков. Российские банки быстро заимствовали формы кредитования и расчетов, оперативную технику западноевропейских и американских коммерческих банков, что, в частности, использовалось и в региональных отделениях банков в Туркестанском крае. При этом они применяли все методы существовавшей тогда кон-

² См.: ЦГА РУз, ф.И — 1, оп. 12, д. 1525, л. 133; оп. 27, д. 425. л. 2 и др.

³ См.: ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 1902.

⁴ См.: там же.

курентной борьбы, чтобы создать себе необходимые условия для успешной коммерческой деятельности.

Следует особо отметить, что российский банковский капитал проявлял большой интерес к Туркестану. Так, по просьбе ряда лиц из купеческой среды 6 апреля 1881 г. Министр финансов Н. Бунге утвердил Устав Среднеазиатского коммерческого банка. На его основе в Ташкенте учреждалось акционерное общество под названием Среднеазиатский коммерческий банк, учредителями которого выступили представители крупных предпринимателей из шести губерний России⁵. Первоначальный капитал банка составлял немалую по тем временам сумму — 500 тыс. руб. Но, по правительственному решению, Среднеазиатскому коммерческому банку «дозволялось производить лишь следующие операции:

а) Учет как русских, так и иностранных торговых векселей и всяких других, на торговых сделках основанных обязательств, назначенных к платежу не далее девяти месяцев, равно представление к пересчету учетных Банком обязательств и векселей.

б) Производство ссуд и открытие кредита не далее как на девять месяцев.

в) Получение платежей по векселям и другим срочным документам к процентным бумагам, передаваемым Банку.

г) Покупка и продажа за счет третьих лиц государственных процентных бумаг, паев, акций, облигаций и закладных листов.

д) Продажа по поручению частных лиц и торговых домов принадлежащих им товаров и пр.»⁶

Иначе говоря, государство в лице Российской империи и в те времена строго регламентировало деятельность кредитных организаций. И это не было спецификой России — во всех экономически развитых странах государство определяло рамки банковской деятельности в соответствии с текущей и перспективной политикой.

Судя по разным источникам, художественной литературе и иным произведениям того времени, корпоративная культура управления в банковских учреждениях, действовавших на территории Туркестана, была на достаточно высоком уровне⁷. Характерно, что клиентами российских банков были не только русские, но и местные предприниматели, которые развивали экономику страны. Это особенно важно учесть для восприятия реального опыта работы их управленческого аппарата и персонала в наше время.

По мере все более активного развития рыночной экономики в России конца XIX — начала XX в. продолжался процесс концентрации и слияния банковских ресурсов. До 80% капитала акционерных коммерческих банков (их тогда насчитывалось около 50) было сосредоточено в 18 банках. Из них выделялись 5 крупнейших банков: Русско-Азиатский, Петербургский международный коммерческий, Азовско-Донской, Русский (для внешней торговли) и Русский торгово-промышленный. Собственные капиталы и вклады этих банков превысили 2 млрд. руб., или 48% средств всех акционерных коммерческих банков страны. Эта ведущая пятерка банков имела много филиалов по всей стране⁸. Под их контролем находилось множество крупнейших промышленных и торго-

⁵ См.: там же.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Ойбек. «Кутлуг кон», фильм «Дело было в Коканде» и др.

⁸ См.: Денежное обращение и кредит в СССР. М., 1947. С. 106–107.

вых фирм. Например, Русско-Азиатский банк контролировал такие предприятия, как Путиловский завод, Петербургский и Русско-Балтийский вагоностроительные заводы; Петербургский международный банк представлял в десятках акционерных обществ и т.д.

Развитие сети коммерческих банков в Туркестанском крае было прямо связано с экономической политикой Российской империи. Характерные подтверждения тому мы находим в «Обзоре деятельности Среднеазиатского Сибирского банка за 1914 г.», где, в частности, было отмечено, что «посевы в Туркестане пшеницы вместо хлопка противоречат здравому экономическому расчету. Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшеницы, каждый лишний пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку»⁹. Иными словами, развитие внутренней и международной конкуренции в производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции определяло основные направления деятельности российских банков как в Туркестанском крае, так и по империи в целом.

В результате уже в начале XX в. при активном содействии российских коммерческих банков стало проявляться преобладание в сельском хозяйстве Узбекистана хлопковой монокультуры. С точки зрения функционирования банковской системы это означало преимущественное кредитование развития посевов хлопчатника и отказ в кредитовании посевов зерновых и других сельскохозяйственных культур. С другой стороны, нельзя не отметить и тот факт, что при участии национального капитала (т.е. местных предпринимателей) в крае началось зарождение хлопкообрабатывающей промышленности.

Российские коммерческие банки кредитовали развитие в Туркестане не только отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности, но и торговых операций; сами активно участвовали во внешней и внутренней торговле. Развитие кредитной системы шло в тесной связи с развитием внутреннего рынка в пореформенной России. Коммерческие банки (особенно московские) с самого начала были связаны с русским торговым и промышленным капиталом и представляли промышленным предпринимателям большие кредиты для реализации их продукции, способствуя тем самым дальнейшему развитию внутреннего рынка и в Туркестане.

В этом отношении характерен и такой пример. Русско-Китайский банк обратился 30 июня 1903 г. с письмом к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой предоставить ему посредничество по выдаче в Туркестане ссуд на железоводство с ассигнованием на это дело из средств Государственного Казначейства без процентов, под залог недвижимого имущества, с обязательством насадить известное число тутовых деревьев¹⁰. Таким образом, государственная власть Российской империи поддерживала коммерческую деятельность банковских учреждений.

Кроме того, российские коммерческие банки активно участвовали во внешней и внутренней торговле. Не имея права, по законам страны, производить покупку и продажу товаров за свой счет, коммерческие банки усиленно развивали комиссионные торговые операции и продажу товаров через поставных лиц. Особенно большую роль играли банки

⁹ См.: ЦГА РУз, ф. 41 — 1, оп. 27, д. 425, л. 6.

¹⁰ См.: там же, оп. 12, д. 489.

как во внутренней торговле хлопком, хлебом и сахаром, так и в экспорте этих продуктов на иностранные рынки¹¹.

Так коммерческие банки, собирая внутренние денежные накопления по всей территории империи и привлекая иностранные денежные капиталы, финансировали создание крупных предприятий на акционерных началах и своими кредитами содействовали развитию торговли и расширению внутреннего рынка. Однако создание крупных предприятий не было характерно для Туркестанского края тех лет.

В ходе развития рыночной экономики в начале XX в. в России активно шли процессы укрупнения банков, а в итоге в конце первой мировой войны сложилась такая ситуация, когда 7 крупных банков, монополистов банковского дела в России, распоряжались по своему усмотрению капиталами десятков рядовых банков. Перед войной доля коммерческих банков с основным капиталом до 10 млн. руб. в общей сумме основных капиталов коммерческих банков России упала по сравнению с 1900 г. с 43,7% до 10,8%. Зато доля капиталов банков-гигантов, поглотивших ряд мелких и средних банков, возросла в 1914 г. до 52,1% всех основных капиталов российских банков. Впрочем, укрупнение банковского капитала было характерно для экономического развития многих стран.

Подводя некоторые итоги нашего краткого анализа развития банковского дела в Туркестане, в том числе на территории современного Узбекистана, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, следует отметить, что в тех исторических условиях мировых экономических процессов, несмотря на некоторые отличия, развитие банковско-кредитной системы в России, равно как и в Туркестанском крае, шло в соответствии с общими тенденциями развития банковского дела в экономически развитых странах.

Во-вторых, формирование банковского дела в Туркестане находилось в тесной связи с развитием как внутреннего рынка в России, так и международной торговли. Все коммерческие банки, действовавшие тогда на территории Туркестанского края, были так или иначе связаны с русским торговым и промышленным капиталом. Противостояние международной конкуренции в данной сфере обусловило практически запрет на деятельность банков западных стран в регионах страны, в частности Туркестана.

В заключение подчеркнем, что ныне банковская система независимого Узбекистана развивается с учетом и далекого, и близкого исторического опыта и творчески воспринимает современную практику эффективного функционирования банков в рыночной экономике при всемерном учете реальных условий и интересов нашей страны и нашего народа.

III. X. Тапматов

* * *

¹¹ Это одно из отличий функционирования банковской системы в России от западноевропейских аналогов, когда ее особенностью стало широкое развитие операций по финансированию сельского хозяйства, что прямо проявлялось и в деятельности отделений российских коммерческих банков в Туркестанском крае.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭКСПЕДИЦИЮ А.БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Анализ внешней политики России в отношении стран Средней Азии показывает, что в первой четверти XVIII в. в ней произошли существенные изменения. В имеющейся литературе указывается на изменение характера и инструментариев этой политики по сравнению с предыдущим периодом. В частности, отмечается, что для решения своих внешнеполитических задач в отношении Бухарского и Хивинского ханств Россия стала тогда широко использовать военные миссии и экспедиции, перед которыми ставились вполне определенные цели и задачи. Среди них едва ли не самую громкую известность приобрела экспедиция Александра Бековича-Черкасского, отряженная Петром I на Каспий и в Хивинское ханство.

В этой связи следует отметить, что в 1714 г. произошли события, которые вызвали пристальный интерес Петра к среднеазиатским делам. В Петербург тогда прибыл сибирский губернатор, князь Н.П.Гагарин с образцом «песочного золота», добываемого «в Сибири близ калмыцкого города Еркета в Амударье»¹. Надо, однако, сразу же сказать, что Гагарин сообщал неверные сведения о местонахождении «города Еркета». Город Яркенд, расположенный в долине реки с одноименным названием, никакого отношения к Сибири, а тем более к Амударье, не имел. Сведения Н.П.Гагарина были получены от некоего Ф.Трушникова, ездившего в Малую Бухарию (Синьцзян) и купившего в г. Яркенде золотой песок. Сообщая далее, что путь от «Еркета до Тары занимает два с половиной месяца нескорую водою», а от Тары до Тобольска — 5 дней, сибирский губернатор предлагал царю организовать военную экспедицию для овладения этим городом, а по пути к нему построить крепости с русскими гарнизонами².

Одновременно с приездом Гагарина в Петербург прибыл знатный мангышлакский туркмен Ходжа Нефес, также сообщивший, что в водах Амударьи находят «песочное золото», и предложил Петру I взять в свое владение земли, лежащие на этой реке. Ходжа Нефес рассказал и о том, что в давние времена Амударья впадала в Каспийское море, но местные жители-хивинцы преградили ее течение плотиной. А если разрушить эту плотину, река вновь потечет к Каспийскому морю³.

Эти сведения подтвердил и хивинский посол Ашур Бек, прибывший в Россию для оповещения Петра I о вступлении на хивинский престол Ходжи Мухаммед Бахадур-хана⁴. Посол предложил царю «близ того места, где прежде впадала Амударья в Каспийское море, построить крепость и снабдить ее гарнизоном»⁵.

Все эти сведения живо заинтересовали царя. Происходившая в те годы Северная война требовала огромных затрат, а поскольку Россия тогда еще не имела крупных золотых приисков, амударьинское золото представляло значительный государственный интерес. Таким образом, внимание царя было привлечено к Средней Азии, которая всегда вызывала интерес российского правительства и сама по себе, и как террито-

¹ Миллер Г. Ф. Известия о песочном золоте. СПб., 1760. С.7.

² Там же. С. 32—33.

³ Там же. С. 3—9.

⁴ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехдесятилетие. Пг., 1915. С.47.

⁵ Там же.

рия, через которую можно было приобщиться к выгодам прямой торговли с Индией.

Исходя из этих соображений, Петр I решил направить две экспедиции к «городу Еркету». Одна из них должна была двинуться на поиски этого города через Сибирь — от Тобольска вверх по Иртышу; возглавил эту экспедицию подполковник И. Бухгольц.

Путь второй экспедиции, возглавляемой А. Бековичем-Черкасским, был намечен через Среднюю Азию, Хивинское и Бухарское ханства. Ее задачи были гораздо шире и сложнее задач экспедиции И. Бухгольца, а потому она была проведена в несколько этапов.

Цели второй экспедиции были конкретно сформулированы в двух именных царских указах — от 29 мая 1714 г. и от 14 февраля 1716 г. Она осуществлялась в три этапа и распалась на первую и вторую морские (каспийские) экспедиции и Хивинский поход.

В первом указе Бековичу-Черкасскому⁶ предписывалось ехать в Астрахань и, набрав там «1500 человек с надлежащими судами, провиантом и прочим», плыть вдоль восточного берега Каспия до хивинских земель, где необходимо было «поставить город». Кроме того, надо было «разузнать все о Дарье-реке, проехать до персидской границы и, в случае нахождения реки, поставить в ее устье крепость, которую можно было бы удерживать с шестью или семью сотен людей»⁷. Наконец, А. Черкасскому поручалось составить карту морского пути, восточного берега Каспия; нанять опытных людей из Астраханского морского судостроения, а также получить положенные ему для обеспечения безопасности экспедиции железные пушки.

Миссия Бековича-Черкасского началась летом 1714 г. Прибыв в Астрахань, он, наряду с подготовкой морской экспедиции, направляет несколько групп разведчиков в Среднюю Азию для сбора разнообразных сведений о местности между Аральским и Каспийским морями, об Амударье, ее притоках, местах добычи золота и др. Экспедиция вышла в море в ноябре 1714 г. и двинулась вдоль северного побережья Каспия на восток, но тяжелые ледовые условия вынудили ее вернуться уже в декабре в Астрахань.

К тому времени Бекович-Черкасский получил от своих людей сведения о том, что в Средней Азии золото надо искать не только в реке, но и на суше. Для этих поисков Черкасский просил как можно скорее дать в его распоряжение 500 конных яицких казаков⁸. Но по неизвестным причинам отправка казаков задержалась, и они пришли в Хиву

⁶ Согласно сведениям, собранным Е.А.Княжецкой, установлено, что родиной А.Черкасского была Кабарда. В мусульманстве он был назван, по одной версии, Девлет Гирсем, по другой, — Девлет Кизденом. В России он, крещенный в православную веру, стал именоваться Александром. Титул его отца — бека стал отчеством Черкасского. В 1694 г. он был зачислен прапорщиком в Преображенский полк. В 1708 или 1709 г. послан Петром I в Голландию для обучения морским наукам, а в 1711 г. выполнял дипломатические поручения царя на Кавказе. Был женат на дочери князя Б.А. Голицына — княжне Марфе Борисовне, по отзывам современников, одной из красивейших женщин России, погибшей вместе с детьми во время урагана на Каспии. А.Бекович-Черкасский составил первую верную карту Каспийского моря, которая считалась утерянной в течение двухсот лет и была обнаружена лишь в 1951 г. К н я ж е ц к а я Е.А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 3—12.

⁷ В то время в России уже имелись правильные сведения о среднеазиатских реках. На чертеже Сибири, составленном переводчиком посольского приказа Андреем Виннусом в конце XVII в., Амударья и Сырдарья направлены в Аральское море. Казалось бы, это избавляло от розысков устья Амударья, но, очевидно, сведения чертежей либо были забыты, либо их не считали достаточно точными. Там же. С. 17.

⁸ Г о л о с о в. Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством капитана князя Александра Бековича-Черкасского // Военный сборник. Т. 21. СПб., 1861. С. 310.

только поздней осенью 1715 г. Судьба их оказалась весьма плачевной: лошади пали, сами они «оголодали» и вынуждены были сдаться в плен хивинским властям.

В апреле 1715 г. А. Бекович-Черкасский на 20 бригантинах опять вышел в море. Он изучил и описал весь северный и восточный берега Каспийского моря до Астрабадского залива. Обнаружив залив, позднее названный его именем, и описав Кара-Богаз-Гол, он посетил «Красные Воды». Здесь он расспрашивал местных туркмен, имеются ли какие-нибудь «протоки» из Аральского моря в Каспийское, есть ли реки вблизи Амударьи, нет ли рек, которые впадают в Каспий, и можно ли отыскать их устья. В конце октября того же года он вернулся в Астрахань, не потеряв ни одного человека. Оттуда он сообщил царю, что «сделана карта оным местам, где мы были», и приложил к своему письму карту всего Каспийского моря.

14 февраля 1716 г. в ответ на письмо А. Бековича-Черкасского царь издал именной указ, в котором ставилась грандиозная задача: Черкасскому предстояло осуществить стратегический замысел Петра I — повернуть течение Амударьи по старому сухому руслу в Каспийское море. Целью этого поворота было создание единого водного пути по Волге, Каспию, затем по возрожденному руслу Амударьи и далее вверх по ее течению. Новый водный путь должен был стать торговой трассой между Россией, среднеазиатскими ханствами и Индией. Первым подготовительным шагом к созданию этой водной магистрали, по замыслу Петра, было установление дружеских взаимоотношений с ханами Хивы и Бухары. Эту задачу и предстояло выполнить А. Бековичу-Черкасскому.

В указе Черкасскому писалось: «Хана Хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах»⁹. Первый год расходы на содержание гвардии должны были идти из царской казны, а затем уже Ширгази - хану самому предстояло содержать этих защитников его власти. Аналогичное предложение Черкасский должен был сделать и бухарскому хану. Одновременно с подписанием данного указа Петр I послал распоряжение Сенату составить верительные грамоты хивинскому и бухарскому ханам и индийскому правителю — «Великому Моголу».

Далее в указе ставились следующие задачи: выстроить две крепости — первую на месте прежнего устья Амударьи, в Балканском заливе Каспийского моря, а вторую — на самой Амударье, близ найденной плотины; обследовать низовья Амударьи, сделать все возможное, чтобы остановить течение этой реки в Аральское море и направить ее по старому руслу к Каспийскому морю. После поворота Амударьи следовало отправиться на суда вверх по этой реке, «пока суда смогут идти», затем следовать сухим путем, осматривать реки и узнавать, связывает ли какая-нибудь из них Индию с Каспийским морем. Предполагалось, что суда для этой экспедиции даст хивинский хан.

В указе от 14 февраля 1716 г. упоминалось и о разведке золота возле Яркенда, однако эта цель теперь связывалась не с Амударьей, а с Сырдарьей. В действительности же ни по одной из этих рек нельзя было достичь Яркенда. В первом случае путь преграждают горные хребты Памира, во втором — Тянь-Шаня.

⁹ ЦГАДА, Фонд Государственного архива №9, отд.1, кн. 56, л. 19 — 22.

Выполнение царского указа началось с постройки 69 парусных судов различных размеров и типов — двухмачтовых парусных судов с вооружением, парусно-гребных судов, использовавшихся при разгрузке больших судов, и др.

Экспедиция вышла из Астрахани в море в сентябре 1716 г. и возвратилась в феврале 1717 г. В результате второй экспедиции на восточном берегу Каспия были заложены три крепости: у мыса Тюб-Караган, в заливе Александр-бай и у Красных Вод. В крепостях были размещены воинские гарнизоны (по несколько сотен людей), оставлены оружие и провиант. Красноводская крепость, по замыслам Петра, должна была охранять устье возрожденной реки и служить опорой в сношениях России со Средней Азией.

К весне 1716 г. стали возвращаться «посланники» Черкасского в среднеазиатские ханства, собравшие, под видом купцов и путешественников, сведения о внутривосточном положении в ханствах, о местах добычи золота и серебра, о взаимоотношениях между ханствами и соседними странами. Одним из них был астраханский житель Тебей Китаев, направленный в Среднюю Азию в 1714 г. на поиски золотого песка. Он побывал в Хиве, Бухаре, Самарканде и Бальхе. Путешествие его продолжалось полтора года, и в марте 1716 г. Тебей прибыл в Москву. Ввиду важности добытых им сведений Черкасский счел нужным отправить его самого к Петру I, находившемуся тогда за границей, в Померании.

Об экспедициях петровского времени в Среднюю Азию в течение XVIII—XIX вв. было опубликовано немало документов, среди которых — «Речи расспросные Тебея прозванием Китая, который был послан в Бухарскую землю для проведения руды золотой»¹⁰. Сведения о пребывании в Бухаре изложены Китаевым кратко, но содержательно; в них даются представления о большом, многолюдном городе; об оживленной торговле между Бухарой и Индией; сведения о путях в Индию; о добыче местными жителями золота в горах вблизи Самарканда и способах его добычи. Образец самаркандского золота и образчики голубого камня «лажбар» (ладжвард, т.е. лазурит, или ляпис-лазурь), из которого, по его словам, в Голландии делают краску ультрамарин, Китаев привез с собой и передал царю.

Из других «посланников», направленных в Хивинское и Бухарское ханства с разведывательными целями, упоминается армянин Алексей Хомурадов, сообщивший о находке в Бухаре золотой и серебряной руды и других «редкостей».

Ногаец Тебей Китаев описал и места в Бухаре, где разводят «кармазинных»¹¹ и шелковых червей и где «пороху многое множество родится» (очевидно, имеется в виду селитра).

Следует отметить, что цели своего посещения ханств «посланники» тщательно скрывали от местного населения и властей. Так, Китаев сообщает, что «задержан был от хана бухарского, понеже сказали про меня, будто я езжу осматривать их места». Его схватили и заключили под стражу, и только заступничество знатного родственника спасло его от смерти¹².

¹⁰ Туркестанский сборник. Т. 439. 1907. С. 61—67; АВГР. Фонд сношения России с Хивой, 1720, д. 2, л. 1—20.

¹¹ «Кармазинный червь», или кошениль, — общее название нескольких видов насекомых (червецы из подотряда кокцидовых), используемых для получения красной краски кармин, или кармаза.

¹² ЦГАДА, Фонд Государственного архива № 9, отд. 1, кн. 56, л. 19—25.

В феврале 1717 г. началась подготовка к последнему и самому главному этапу экспедиции — сухопутному походу в Хиву. В Хиву шло 2200 вооруженных людей с 7 пушками. Часть отряда составили солдаты регулярных полков, остальных людей должны были прислать в Астрахань яицкий и гребенский казачьи атаманы.

Еще во время второй Каспийской экспедиции, находясь у вновь заложенной крепости святого Петра, Черкасский отправил послов в Хиву и Бухару. Они должны были заверить хивинского и бухарского ханов, что русский сухопутный отряд, который вскоре направится в Среднюю Азию, «идет миром, а не войною».

Послы к хивинскому хану Алексей Святой и Иван Воронин прислали Черкасскому письмо с тревожными сведениями. Они сообщали о неверии хивинцев в мирные намерения российской экспедиции: хивинцы считали, что царь хочет обманом взять Хиву. Эти сведения весьма обеспокоили А. Черкасского, который известил о них Петра I. Но царь поручил Черкасскому самостоятельное решение сложных задач, связанных с Хивинской экспедицией. — разрушить плотину и повернуть течение Амударьи. Это нужно было совершить даже в том случае, если хивинский хан откажется помогать русскому отряду.

Получив проводников от калмыцкого хана Аюки, экспедиция в июне 1717 г. взяла курс на Хиву. Выйдя из Гурьева, отряд двинулся на восток, через 10 дней на плотах переправился через р. Эмба, затем повернул на юго-восток и в самый разгар лета пересек плато Устюрт. На всем протяжении пути экспедиция очень страдала из-за нехватки питьевой воды и корма для лошадей и верблюдов, часть которых по этой причине пала. Путь по плато Устюрт занял 7 недель, В середине августа перед экспедицией показались озера, образованные сбросовыми водами оросительных каналов, на окраине Хивинского оазиса.

Дальнейшая история экспедиции хорошо известна. В ста верстах от Хивы Ширгази-хан во главе большого отряда дважды осаждал русский лагерь, но был отбит. Отступив в Хиву, хан через своих послов вступил в переговоры с Бековичем-Черкасским. Послам удалось убедить Бековича-Черкасского о «неосведомленности» хана о нападении на русский лагерь, и в ходе переговоров был заключен мир. Бекович-Черкасский согласился на предложение хана впустить отряд в ханство по частям, так, чтобы он был расквартирован в городах близ Хивы небольшими группами. Затем по приказу хана русские были перебиты либо взяты в плен и обращены в рабство. Сам А. Бекович-Черкасский был убит. Голову князя Ширгази послал в дар бухарскому хану. «Подарок» был отослан назад с вопросом — «не людоед ли хивинский хан?»¹³ Жизнь многих пленных была спасена высшим духовным лицом Хивы — айхуном, который был возмущен поступком хана, обвинил его в обмане и клятвовопреступлении и потребовал сохранить жизнь пленным. Хан не решился противоречить айхуну, и казнь была отменена¹⁴.

Сведения о судьбе экспедиции были сообщены в Россию несколькими участниками хивинского похода, которым удалось бежать из плена. Петр I узнал о гибели экспедиции и крушении своих замыслов в отношении Средней Азии в сентябре 1717 г. Он приказал усилить гарнизоны на Тюб-Карагане и Красных Водах, но привести в исполнение

¹³ П о п о в А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом//Записки РГО. Кн. 9. СПб., 1853. С. 259–273, 315, 377–379, 389.

¹⁴ Там же.

его приказание не пришлось. Коменданты крепостей, встревоженные чрезмерной смертностью своих солдат и нападениями туркмен, а также не получая никаких приказаний из России, решили возвратиться в Астрахань, чтобы спасти остатки своих отрядов.

Описанию различных аспектов экспедиции А. Бековича-Черкасского посвящена обширная литература, в которой в той или иной мере повторяются тезисы об «исключительно миролюбивом характере» этого предприятия и «коварстве хивинцев». Недостаток всей этой литературы заключается в том, что вне зависимости от того, когда она опубликована — в дореволюционное или советское время, — она освещает лишь одну сторону истории. Причем в дореволюционный период специалисты, не обремененные идеологическими установками об изначальном братском миролюбии народов, высказывались более прямо, отстаивая позицию России.

А точка зрения хивинцев на экспедицию А. Бековича-Черкасского и его действия: постройку укрепленных крепостей на хивинских землях; намерения повернуть Амударью в сторону Каспия, разрушить плотины на реке, в результате чего значительная часть орошаемых земель могла остаться без воды; рассылка по ханствам групп разведчиков под личной торговых людей и, наконец, приход крупного вооруженного отряда в Хиву — никогда не публиковалась и не обсуждалась. Только В. В. Бартольд отмечал, что, «по мнению хивинского историка, отряд имел целью завоевать Хивинское ханство ради золота, добывавшегося в горах Шейх-Джели»¹⁵. Впрочем, и сам Бартольд несколько ранее в той же работе говорит, что «план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи»¹⁶. Говоря о «мирном завоевании», ученый, видимо, имел в виду, что Хива не должна была оказывать сопротивления этим планам России.

Вполне очевидно, что даже в те отдаленные от нас времена такого рода действия не были нормой миролюбивых межгосударственных отношений, и со стороны хивинцев они могли и должны были вызвать однозначно негативную реакцию, о которой, впрочем, и А. Бекович-Черкасский, и сам Петр I были хорошо осведомлены через разведчиков.

Дело было в том, что, как правильно отмечал С. В. Жуковский, почти дословно повторяя мысль В. В. Бартольда, при Петре I российское правительство уже не сносило с Бухарой и Хивой как равное с равными. Такое изменение отношения России к ханствам во многом объясняется тем, что как в Бухарском ханстве после Абдул Азиза, так и в Хивинском после Ануши началось время внутренних смут и частой смены ханов. Эти беспорядки повлекли за собой ослабление ханств, чем и решил воспользоваться Петр I для действительного подчинения ханств русской власти¹⁷.

Говоря о намерениях русской экспедиции, нельзя не согласиться с тем, что она вряд ли имела в виду прямое завоевание ханств — сил для этого было явно недостаточно. Но нельзя забывать и о том, чем оборачивалась европейская торговля для Азии: «дело начинается там ситцами, а кончается соданием подвластной империи в 150 млн. жителей»¹⁸.

¹⁵ Бартольд В. В. Соч. Т 9. М., 1977. С. 394.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Жуковский С. В. Указ. соч. С. 41–42.

¹⁸ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Соч. Т 1. Ч. 1. СПб., 1889. С. 7.

История показала, что это справедливо не только в отношении Англии.

Наконец, что касается «хитрости и коварства» хивинцев, необходимо иметь в виду, что слабо вооруженные и не знающие настоящей воинской дисциплины хивинские войска оказались не в состоянии опрокинуть лагерь русских войск под Хивой и потому прибегли к другим средствам. Но в любом случае, гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского на сто лет остановила военную активность России в Средней Азии, вплоть до столь же авантюрного похода генерала В. Перовского. В этом смысле гибель экспедиции была не виной, а бедой А. Бековича-Черкасского.

С известной степенью условности можно говорить о том, что это событие ознаменовало собой завершение определенного этапа во взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами в первой четверти XVIII в., когда российское правительство предприняло первую попытку вооруженного проникновения на территорию ханств. В последующем, вплоть до второй половины XIX в., в основном использовались дипломатические средства.

Другой причиной ослабления военной активности России в Средней Азии в указанный период явились ее вмешательство в кавказский узел противоречий, отвлечение военных ресурсов на завоевание Кавказа и создание новых стратегических плацдармов для реализации далеко идущих геополитических интересов Российской империи на Востоке.

Х. Г. Гуломов

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РАННЕГО АНТРОПОГЕНА УЗБЕКИСТАНА

В процессе изучения истории раннего антропогена в Узбекистане на стоянке Кольбулак был открыт комплекс изделий каменной индустрии с двусторонней обработкой, среди которых особое внимание привлекают бифасы, в том числе листовидной формы. Учитывая повышенный интерес к изделиям этого типа, тем более в связи с уникальностью их открытия, было решено посвятить им отдельную публикацию по истории изучения эпох каменного века и тем самым дополнить имеющиеся данные по проблемам истории раннего обживания человеком Центральноазиатского региона.

Распространение бифасиальной техники в палеолитических индустриях Евразии является одной из ключевых проблем изучения древнейших этапов освоения человеком данного региона. Она актуальна для понимания практически всех стадий развития палеолитической культуры. При определении характерных черт эпохи раннего палеолита география местонахождений бифасиальных комплексов послужила главным критерием разделения первобытной ойкумены на две основные культурные зоны — западную, с ашельскими рубилами и техническими приемами леваллуа, и восточную — с преобладанием чопперов и галечным расщеплением¹.

¹ M o v i u s H. L. Early Man and Pleistocene Stratigraphy Southern and Eastern Asia //Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Vol. 19. № 3. 1944. 125 p.

Изучение в каменных индустриях среднего палеолита бифасиального компонента на фоне леваллуазского метода расщепления позволило ряду исследователей проследить западные истоки мустьерских традиций и определить границы их распространения на территории Азии². Присутствие в составе индустриальных комплексов значительных этапов палеолитической эпохи двусторонне обработанных изделий служит надежным критерием культурно-типологической дифференциации палеолитических памятников Евразии. Кроме того, наличие бифасиальных острий выступает одним из наиболее важных аргументов в определении путей первоначального заселения человеком Американского континента с территории Северо-Восточной Азии.

Первые листовидные острия «Blattspritze» были выделены Обермайером в 1929 г. Этим определением характеризовались, прежде всего, более или менее листовидные, обработанные плоской ретушью с обеих сторон орудия различной величины, заканчивающиеся одним или двумя остриями, с преимущественно тонким поперечным сечением. Данный тип орудий рассматривался как усовершенствованная разновидность рубяк, причем допускалось их близкое родство с остроконечниками³.

Как правило, комплексы листовидных бифасов представлены в составе верхнепалеолитических индустрий достаточно выразительными, но малочисленными сериями. Вместе с тем, листовидные бифасы образуют устойчивые типологические группы и являются главной особенностью индустрий, определяющей их индивидуальный характер. Листовидные бифасы, напоминающие иногда наконечники более поздних эпох палеолита, были обнаружены на многих стоянках Крыма, Русской равнины и Кавказа⁴.

В Центральной Европе острия листовидной формы также встречаются в конце среднего – начале позднего палеолита на памятниках альтмюльсской группы, селет, микокской группы⁵. Известны эти виды орудий и в среднем палеолите на территориях Румынии, Греции, Италии. Лишь на территории Франции этот тип изделий не является характерным⁶.

Если на Русской равнине листовидные бифасы выступают атрибутом большинства мустьерских комплексов и в сочетании с другими двусторонними формами составляют типологическую особенность так называемого микока, то в Сибири бифасы острой формы встречаются в индустриях среднего палеолита достаточно редко, причем все они найдены на территории Горного Алтая⁷.

² Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чтения. 1966 г. Вып. I. Новосибирск, 1968. С. 144–157; Ранов В. А. О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 262–268; Jaubert J. Chasseurs et artisans du Mousterien. La Maison de roches/editeur. Paris, 1999. 125 p.

³ Obermaier H., Wernert P. Alt Palaeolithicum mit Blatttypen // Mitteil. antropol. Gesellschaft in Wien. Bd. 59. N. V–VI. 1929. S. 308–309.

⁴ Л ю б и н В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 131. Л., 1965. С. 60–71; А н и с ю т к и н Н. К. Листовидные острия с двухсторонней обработкой со стоянки Синка-1 // МИА. № 185. Л., 1972. С. 88–94.

⁵ Bosinski G. Die mittelpalaeolithische Funde in westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. Reihe A. Bd. 4. Koeln – Graz, 1967. S. 308–304.

⁶ Sonnevil-Bordes D. De le Paleolithique en Grèce /L.A.T. 69. № 5–6. P. 604.

⁷ Деревянко А. П. и др. Первые раннепалеолитические объекты Кузнецкой котловины (стратиграфия, палеогеография и предварительные археологические определения). Новосибирск, 1992. 62 с.

Для среднего этапа верхнего палеолита распространение бифасиальных остроконечников на территории Средней Сибири отмечено от Минусинской котловины до Северного Приангарья.

Таким образом, общая тенденция распространения верхнепалеолитических индустрий с листовидными бифасами из юго-западных районов Сибири на северо-восток позволяет достаточно обоснованно считать это направление одним из реальных путей продвижения носителей бифасиальной традиции в области исхода первых обитателей Америки. Вместе с тем, в последовательном развитии традиции двусторонней обработки камня в палеолите Северной Азии до сих пор оставался существенный хронологический пробел, связанный с отсутствием бифасиальных изделий в индустриях среднего палеолита. Поэтому в качестве генетической основы этой традиции логичнее всего рассматривать центральноазиатские раннепалеолитические комплексы.

Изучение палеолитических памятников Центральноазиатского региона, осмысление и интерпретация полученных результатов отражены в ряде работ А. П. Окладникова и В. А. Ранова, Р. Х. Сулейманова и др.⁸ Самыми изученными в данном регионе являются памятники мустьерской культуры. Большая часть местонахождений представлена пунктами с единичными находками. Значительные трудности для получения сравнительных характеристик вызывает отсутствие единой методики технико-типологического анализа памятников палеолита. И все еще остается открытым вопрос о хронологических границах мустьерских индустрий Узбекистана.

Следует отметить, что формирование представлений о происхождении и генезисе палеолитических индустрий Центральной Азии на ранних этапах их исследования происходило под влиянием теории Х. Мовиуса⁹. Так, в работах А. П. Окладникова прямо говорится о расхождении путей развития палеолитических культур на западе и востоке Центральной Азии. Проявляется связь теории Мовиуса и с концепцией В. А. Ранова в выделении двух линий развития, начиная с раннего палеолита до эпохи раннего металла. Первая линия (группа А) связывается с памятниками, расположенными к западу от Центральной Азии, в основном с культурами Ближнего Востока, а вторая (группа Б) — с памятниками, лежащими на востоке (культуры восточноазиатского типа)¹⁰.

На основе различий в технических традициях, приемах расщепления и наборе орудий Р. Х. Сулеймановым выделены две группы мустьерских памятников Узбекистана: зубчатого мустье (стоянка Кольбулак) и обирахматская культура¹¹. Далее он добавил к ним группу стоянок-мастерских Учтут и Иджонт¹².

На территории Казахстана по технико-типологическим показателям были выделены: типичное мустье (Кошкурган); леваллуа-мустье (Актогай, Семизбуту — комплексы А и Б); мустье-соан (Музбель), зубчатое мустье (Бурма) и мустье с ашельской традицией фации леваллуа (Хантау, среднемустьерский комплекс Семизбуту)¹³.

⁸ Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии//Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С 10—16; Окладников А. П., Ранов В. А. Каменный век//История таджикского народа. Т. I. М., 1963. С. 5—10; Ранов В. А. Каменный век Таджикистана//Душанбе, 1965. 145 с.; Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры прова Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

⁹ M o v i u s H. L. Op. cit.

¹⁰ Григорьев Г. П. Проблемы леваллуа//МИА. № 185 (Палеолит и неолит СССР). Т. VII. Л., 1972. С. 68—74.

¹¹ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение... С. 101—117.

¹² Там же. С. 117.

¹³ Деревянко А. П. и др. Раннепалеолитические индустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. Новосибирск, 2000. 300 с.

Исследователями характерных особенностей развития материальной культуры в эпоху палеолита отмечается достаточно сложная история обживания Центральноазиатского региона, в которой разграничение археологических культур этого региона проводилось недостаточно обоснованно. Главная трудность при разграничении здесь археологических культур каменного века заключается не в том, где провести разделяющую их линию, а в том, что отсутствуют правила, по которым делается такое подразделение¹⁴. Поэтому предложенные оценки требуют дополнительного анализа действий ученых по выделению археологических культур.

Надо отметить, что среди известных среднепалеолитических памятников Центральноазиатского региона бесспорные бифасы зафиксированы только на одном объекте — стоянке Кольбулак¹⁵. В коллекции из явно мустьерских горизонтов преобладают нуклеусы радиального и параллельного принципа скальвания. Для изготовления орудий при относительно малом количестве хороших пластин и леваллуазских сколов использовались, главным образом, укороченные массивные отщепы. Основной отличительной чертой этой коллекции, выделяющей ее среди других индустрий региона, является небольшой набор двусторонне обработанных изделий, в том числе бифасов листовидной формы.

В последние годы на стоянке Кольбулак была изучена индустрия, характеризующаяся параллельным расщеплением площадочных нуклеусов, с большим количеством заготовок пластин и самих орудий на крупных пластинах. По своим типологическим признакам эта индустрия находит близкие аналоги в материалах среднего палеолита Алтая, варианта Кара-Бом. Основные технические варианты Кольбулака обнаруживают также близкое сходство с палеолитическими индустриями Восточного Средиземноморья. В частности, леваллуа-мустьерские материалы Кольбулака по технико-типологическим характеристикам тоже близки к индустриям левантийского мустье. Главный объединяющий признак этих индустрий — высокая степень развития технологии параллельного леваллуазского расщепления, направленной на получение удлиненных сколов — крупных пластин и остроконечников леваллуа.

Таким образом, прямые технико-типологические аналоги указывают на принадлежность палеолитической культуры Кольбулака к единому культурному пространству, включающему памятники палеолита Русской равнины, Ближнего Востока, Алтая, Восточной Сибири. В этой связи представляется возможным рассматривать стоянки палеолита Центральноазиатского региона в качестве связующего звена между индустриальными комплексами.

Однако вопрос о преемственности распространения мустьерских традиций с запада на восток остается нерешенным, ибо алтайские комплексы среднего палеолита как минимум в 2–3 раза древнее известных пока мустьерских стоянок Таджикистана и Узбекистана.

Ныне, после выявления большой группы палеолитических памятников, аналогичных и синхронных по технико-типологическим традициям эпох мустье — верхнего палеолита, занимавших огромное пространство, можно полагать, что мы имеем дело с обширной историко-культурной общностью, объединяемой единством экологической ниши

¹⁴ Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холушкин Ю. П. Методы информатики в археологии каменного века. Новосибирск, 1989. С. 48.

¹⁵ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кольбулак в Узбекистане // Палеолит и неолит. МИА. № 7. Л., 1972. С. 111–119.

среднегорных и предгорных ландшафтных зон центральной части Евразии.

Материал, полученный в результате междисциплинарных исследований, позволяет производить реконструктивные построения внутри компактных палеогеографических систем с введением отдельных регионов в контексты макрогеографического уровня, проведением культурно-исторических корреляций, выявлением закономерностей и особенностей их формирования и дальнейшего развития. И данная разработка определяется конкретным хронологическим срезом — эпохой среднего и начала верхнего палеолита.

К. А. Крахмаль

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Х.-А. Р. РАХМАНКУЛОВА

Исполнилось 80 лет со дня рождения крупного ученого-юриста Узбекистана Хаджи-Акбара Рахманкуловича Рахманкулова — академика АН РУз, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Республики Узбекистан, заведующего кафедрой «Международное частное право» Ташкентского Государственного юридического института. Ведущий специалист по таким важным отраслям юриспруденции, как гражданское, хозяйственное, семейное и международное частное право, Х.-А. Рахманкулов широко известен своими трудами, опубликованными им не только в Узбекистане, но и за его пределами. Он создал свою школу по избранному им научному направлению и плодотворно трудится над ее укреплением, организацией исследований, непосредственно связанных с важными социально-экономическими преобразованиями нашей страны, правовыми проблемами развития рыночной экономики, ее всемерной либерализации и интеграции, вхождения Узбекистана в мировое правовое пространство.

Хаджи-Акбар Рахманкулович родился 2 сентября 1925 г. в селе Сайрам Сайрамского района Чимкентской области в семье дехканина. После окончания школы он в 1941 г. переехал в Ташкент, где прошел ускоренные курсы электромонтеров при Ташкентском трамвайном управлении и стал работать в особом проектно-монтажном управлении № 12, занимавшемся электромонтажными работами на авиационном заводе.

В ноябре 1942 г. Х.-А. Рахманкулов (ему тогда было 17 лет) вместе с группой молодых рабочих обратился в военкомат с заявлением о добровольном отправлении на фронт, хотя все они были освобождены от призыва в армию в связи с работой на военном заводе, и 8 декабря 1942 г. он был отправлен на фронт, где принимал участие в боях за освобождение городов Орша, Витебск и многие другие.

В январе 1944 г. Х.-А. Рахманкулов был направлен во второе Ленинградское офицерское училище, по окончании которого стал командиром взвода. В июле 1946 г. был уволен в запас, будучи младшим лейтенантом.

В 1946 г. Х.-А. Рахманкулов поступил в Ташкентский юридический институт, после окончания которого в 1950 г. был рекомендован в аспирантуру по специальности «Трудовое право». Свою деятельность он начал в Министерстве юстиции Узбекистана, сначала консультантом министра, затем ревизором, а далее старшим ревизором отдела судебных органов. В сентябре 1951 г. он был вновь призван в армию и до 1953 г. служил заместителем командира по политической работе, а в 1953–1956 гг. — литературным сотрудником редакции газеты Туркестанского военного округа.

20 октября 1956 г. Х.-А. Рахманкулов вновь увольняется в запас в звании лейтенанта и тут же принимается на работу в Министерство юстиции в должности старшего ревизора.

В октябре 1957 г. Х.-А. Рахманкулов становится аспирантом юридического факультета ЛГУ, где в июне 1960 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовые формы отношений по заготовке и поставке хлопка».

Затем Х.-А. Рахманкулов был принят на работу в Институт философии и права АН Узбекистана научным сотрудником, где вскоре вырос до старшего научного сотрудника, а в мае 1962 г. занял должность заведующего Сектором гражданского, хозяйственного, трудового и семейного права ИФП.

Докторская диссертация на тему: «Договорные отношения в области товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством» была успешно защищена Х.-А. Рахманкуловым в январе 1970 г. в ЛГУ. Его монография по теме диссертации, опубликованная в 1969 г., получила высокую оценку юридической общественности.

В 1967 г. им была опубликована книга «Правовые вопросы регулирования народного хозяйства Узбекистана», а в 1976 г. — монография о правовом регулировании имущественных отношений хозяйственных организаций. Большой интерес вызвала и изданная им в 1980 г. в Москве монография на тему: «Материально-техническое снабжение сельского хозяйства (законодательство и практика)».

В ноябре 1980 г. Х.-А. Рахманкулов был переведен в СамГУ для укрепления его юридического факультета, где создал и возглавил кафедру «Гражданско-правовых дисциплин», помог поднять уровень учебно-методической и научной работы, подготовил ряд кандидатов юридических наук.

В октябре 1985 г. Х.-А. Рахманкулов был отозван обратно в Институт философии и права АН Узбекистана, где по ноябрь 1986 г. заведовал Сектором гражданского, хозяйственного, трудового, семейного и процессуального права, затем Отделом права, а в мае 1989 г. был избран директором ИФП.

За этот период Х.-А. Рахманкуловым была подготовлена еще одна научная работа: «Договорные отношения в агропромышленном комплексе» (1989 г.), имевшая большое научное и практическое значение.

Будучи директором Института философии и права АН РУз до марта 1991 г., Хаджи-Акбар Рахманкулович добился организации ряда новых секторов по юридическим наукам и создания специализированного Совета по присуждению докторских и кандидатских степеней по юридическим наукам.

В феврале 1991 г. Хаджи-Акбар Рахманкулович был приглашен на должность Государственного советника Президента Республики Узбекистан. В этот период он участвовал в подготовке проекта Конституции

независимого Узбекистана, опубликовал монографию «Гражданство: права, обязанности и свобода личности».

Научно-исследовательская деятельность Хаджи-Акбара Рахманкуловича была тесно связана с Институтом философии и права им. И. М. Муминова АН РУз, где он с ноября 1991 г. заведовал созданным по его инициативе Отделом «Правовые проблемы собственности и рыночных отношений».

В целом перу Х.-А. Рахманкулова принадлежит около 250 научных работ, в том числе свыше 40 монографий, книг, учебников. Им опубликован ряд научных статей и докладов в зарубежных изданиях на разных языках.

Он является также редактором более 70 научных трудов, рецензентом большого количества монографий и диссертационных работ, подготовленных не только в Узбекистане, но и в других государствах.

Большие организаторские способности Х.-А. Рахманкулова ярко проявились в его работе в качестве Председателя научно-проблемного Совета «Закономерности развития государства, управления и права» АН РУз, руководимого им с 1986 г. В 1994–2000 гг. он выполнял обязанности заместителя председателя Отделения по экономическим, философским и юридическим наукам АН РУз, а ныне является председателем Секции Координационного Совета по научно-техническому развитию Кабинета Министров РУз по исследованию правовых основ развития демократического государства и формирования гражданского общества. Он возглавлял также работу по созданию проекта нового Гражданского кодекса Республики Узбекистан.

Х.-М. Рахманкулов руководил и деятельностью рабочей группы по подготовке проекта Семейного кодекса Республики Узбекистан, а также комментариев к нему.

Научно-исследовательская деятельность Хаджи-Акбара Рахманкуловича тесно связана с его преподавательской работой. В 1971–1980 гг. он читал лекции на юридическом факультете ТашГУ по предмету «Гражданское право», а с 1980 по 1985 гг. — и на юридическом факультете СамГУ, В 1993 г. по инициативе Х.-А. Рахманкулова в Ташкентском Государственном юридическом институте была создана новая кафедра — «Рыночно-хозяйственное право», а в 1999 г. — «Международное частное право».

Х.-А. Рахманкулов принимает активное участие и в подготовке практических работников. Он долгие годы вел занятия на курсах повышения квалификации судебных работников Министерства юстиции РУз, читал лекции в Учебном центре Прокуратуры РУз.

Весомый вклад вносит Х.-А. Рахманкулов в работу по подготовке научных кадров не только для Узбекистана, но и для других республик Центральной Азии. Под его научным руководством подготовлено более 55 кандидатов и 10 докторов наук, которые успешно работают в вузах и органах государственной власти и управления.

Он не раз выступал оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям, защищаемым не только в Ташкенте, но и в Москве, Алматы, Душанбе, Баку, Екатеринбурге, Томске и ряде других научных центров. В Институте философии и права, а затем в ТГЮИ он являлся постоянным председателем научно-теоретического семинара по правовым проблемам.

Х.-А. Рахманкулов — активный участник многих республиканских, региональных и международных форумов, проходивших в Париже,

Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Дели, Нагое и других городах.

Он был также одним из организаторов целого ряда международных конференций и семинаров, посвященных актуальным проблемам правовой науки.

Х.-А. Рахманкулов является членом научно-консультативных советов Конституционного суда, Верховного суда, Высшего хозяйственного суда Республики Узбекистан и т.д.

Активная общественная работа Х.-А. Рахманкулова связана с деятельностью редакций ряда периодических изданий. Так, он является членом редколлегий таких изданий, как академический журнал «Общественные науки в Узбекистане», Бюллетень ВАКа Республики Узбекистан, журналов «Хает ва конун», «Мулакат», «Хозайство и право», «Обзор законодательства Узбекистана».

Правительство и научная общественность высоко ценят заслуги Хаджи-Акбара Рахманкулова в развитии правовой науки в республике и подготовке высококвалифицированных научных кадров. В 1990 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР», в 1994 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 2000г. академиком АН РУз. Он награжден орденами «Отечественной войны», «Знак Почета», одиннадцатью боевыми и юбилейными медалями, а также Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекистана.

Крупный, талантливый ученый-правовед, чуткий, внимательный педагог и воспитатель научных кадров, видный общественный деятель республики Хаджи-Акбар Рахманкулович Рахманкулов встречает свое восьмидесятилетие в расцвете творческих сил и энергии, полный решимости и впредь вносить свой весомый вклад в развитие актуальных направлений правовой науки суверенного Узбекистана. И научная общественность республики желает нашему маститому ученому долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов.

НОВЫЕ КНИГИ

Р. М. АЛИМОВ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ

(Ташкент: Шарқ, 2005. 464 с. На рус. и англ. яз.)

Как известно, Центральная Азия играет в международных политических отношениях очень важную роль в силу ее значимого геополитического положения. Отсюда особую актуальность обретают проблемы всемерного укрепления безопасности в регионе, что во многом зависит от усиления сотрудничества Узбекистана и других республик Центральной Азии как между собой, так и с другими государствами, а также с международными организациями.

Рассмотрению сложного комплекса этих проблем в их диалектически взаимосвязанном и противоречивом единстве и посвящена представляемая вниманию читателей книга канд. полит. наук Р. М. Алимова, опубликованная им не только на русском, но и на английском языке.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении (с. 5–11) раскрываются значимость проблемы и основные цели проведенного автором исследования.

В главе I: «Объективные условия и предпосылки регионального сотрудничества в Центральной Азии» (с. 12–59) — рассматриваются историко-культурная общность государств Центральной Азии как основа развития регионального сотрудничества; политические и социально-экономические предпосылки их регионального сотрудничества, а также международный опыт регионального сотрудничества.

В главе II: «Геополитический баланс сил в Центральной Азии и ключевые угрозы региональной безопасности» (с.60–158) — анализируются проблемы корреляции в процессах формирования геополитического баланса сил в Центральной Азии интересов таких крупных центров силы, как США, Российская Федерация, КНР, Европейский Союз и Япония; роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности институциональных механизмов международных организаций (ООН, НАТО, ОБСЕ, ШОС, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество/Единое экономическое пространство); ключевые вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии (религиозный экстремизм, международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, проблема нераспространения оружия массового поражения, экологические угрозы),

В главе III: «Перспективы регионального сотрудничества в условиях формирования новой среды безопасности в Центральной Азии» (с. 159–223) — объектами исследования являются афганский фактор после 11 сентября 2001 г. и его роль в формировании новой среды безопасности в Центральной Азии; внешние факторы воздействия на процессы развития сотрудничества в данном регионе; формирование институциональных основ общего рынка Центральной Азии и перспективы развития ОЦАС (Организации Центральноазиатского сотрудничества).

В заключении (с. 224–234) подводятся общие итоги проведенного исследования, причем особо подчеркнуто, что «национальная безопасность каждого центральноазиатского государства будет определяться его готовностью конструктивно взаимодействовать со своими соседями и мировым сообществом на основе общности интересов» (с. 234).

Монография рассчитана на политологов, сотрудников научно-исследовательских учреждений, работников дипломатической службы, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся проблемами геополитики, международных отношений, регионального сотрудничества и безопасности в Центральной Азии.

Б. Р. Каримов

* * *

М. БАБАХОДЖАЕВ. СУВЕРЕННЫЙ УЗБЕКИСТАН ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

(Ташкент: ТГИВ, 2004. 336 с.)

С обретением подлинной независимости Республика Узбекистан вступила на путь глубоких политических и социально-экономических реформ, осуществления качественно новой внутренней (в том числе на-

циональной и конфессиональной) политики, а также развития равноправных отношений с зарубежными странами, включая и внешнеэкономические связи, международные кредитно-финансовые отношения, региональное экономическое сотрудничество и др.

Этим исключительно важным аспектам внутренней и внешней политики суверенного Узбекистана и посвятил свою работу доктор ист. наук, проф. М. А. Бабаходжаев.

Книга состоит из предисловия, трех глав, заключения и ряда приложений.

В предисловии (с. 3–7), написанном отв. редактором монографии, акад. Н. И. Ибрагимовым, убедительно показана актуальность исследования тех судьбоносных процессов, которые происходят ныне в нашей республике и стали объектом исследования в книге М. А. Бабаходжаева.

В главе 1: «Сельское хозяйство и аграрная политика» (с. 8–82) анализируются состояние аграрной сферы экономики, становление в ней новых форм хозяйствования и процессы интенсификации сельскохозяйственного производства.

В главе 2: «Государственная национальная и конфессиональная политика» (с. 83–155) — освещаются межнациональные и межконфессиональные отношения в современном Узбекистане.

В главе 3: «Внеэкономические связи» (с. 156–263) — подробно характеризуются внешнеэкономическая политика и международные кредитно-финансовые отношения нашего государства, создание и деятельность в Узбекистане совместных предприятий с иностранным капиталом, а также участие республики в региональном экономическом сотрудничестве.

В заключении (с. 264–270) изложены в обобщенном виде основные итоги проведенного в работе исследования важнейших аспектов внутренней и внешней политики нашей республики, которые, как указывает автор, «закладывают прочный фундамент для превращения Узбекистана в государство с великим будущим» (с. 270).

Книга снабжена большим количеством цветных иллюстраций и насыщена конкретными (в том числе статистическими) материалами.

Издание рассчитано на специалистов — политологов, историков, экономистов, востоковедов, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся внутренней и внешней политикой суверенного Узбекистана.

М. М. Исхаков

* * *

С. С. Г У Л Я М О В. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

(Ташкент: ТТЮИ, 2004. 390 с.)

Все более широкое развитие сети акционерных обществ в условиях перехода Узбекистана на рельсы рыночной экономики требует глубокого и всестороннего изучения актуальных проблем корпоративных отношений, в том числе правовых проблем корпоративного управления.

Этим проблемам и посвящена монография канд. юр. наук, доцента Ташкентского Государственного юридического института С. С. Гулямова.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы (918 названий) и приложения, содержащего предлагаемый автором Проект Закона РУз «Об инсайдерской информации и инсайдерских сделках».

Во введении (с 3–8) охарактеризован круг исследуемых автором проблем.

Первая глава: «Теоретические аспекты понятия корпорации и корпоративных правоотношений» (с. 9–74) – освещает такие вопросы, как становление понятия «корпорация» в юридической и экономической науке; теоретические концепции (модели) правового статуса акционеров в корпорации; модели корпоративного управления и тенденции его развития в Узбекистане.

Во второй главе: «Специфика корпоративных отношений: обязательственное право и конфликт интересов» (с. 75–125) – рассматриваются интерпретация правоотношений между акционерными обществами и акционерами в цивилистике; правовая сущность корпоративных отношений и агентская проблема.

Третья глава: «Формирование правовых основ корпоративного управления» (с. 126–184) – посвящена анализу объективных факторов формирования корпоративного права и защиты прав акционеров по опыту зарубежных стран; становления корпоративного законодательства в Узбекистане, его современному состоянию и проблемам дальнейшего развития; правам акционеров в РУз, их законодательной регламентации и защите.

В четвертой главе «Раскрытие информации и инсайдерские сделки в системе корпоративных отношений» (с. 185–230) – трактуются суть и значение раскрытия информации как одного из важных способов защиты прав акционеров; правовые механизмы защиты этой информации и инсайдерские сделки как способ нарушения имущественных интересов акционеров.

В пятой главе: «Правовые формы преобразования акционерных обществ и их реализация» (с. 231–299) – анализируются юридическая природа приобретения контроля над корпорацией путем дружественных и недружественных поглощений; правовое регулирование процедуры корпоративных поглощений в зарубежных странах, а также проблемы правового регулирования процессов реорганизации АО в Узбекистане.

В заключении (с. 300–313) сформулированы общие итоги исследования и высказан целый ряд аргументированных предложений и рекомендаций автора, направленных на дальнейшее совершенствование соответствующих норм отечественного законодательства в интересах всемерного укрепления правовых основ корпоративного строительства, успешное развитие которого имеет огромное значение для общего развития экономики нашей страны.

Книга рассчитана на специалистов – ученых и практиков (юристов, экономистов, руководителей АО, акционеров, работников управленческого аппарата), аспирантов, преподавателей и студентов юридических и экономических вузов Узбекистана.

Х.-А. Рахманкулов

МУНДАРИЖА

А. Латипов. Ўзбекистон Республикасида парламон ҳуқуқи — ҳуқуқий ва тарихий фанларининг янги соҳасидир	3
Н. Шодиев. Инновацион таъбиркорликни ривожлантиришнинг дунёвий тақрибаси таърифига доир	11
И. В. Бирюкова. Ўзбекистон Республикасида биотехнологик иктиролар патент эришсининг баъзибир масаллари	16
И. Журсева. Ўзбекистон Республикасида интеллектуал ҳуқуқий бошиқариш	23
М. Х. Фанисева. Миллатлараро муносабатларда иктимлоий айдозлар (Ўзбекистонда иктимлоий-анлақ тақдиротлар кулосалари буйича)	32
Н. Ф. Абдуллаева. Янгиини саноят сибсатида инсон омилларини стимуловани тақрибасидан	38
Э. В. Ртвеладзе. Милладан аввалги I минг йилликлар боши ва миллодий III—IV асрларда Урта Осиё ҳукмронлигида давлат ҳукмдорларининг унвоилари	46

Илмий аборот

М. Н. Абдуллаева. Саноят корхоналари рақобатбардошлигини оширишда стратегик режалантиришнинг аҳамияти ҳақида	57
О. Г. Крутько. Жилотнинг сабаб ва мақсади тушунчаси ҳақида	60
Ш. Х. Тошмагов. XIX аср охири — XX аср бошиларда Ўзбекистонда банк ишсининг шаклланиши ва ривожланиши таърифига доир	64
Х. Ф. Фуломов. А. Бекович-Черкасскийнинг Урта Осиё экспедициясига илгича қарашлар	70

Фан янгиликлари: изловчилар, топилмалар, кавифаётлар

К. А. Крамалъ. Ўзбекистоннинг илк антрополог тарихини ўрганиш учун янги маълумотлар	76
---	----

Муборакбод

Академик Х.-А. Р. Раҳмонқулов тавалуудининг 80 йиллигига	80
--	----

Янги китоблар

Б. Р. Каримов. Р. А. Алтнов. Марказий Осиё: мақсадлар муштараклиги	83
М. М. Исҳоқов. М. Бобоҳўжаев. Мустақил Ўзбекистон: ички ва ташқи иқтисодий сибсат	84
Х.-А. Раҳмонқулов. С. С. Фуломов. Корпоратив бошиқарушнинг ҳуқуқий мушавво-лар: назария ва амалиёт	85

СОДЕРЖАНИЕ

А. Латифов. Парламентское право в Республике Узбекистан как новая отрасль права и юридической науки	3
Н. Шадиев. К анализу мирового опыта развития инновационного предпринимательства	11
И. В. Бирюкова. Некоторые вопросы патентной охраны биотехнологических изобретений в Республике Узбекистан	16
И. Джурсева. Коллизионное правовое регулирование заключения брака	23
М. Х. Ганиева. Социальные стереотипы в межэтнических отношениях (По результатам конкретно-социологических исследований в Узбекистане)	32
Н. Ф. Абдуллаева. Из опыта стимулирования человеческого фактора в промышленной политике Японии	38
Э. В. Ртвеладзе. Титулы правителей государств и владений Средней Азии в начале I тыс. до н.э. — III — IV веках н.э.	46

Научные сообщения

М.Н. Абдуллаева. О роли стратегического планирования в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий	57
О. Г. Кругько. О понятиях мотива и цели преступления.	60
Ш. Х. Ташматов. К истории формирования и развития банковского дела в Узбекистане в конце XIX — начале XX века	64
Х. Г. Гуломов. Новый взгляд на экспедицию А. Бековича-Черкасского в Среднюю Азию	70

Новое в науке: поиски, находки, открытия

К. А. Крахмаль. Новые данные к изучению истории раннего антропогена Узбекистана	76
---	----

Наши юбиляры

К 80-летию академика Х.-А. Р. Рахманкулова	80
--	----

Новые книги

Б. Р. Каримов. <i>Р. А. Алптов</i> . Центральная Азия: общность интересов	83
М. М. Исхаков. <i>М. Бабаходжаев</i> . Суверенный Узбекистан: вопросы внутренней и внешнеэкономической политики	84
Х.-А. Рахманкулов. <i>С. С. Гуломов</i> . Правовые проблемы корпоративного управления: теория и практика	85

НАШИ АВТОРЫ

- Ртвеладзе Э. В.** – академик АН РУз, зав. Отделом истории искусств НИИ искусствоведения АХ РУз.
- Ганиева М. Х.** – кандидат философских наук, доцент НУУ им. Мирзо Улугбека.
- Гуломов Х. Г.** – кандидат исторических наук, доцент НУУ им. Мирзо Улугбека.
- Крахмаль К. А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник НУУ им. Мирзо Улугбека.
- Латифов А.** – кандидат юридических наук.
- Ташматов Ш. Х.** – кандидат экономических наук, доцент ТТЭУ.
- Абдуллаева М. Н.** – младший научный сотрудник Института экономики АН РУз.
- Крутько О. Г.** – преподаватель ТГЮИ.
- Шадиев Н.** – соискатель БухГУ.
- Абдуллаева Н. Ф.** – аспирант УМЭД.
- Бирюкова И. В.** – аспирант ТГЮИ.
- Джурсева И.** – аспирант ТГЮИ.

ИНДЕКС 885